
2015

ISSN 1987-5533

UDK (удк) – 34+32. 001

П – 685

L - 41

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 30

Chisinau

June - 2015

Supreme Council on Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation of Moldova, recognized «Law and Politology» as a journal in law, political science, making part of „B” scientific journal (Decision no. 151 of 21 July 2014).

The journal „Law and Politology” is the periodical-scientific edition of the following academic partners

INSTITUTE OF LEGAL AND POLITICAL RESEARCH OF ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA

GELATI ACADEMY OF SCIENCES (GEORGIA)

INSTITUTE ON HUMAN RIGHTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF AZERBAIJAN

THE INSTITUTE OF LEGISLATIVE CREATION AND COMPARATIVE LAW MOLDOVA

EDITORIAL BOARD

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Republic of Moldova**)
Kamal Makili-Aliyev - doctor of Legal Sciences - co-chairman of editorial board (**Republic of Azerbaijan**)
Guram Markhulia - PhD, doctor of History, ass. Professor (**Georgia**)
Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Ayten Mustafaeva - PhD, doctor of Law (**Republic of Azerbaijan**)
Victor Moraru - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, ass. Professor in International Relations (**Georgia**)
Gheorge Costachi - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Ruslan Shevchenko - PhD, doctor of History (**Republic of Moldova**)
Lew Spivak - Professor (**Israel**)
Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) - academic secretary

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Lala Ahmadova - doctor of Philological Sciences (**Republic of Azerbaijan**)
Tamara Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)
Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - doctor of Philological Sciences, Professor (**Georgia**)
Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Anzor Totadze - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)
Victor Balmus - doctor of Law, conf. (**Republic of Moldova**)
Nazim Imanov - doctor of Economics Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Eliko Tsiklauri-Lamich - LL.D, doctor of Law, Professor (**Germany**)

Technical editor - Eugenia Tofan

The journal is being issued since 2007

Address: Chisinau,
Moldova. Tel/FAX: +37322270313,
E-mail: guceac@mail.ru

The magazine registered
16th of august in 2007.
Reg. № 2320

The authors opinion does not necessarily coincide with position of editors

Решением Высшего Совета по Науке и Технологическому Развитию Академии Наук Молдовы и Национального Совета по Аккредитации и Аттестации журнал «Право и Политология» признан как издание в области права и политологии, относящееся к научным журналам категории «Б» (решение № 151 от 21 июля 2014 года).

Журнал «Право и политология» является периодическим изданием научных партнеров

**ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНА**

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (ГРУЗИЯ)

ИНСТИТУТ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА (МОЛДОВА)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мариам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Грузия)
Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Республика Молдова)
Камал Макили-Алиев - доктор юридических наук - сопредседатель редколлегии (Азербайджанская Республика)
Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор (Грузия)
Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Айтян Мустафаева - доктор философии в праве (Азербайджанская Республика)
Виктор Морару - доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)
Георгий Костаки - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Руслан Шевченко - доктор истории (Республика Молдова)
Лев Спивак - профессор (Израиль)
Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лала Ахмедова - доктор филологических наук (Азербайджанская Республика)
Тамара Кикнадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)
Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариэл Сихарулидзе - доктор филологических наук, профессор (Грузия)
Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Анзор Тотадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)
Виктор Балмуш - доктор права, доцент (Республика Молдова)
Назим Иманов - доктор экономических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Элико Циклаури-Ламих - доктор права (Германия)

Технический редактор - Еужения Тофан

Журнал выходит с 2007 года
Адрес: Кишинэу, Молдова
Тел/ФАХ: +373 22270313,
E-mail: guceac@mail.ru

Журнал зарегистрирован
16 августа 2007 г.
Регистрация № 2320

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

CONTENT

LEGAL SCIENCES

Eugenia TOFAN

LEGAL SCIENTISTS OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN, REPUBLIC OF MOLDOVA AND GEORGIA
AT THE ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA 6

Kamal MAKILİ-ALİYEV

ESTABLISHMENT OF CONSTITUTIONAL LAW IN GEORGIA..... 8

Subhan ALİYEV

THE PROBLEM OF COOPERATION WITH INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW IN THE
IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL LEGAL NORMS IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS 14

Hikmet DJAVADOV

EFFICIENCY OF CIVIL LEGAL PROCEEDINGS AS FACTOR OF FORMATION OF ITS VARIOUS TYPES 18

Ramil ASLANOV

DEVELOPMENT TRENDS OF LEGAL REGULATION OF INFORMATION SECURITY 23

Ina VIRTOSU

WHO IS THE MOST POWERFUL AFTER THE TREATY OF LISBON: AN ANALYSIS OF THE MEMBERS
STATE SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE NEW BALANCES OF POWERS IN THE EU 30

POLITICAL SCIENCES

Irada HUSEYNOVA, Ulkar MAMMADZADA

ILHAM ALIYEV'S POSITION IN THE RESOLUTION OF ETHNIC CONFLICTS IN THE SOUTH
CAUCASUS 38

Latifa ALIYEVA

AZERBAIJANI WOMEN IN ARMENIAN-MUSLIM CONFLICT (1905-1906, 1918-1920 YEARS) 42

Hizami MAMEDOV

KARABAH SYNDROME 46

Valeriy KOLYUKH

CONSTITUTIONAL PROCESS AS A COMPONENT AND ONE OF THE FORMS OF POLITICAL PROCESS ... 49

Ganira PASHAYEVA

THE POLICY OF GENOCIDE OF ARMENIA AGAINST AZERBAIJANIS IS A GRAVE CRIME AGAINST
THE MANKIND 54

Aida IUCIFZADE

LEADING CATEGORIES OF POLITICAL SCIENCE: POWER AND LEADERSHIP 58

Liaman KARAEVA

ECONOMIC FOUNDATIONS OF THE AZERBAIJANI-RUSSIAN RELATION AT PRESENT 64

Ulkiar ALIYEVA

RECONSTRUCTION OF OIL EXTRACTION IN THE BAKU REGION AFTER THE ESTABLISHMENT
OF THE AZERBAIJAN SOVIET SOCIALIST REPUBLIC 68

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Евгения ТОФАН

УЧЕННЫЕ ПРАВОВЕДЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА И ГРУЗИИ
В АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ6

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРУЗИИ8

Субхан АЛИЕВ

ПРОБЛЕМА СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В
РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА14

Хикмет ДЖАВАДОВ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
РАЗЛИЧНЫХ ЕГО ТИПОВ18

Рамиль АСЛАНОВ

РАЗВИТИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ.....23

Инна ВЬРТОСУ

У КОГО БОЛЬШЕ ВЛАСТИ ПОСЛЕ ЛИССАБОНСКОГО ДОГОВОРА: АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ
СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВ - ЧЛЕНОВ В КОНТЕКСТЕ НОВОГО БАЛАНСА СИЛ В
ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ30

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ирада ГУСЕЙНОВА, Улькар МАММАДЗАДЕ

РОЛЬ ИЛЬХАМА АЛИЕВА В РАЗРЕШЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ ..38

Лятифа АЛИЕВА

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В СИТУАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ
(1905-1906, 1918-1920 гг.)42

Низами МАМЕДОВ

КАРАБАХСКИЙ СИНДРОМ.....46

Валерий КОЛЮХ

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ И РАЗНОВИДНОСТЬ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА49

Ганира ПАШАЕВА

ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА АРМЕНИИ В ОТНОШЕНИИ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ–ТЯЖКОЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....54

Аида ЮСИФЗАДЕ

ВЕДУЩИЕ КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ВЛАСТЬ И ЛИДЕРСТВО58

Ляман КАРАЕВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АЗЕРБАЙДЖАНО-РОССИЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....64

Улькяр АЛИЕВА

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДОБЫЧИ БАКИНСКОЙ НЕФТИ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР68

Евгения ТОФАН,
пресс-секретарь Академии наук Молдовы,
докторант Института Правовых и Политических
Исследований, АНМ,
технический редактор Журнала

УЧЕННЫЕ ПРАВОВЕДЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА И ГРУЗИИ В АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ

В Академии наук Молдовы, 8 мая 2015 года, прошла защита диссертации на соискание ученой степени доктора хабилитат права (доктора юридических наук) «Влияние международного права прав человека на конституционное право в Азербайджанской Республике, Республике Молдова и Грузии». Соискателем был доктор права Камал Намик оглу Макили-Алиев, ведущий научный сотрудник Центра Стратегических Исследований при президенте Азербайджанской Республики.

Защита диссертации состоялась на заседании Специализированного Научного Совета по специальности 552.01 – Конституционное право, созданного в Институте правовых и политических исследований при Академии наук Молдовы, (председатель Научного Совета – доктор хабилитат права, профессор Георге Костаки, секретарь Научного Совета - доктор права, доцент Виталий Гамурарь).

Диссертация была разработана под руководством профессора, доктора хабилитат права, члена-корреспондента Академии наук Молдовы Ион Гучак, являющегося одним из ведущих ученых конституционалистов Республики Молдова. В качестве официальных оппонентов выступили доктор хабилитат права, профессор Олег Балан (министр внутренних дел Республики Молдова), доктор хабилитат права, доцент Марчел Кушмир (Академия публичного управления при правительстве Республики Молдова) и доктор юридических наук, профессор Мариам Цацанашвили (Университет «Давид Агмашенебели» в Грузии).

В состав Специализированного научного совета вошли видные ученые Республики Молдова и Украины: Костаки Георге (председатель), доктор хабилитат права, профессор, ИЮПИ АНМ; Гамурарь Виталий (ученый секретарь), доктор права, доцент, АНМ; Балмуш Виктор, доктор хабилитат права, профессор, ИЮПИ АНМ; Попа Виктор, доктор хабилитат права, профессор, судья Конституционного Суда Республики Молдова; Буриан Александру, доктор

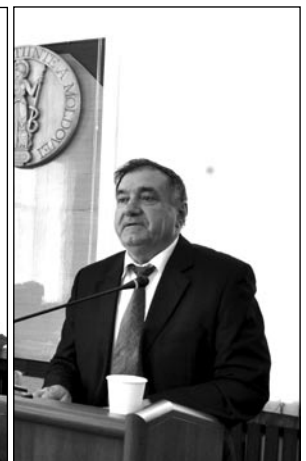
хабилитат права, профессор, АНМ; Смокинэ Андрей, доктор хабилитат права, профессор, УЛИМ; Кырнац Теодор, доктор хабилитат права, профессор, член Высшего Совета Магистратуры Республики Молдова; Тимченко Леонид, доктор юридических наук, профессор, Украина.

Диссертация посвящена проблеме научного определения международного права прав человека в качестве комплексной отрасли международного права и исследования его влияния на соответствующие национальные отрасли конституционного права. Объектом исследования стали международно-правовые нормы, связанные с влиянием международного права прав человека на формирование соответствующих национальных отраслей конституционного права через призму образования и имплементации таких норм материального права.

Представленная на защиту работа является одним из первых монографических исследований влияния международного права прав человека, в качестве самостоятельной комплексной отрасли международного права, на формирование национальных отраслей конституционного права с учетом национальных институтов права прав человека.

Практические предложения, содержащиеся в исследовании, могут быть использованы как во внутригосударственной правотворческой деятельности, так и в международном правотворчестве, при подготовке международных документов, совершенствовании международной практики правотворческой и правозащитной деятельности.

От имени редколлегии и Научного Совета Журнала „Law and Politology” поздравляем доктора хабилитат права (доктора юридических наук) Камала Макили-Алиева, являющегося сопредседателем редколлегии Журнала, с успешной защитой диссертации и желаем дальнейших успехов в научной деятельности.

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ,
доктор юридических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра стратегических исследований
при Президенте Азербайджанской Республики

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРУЗИИ

Конституционное развитие Грузии проходило в рамках романо-германской правовой семьи и, учитывая значительное историческое развитие, правовая система Грузии на данный момент сформировалась в качестве члена так называемой «евразийской» группы. Государственное право Грузии имеет богатую историю, уходящую своими корнями в начало нашей эры. В середине IV века Грузия попадает под влияние многих норм канонического права, так как христианство становится государственной религией. Как и в случае с Молдовой, серьезное влияние на правотворческую деятельность правителей Грузии оказало сильно развитое на тот момент право Византии. Первая попытка систематизации законодательства в Грузии относится к IX веку и предстает в виде единого светского акта того периода, который дошел до нас лишь фрагментами, и называется «Книга Права», более известная как Законы Баграта Куропалата.

XIV-XVIII века можно считать историческим расцветом становления конституционного правотворчества Грузии. Право развивалось довольно быстро, в результате чего было произведено большое количество кодификаций грузинского обычного права, которое и дошло до нас в виде кодексов. Среди них следует отметить: Законы царя Георгия, Судебник Беки Агбуги, Законы католиков, Законы Вахтанга VI и другие источники, которые дополняли друг друга в течение указанных выше веков.

Так, Судебник Георгия (сборник законов, изданный царем Георгием V) относится к 1325-1346 годам, цель которого заключалась в распространении грузинского феодального права на территории верховьев Арагвы (Араз) и Ксани, население которых выступало против установления феодальных отношений. При этом Судебник сохранял такие устаревшие обычаи как кровная месть (при похищении чужой жены, например) или убийство вора в момент преследования. В то же время Судебник пошел вперед и ввел новые формы ответственности за пре-

ступления, как правило, в виде денежных штрафов, величина которых зависела от социального положения сторон. Другая кодификация, Судебник Беки и Агбуги представляет собой сборник законов о государственности и положений подданных правителей княжества Самцхе – Саатабаго Беки и его внука Агбуги. При этом положение подданных определялось в основном нормами уголовного права и, также как и предыдущая кодификация Георгия, эта сохраняла кровную месть за некоторые преступления, но в основном назначались денежные взыскания. Купля-продажа, заем, наследование также вошли в данный Судебник в виде очень короткого имущественного раздела.

Но настоящим расцветом законодательной деятельности в Грузии следует считать XVIII век. В государственное, гражданское и уголовное право тогда было внесено большое количество изменений. Венцом правотворчества принято считать Законы царя Вахтанга VI. Данный свод законодательства в виде феодального права Грузии был составлен под руководством Вахтанга VI, царя Картли, и при участии представителей высшей духовной и светской знати. Указанная кодификация включила в себя Библейские нормы (Законы Моисея), византийское право (сборник византийских правоведов), Законы Мхитар Гоша, так называемое право Католикоса, Постановления грузинского церковного Собора (XVI век), Судебники Георгия V и Беки и Агбуги, а также собственно Уложение Вахтанга VI. Данное последнее Уложение фактически действовало во всей Грузии, а некоторые законы – после присоединения Грузии к России. Кроме того, Вахтангу VI принадлежит также «Дастурламали» – законодательный памятник государственного и административного права. Несмотря на обширное законодательство, в Грузии широко применялось и обычное право.

При этом на тот период в Грузии, наряду со светским правом, широко использовалось и каноническое право. Грузинские источники широко исполь-

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРУЗИИ

зовали вместе с общехристианскими. К источникам национального происхождения относились Законы католиков (XVI век), Грамота памяти Пицунды (XVIII век), Закон об отравлении, против колдовства и гадания (вторая половина XVIII века) и др.

Однако самостоятельное государственно-правовое развитие Грузии прервалось с вхождением ее в состав России в начале XIX века. Во второй половине этого века Законы Вахтанга VI были ликвидированы и заменены общими законами Российской империи.

В феврале 1921 года Учредительное собрание Грузии принимает первую Конституцию этого государства, но данный основной закон действует считанные дни до установления в Грузии Советской власти. В 1991 году данная Конституция формально восстанавливается в силе, однако этот акт имел скорее символическое значение. С установлением в 1921 году Советской власти Грузия фактически имплементирует социалистическое право РСФСР и, как и другие страны постсоветского пространства до развала СССР, проходит стадию конституционно-правового развития в социалистической системе права.

Правовая система Грузии переживает коренную трансформацию в 1990-х годах. Несмотря на то, что общие направления реформ такие же, как и на всем постсоциалистическом пространстве (идеологический и политический плюрализм, рыночная экономика, расширение прав и свобод личности и укрепление их гарантий), конституционное развитие, конечно же, имеет свою определенную специфику.

В 1995 году в Грузии принимается новая демократическая Конституция с подчеркнуто западно-либеральным уклоном. Общепризнанные права и свободы человека объявляются непреходящими и высшими человеческими ценностями (ст.7). Однако отсутствуют какие-либо конкретные положения о социально-экономической системе республики и социально-экономические права граждан. При этом по темпам правовых реформ Грузия на первых порах опережала многие бывшие союзные республики. В 1990-х годах Грузия приняла большое количество новых кодифицированных нормативно-правовых актов, например, Гражданский, Гражданско-процессуальный, Уголовный, Уголовно-процессуальный, Воздушный, Морской, Налоговый и Таможенный кодексы. Данные кодификации и принятые в тот же период времени грузинским Парламентом основные законы заложили базу современной правовой системы и государственного права Грузии. В законодательстве просматривается приверженность классическим принципам романо-германской системы.

При этом, несмотря на европейский ориентир конституционного развития Грузии в постсоветский период, правовая и государственная система грузин-

ского государства все же сохраняет тесную связь с правовыми системами многих других государств бывшего советского пространства. Такая связь прослеживается в сходной структуре системы права, юридической технике, правовом мышлении и культуре, хотя со временем различия только увеличиваются.

В результате долгого пути, пройденного грузинским государством, основным источником права в современной Грузии являются законодательные и нормативные правовые акты. Иерархия таких актов включает, собственно, Конституцию, органические и обычные законы Парламента, указы Президента Республики, подзаконные акты министерств и ведомств, органов местного самоуправления. Спецификой грузинской системы конституционного права является наличие института чрезвычайного законодательства. Согласно Конституции Грузии (ст.73), во время чрезвычайного положения Президент издает имеющие силу закона декреты, действующие до окончания чрезвычайного положения, а также имеет полномочия осуществлять чрезвычайные мероприятия. Декреты представляются в Парламент, когда он собирается на заседание.

Согласно конституционным нормам (ст.6 Конституции), законодательство Грузии соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права. Не противоречащие Конституции международные договоры или соглашения Грузии имеют приоритет перед внутригосударственными нормативными актами.

Особенное место в системе источников права занимают решения Конституционного суда Грузии, которыми может быть отменена любая норма закона или подзаконного акта. Еще одной специфической чертой является пусть и урезанная, но историческая роль обычая в Грузии. Обычаи в правовой системе Грузии сохраняют субсидиарное значение – применяются при условии не противоречия общепризнанным нормам права и нравственности или публичному порядку.

Последняя Конституция Грузии установила государственную форму правления в виде президентской республики. Однако в конце 2012 года в Конституцию Грузии 1995 года были внесены значительные изменения, фактически меняющие форму правления в государстве в сторону парламентской республики. Начавшийся после этого переходный процесс продолжается и сейчас, поэтому представляется целесообразным рассмотреть как предыдущую форму правления, так и изменения конституционного характера, для отображения динамики развития конституционного права Грузии.

Как и ранее до Конституционных изменений законодательная власть в Грузии принадлежит Парламенту. Ныне действующий однопалатный парламент

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

является высшим представительным органов Грузии, который осуществляет законодательную власть, определяет основные направления внешней и внутренней политики страны, в установленных Конституцией пределах контролирует деятельность правительства, а также осуществляет и другие полномочия. Парламент избирается на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на четыре года и состоит из 150 членов, избранных по пропорциональной системе, и 85 – по мажоритарной системе. При этом право законодательной инициативы принадлежит Президенту Грузии, члену Парламента, парламентской фракции, комитету Парламента, высшим представительным органам Аджарии и Абхазии, не менее чем тридцати тысячам избирателей. По требованию Президента представленные им законопроекты рассматриваются вне очереди.

Следует учесть, что законопроект или постановление считаются принятыми Парламентом, если они поддержаны большинством присутствующих, но не менее чем 1/3 полного состава Парламента, если Конституцией не определен иной порядок. Так, законопроект о пересмотре Конституции считается одобренным, если он поддержан не менее чем 2/3 полного состава Парламента Грузии. Проект органического закона считается принятым, если он поддержан более чем половиной списочного состава Парламента. Законопроект, принятый Парламентом, в пятидневный срок передается Президенту Грузии. Президент в течение 10 дней подписывает и публикует закон либо с мотивированными замечаниями возвращает в Парламент. Когда законопроект возвращен, Парламент ставит на голосование замечание Президента. Для их принятия достаточно количества голосов, установленного Конституцией для законопроектов такого рода. Если эти замечания приняты, окончательная редакция законопроекта передается Президенту, который в семидневный срок подписывает и публикует его.

Если же Парламент не принял предложения Президента, голосуется первоначальная редакция законопроекта. Закон или органический закон считается принятым, когда за него голосовало не менее 3/5 списочного состава Парламента. Поправки же в Конституцию считаются принятыми, если за них голосовало не менее 2/3 полного состава Парламента.

При этом и до внесения изменений Парламент Грузии обладал достаточно значительными полномочиями в конституционно-кадровой сфере. Лишь с согласия Парламента Президент назначает министров, послов и иных дипломатических представителей Грузии. В тоже время Парламент уполномочен, по представлению Президента, избирать Председателя и судей Верховного Суда, а также членов Совета Национального банка Грузии, назначать

Генерального прокурора и председателя Палаты контроля, а также на свое усмотрение избирает трех членов Конституционного суда и Народного защитника Грузии.

После внесения изменений в 2012 году полномочия Парламента были еще больше расширены. Теперь признание полномочий новоизбранного Парламента автоматически вызывает формирование нового правительства. Парламент вправе объявить недоверие правительству, однако для этого расписана сложная последовательность процедур (аналогично сегодняшней Конституции). В целом, на полный цикл объявления недоверия и утверждение нового правительства может потребоваться до 92 дней. Объявление недоверия происходит следующим образом: для постановки вопроса к Парламенту должны обратиться не менее 2/5 депутатов, в течение 20-25 дней должно пройти голосование, и за постановку вопроса о недоверии должны проголосовать более половины из состава депутатов по списку. *Если это решение провалится, допускается его повторное инициирование в течение последующих шести месяцев, в течение 2-25 дней после постановки вопроса о недоверии Парламент голосует за представление президенту кандидата на должность премьер-министра, выдвинутого не менее 2/5 частями депутатов по списку. Президент вправе в течение 5 дней согласиться или отказаться от кандидатуры премьер-министра. Парламент может преодолеть это вето 3/5 частью состава депутатов не мене, чем за 15 и не более чем за 20 дней.* В случае преодоления вето максимум в течение 14 дней, происходит представление кандидатуры на пост премьер-министра и утверждение его правительства по правилам конструктивного вотума, которые наряду с утверждением нового правительства означают автоматическое объявление недоверия прежнему составу кабинета министров. Но в случае объявления Парламентом недоверия новому составу правительства, президент вправе в течение трех дней распустить Парламент и назначить внеочередные выборы. Премьер-министр вправе поставить перед Парламентом вопрос о выражении доверия правительству в связи с законопроектом, который был инициирован правительством (в том числе и по бюджетному законопроекту). Парламент в течение 14 дней или в одном слушании должен принять законопроект (законопроекты обычно принимаются в трех слушаниях) или объявить недоверие правительству по установленной процедуре. Если Парламент не сможет принять решение об объявлении недоверия, законопроект будет считаться принятым. Но за этой процедурой не последует последняя стадия, предусмотренная по процедуре конструктивного вотума недоверия, которая предусматривает возможность роспуска Парламента Президентом.

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРУЗИИ

Парламент большинством полного состава вправе поставить перед Премьер-министром вопрос о должностной ответственности отдельных министров. Однако премьер-министр не обязан согласиться с мнением Парламента, так как об ответных механизмах в конституционных изменениях ничего не сказано. Парламент теперь будет проводить контроль за расходованием бюджетных средств посредством Контрольной палаты. У Правительства уже нет обязательств после согласования с парламентским комитетом представлять государственный бюджет, как это предусмотрено в действующей Конституции. По новой редакции, представлению бюджета должно предшествовать обсуждение с комитетами его основных данных и направлений, а не согласование. При назначении послов уже не будет требоваться согласие Парламента. По требованию 1/5 части депутатов (вместо сегодняшней 1/4 части) создаются следственные и другие временные комиссии. Решение о создании комиссии принимается по установленным по Регламенту Парламента правилам, то есть в виде постановления, для чего необходима будет поддержка большинства присутствующих на заседании депутатов. Количество представителей большинства в комиссии не должно превышать половину всего числа членов комиссии. Парламент теперь сможет преодолеть вето президента по органическому закону — числом больше половины всего состава. В случае конституционного закона — не менее 2/3. Член Парламента будет вправе обратиться с вопросом к представителю исполнительной власти любого уровня и получить от него ответ.

Правительство теперь не будет выполнять лишь функции администрации Президента, как это было до изменений. Как видно из полномочий, представленных Парламенту, появился новый для конституционного права Грузии институт парламентской ответственности. Правительство становится высшим органом исполнительной власти, которое будет обеспечивать осуществление внутренней и внешней политики страны, и в то же время является подотчетным перед Парламентом. Главой правительства является Премьер-министр, который назначает на должность и освобождает с должности других членов правительства, в том числе и силовых министров — до изменений это входило в эксклюзивные права президента. Отставка или прекращение полномочий премьер-министра автоматически вызывает прекращение полномочий других членов правительства. Полномочия Правительства прекращаются сразу по признанию полномочий новоизбранного Парламента (а не после избрания нового президента, как это было предусмотрено до изменений).

Вышедшая на первое место партия в новом Парламенте представляет кандидатуру Премьер-

министра, которого формально выдвинет Президент. Кандидат в Премьер-министры сам выбирает министров и вместе с программой Правительства представит Парламенту на утверждение. Для того чтобы заручиться доверием Парламента, необходима поддержка со стороны большинства состава членов Парламента по списку. Если полномочия Правительства прекращаются по другой причине (не из-за избрания нового Парламента), Президент представит на утверждение ту кандидатуру на должность Премьер-министра, которую ему предложит парламентское большинство, или в случае отсутствия такового, самая крупная фракция по числу ее членов. Если Парламент с двух попыток не сможет утвердить Правительство большинством своего состава по списку, тогда Президент представляет законодательному органу кандидатуру в Премьер-министры, которую ему предложит 2/5 часть депутатов, и распускает Парламент и назначает внеочередные парламентские выборы лишь после того, как и с третьей попытки не удастся выразить доверие Правительству. Только Правительство будет правомочно представлять проект государственного бюджета Парламенту (а не Президент, как это было предусмотрено до изменений), и тем самым вся ответственность за бюджетный процесс возлагается полностью на Правительство и Парламент.

Правительство будет вправе обращаться к Парламенту с предложением ратификации, денонсации или отмены международных договоров и соглашений. Таким правом в определенных случаях будет обладать и Президент, но с потребностью контрассигнации от Премьер-министра. Правительство будет вправе обратиться к президенту с просьбой созыва внеочередной сессии или заседания Парламента. Без представления Правительства Президент не сможет назначать или освобождать послов с должности. Также без согласия Правительства не сможет принимать решение об аккредитации дипломатических представительств.

Правительство назначает на должность или освобождает с должности губернаторов регионов. В контрассигнации Премьер-министра будут нуждаться правовые акты Президента, кроме издаваемых в военное время актов. Здесь же определены те направления, в том числе и роспуск Парламента, назначение выборов, подписание закона, объявление военного положения и его отмена предоставление и прекращение гражданства, назначение судей, когда Премьер-министр не имеет право на контрассигнацию.

Правительству предоставляется право потребовать от Президента назначить референдум. Президент должен согласовывать с Правительством осуществление переговоров и оформление договоров с другими странами.

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

Как видно из указанного выше, полномочия Президента Грузии после изменений 2012 года сильно сокращаются. Президент остается главой государства, главнокомандующим Вооруженными силами и представителем при осуществлении внешних отношений, но уже не будет осуществлять внутреннюю и внешнюю политику. Избирательный ценз для избрания на пост президента снова остается на уровне 35 лет, и на этот пост может быть избран гражданин Грузии, который проживал в Грузии не менее 5 лет, и ко дню назначения выборов последние 3 года проживал в Грузии. Президент не обладает правом занимать партийную должность, но он может быть членом партии. В компетенции Президента остается право назначать или освобождать с должности начальника Генерального штаба и других военных командующих только с согласия Правительства.

Президент выдвигает кандидатуру Премьер-министра и назначает его, что является формальной процедурой его участия в этом процессе, так как в случае, если правовой акт о назначении не будет издан, Премьер-министр автоматически считается назначенным. Президент не будет обладать правом назначать, по своей инициативе, референдум и сможет сделать это только после того, как с соответствующим требованием выступят Парламент, Правительство или не менее 200 тысяч избирателей.

В соответствии с новыми изменениями Президент уже не будет обладать правом на законодательную инициативу и выдвижение требования о внеочередном обсуждении законопроекта в Парламенте. Президент также не будет обладать правом, по собственной инициативе, созывать заседание или сессию Парламента, но такие заседания он сможет созывать по требованию председателя Парламента, не менее четвертой части депутатов Парламента или Правительства, если акт о созыве не издан, в течение 48 часов с момента выдвижения требования Парламент все равно соберется.

Президент не будет участвовать в бюджетном процессе и обладать эксклюзивным правом на представление в Парламент членов регулирующих комиссий – ему придется делать это с согласия Правительства. Также с согласия Правительства Президенту придется, после консультаций с основными политическими субъектами в Верховном совете автономной республики Аджария, представлять кандидатуру на пост председателя Правительства Аджарии на утверждение в Верховный совет автономии. Президент уже не сможет отменять или приостанавливать действия правовых актов исполнительных властей.

Президент обладает правом потребовать обсуждение законодательной инициативы или законопроекта в Парламенте внеочередным образом – однако

это полномочие Президента ко второму слушанию конституционных изменений может или полностью быть отменено или ограничено.

Президент будет вправе потребовать обсуждения отдельных вопросов на заседании Правительства и участвовать в заседании Правительства в обсуждении этих вопросов. До 15 дней сокращается парламентский срок объявления импичмента Президенту. Вопрос об импичменте Президента вновь сможет выдвинуть 1/3 депутатов полного состава Парламента, которые смогут обратиться в Конституционный суд в случае наличия признаков преступления или нарушения Конституции в действиях президента (по действовавшим ранее правилам вопрос об импичменте президента рассматривается Конституционным судом и Верховным судом по типу нарушения). Если Конституционный суд подтвердит наличие нарушения, импичмент Президенту объявляет не менее 2/3 депутатов в течение 15 дней (вместо 30).

Согласно новым конституционным положениям, полномочия Президента прекращаются сразу после принесения новоизбранным Президентом президентской присяги. Новый Президент будет приведен к присяге в третий воскресный день после избрания.

Согласно новым положениям, если в первом туре президентских выборов участвовал только один кандидат, и он не смог набрать достаточное количество голосов, через два месяца пройдут новые выборы. Президент сохраняет право на объявление военного или чрезвычайного положения, заключение мира – эти решения должны быть утверждены Парламентом. Президент вновь будет вправе с согласия Парламента приостановить деятельность органов самоуправления или распустить их, если они создают угрозу суверенитету страны, территориальной целостности или осуществлению конституционных полномочий государственными органами. Президент сохранит эксклюзивное право на назначение выборов, помилование заключенных, решение вопросов предоставления гражданства, выдачу наград и званий, подписание и опубликование законов, заключение конституционного соглашения от имени государства с автокефальной апостольской Грузинской православной церковью. Президент также сохраняет право на представление Парламенту ежегодного доклада раз в году.

Следует отметить, что последние изменения в конституционном праве Грузии predeterminedили смену направления конституционного развития государства и показывают наличие серьезных демократических процессов, приводящих к развитию как правовой системы Грузии, так и ее конституционного строя.

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРУЗИИ

Литература:

1. Ковешников, Е. М., Марченко, М. Н., Стешенко, Л. А. Конституционное право стран Содружества Независимых Государств. Учебник для вузов. – Москва: НОРМА – ИНФРА-М, 1999. – 464 с.
2. Михалева, Н. А. Конституционное право зарубежных стран СНГ. – Москва: Юристъ, 1998.
3. Мишин, А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. – Москва: Юстицинформ, 2003. – 511 с.
4. Орландо, В. Принципы конституционного права. – Москва, 1907.
5. Основные правовые системы современности. – Москва: Прогресс, 1998.
6. Решетников, Ф. М. Правовые системы стран мира: Справочник. – Москва: Юридическая литература, 1993.
7. Саидов, А. Х. Введение в основные правовые системы. – Ташкент, 1988.
8. Современные зарубежные конституции. – Москва, 1992.
9. Сравнительное конституционное право. – Москва: ИГП РАН, «Манускрипт», 1996.
10. Четверкин, В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. – Москва: ИГП РАН, 1993.
11. Чиркин, В. Е. Конституционное право зарубежных стран. – Москва: Юристъ, 1997.
12. Шайо, Андраш. Конституция как результат страха и ее принятие. – *Dirçalış – XXI əsr*, 2006, N 98-99, с. 298-311.
13. Энтин, Л. М. Разделение властей: Опыт современных государств. – Москва: Юридическая литература, 1995.

Субхан АЛИЕВ,
доктор философии в праве,
доцент кафедры Конституционного права
Бакинского Государственного университета

ПРОБЛЕМА СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В процессе реализации международно-правовых норм в сфере прав человека особое место занимает непосредственно оперативная деятельность международных межправительственных организаций. Они создаются для координации сотрудничества государств в определенной сфере и оказывают в пределах возможности государствам необходимую помощь в реализации договоров в конкретной сфере сотрудничества. Государства, в свою очередь, способствуют достижению целей, поставленных в уставах международных организаций.

Что касается правового обеспечения реализации международно-правовых норм, то международные организации могут наделяться весьма широкими и разнообразными полномочиями. Так, они принимают конкретизирующие акты (например, Декларация о принципах международного права 1970 г., принятая Генеральной ассамблеей ООН) и акты толкования (Резолюция Генеральной ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года об определении агрессии), осуществляют контроль за исполнением международных обязательств (обсуждение докладов о мерах по исполнению обязательств, обсуждение эффективности реализации договоров, осуществление проверок и т.д.).

Международные организации играют важную роль в разрешении международных и национальных споров в сфере прав человека. Они могут предоставлять благотворительные услуги в споре о толковании и применении международно-правовых норм (например, ЮНЕСКО). Они осуществляют функции и правоприменительных органов – от выяснения обстоятельств до принятия решений. Международные организации (деятельность Совета Безопасности и Международного Суда ООН) также применяют санкции.

Механизмы реализации ООН по правам человека основываются либо на договорах ООН, либо на уставе ООН. Различие между организациями, осно-

ванными на договоре или уставе, имеет значение на прагматическом уровне. Организации, основанные на уставе, финансируются членскими взносами участников ООН, организации, основанные на договоре, финансируются лишь за счет добровольных выплат государств-участников договора. В рамках охранительной системы ООН имеются такие органы как суды, трибуналы, комитеты, специальные процессуальные механизмы, рабочие группы, докладчики, эксперты и представители. В настоящее время действуют следующие суды и трибуналы: Международный суд правосудия (Гаага); Международный уголовный суд; Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии; Международный уголовный трибунал по Руанде;

К судам и трибуналам (гибридные трибуналы), созданным на основе взаимного согласия ООН и национальных правительственных органов, относятся: Специальный суд по Сьерра-Леоне; уголовная группа суда и апелляционный суд города Дили (Восточный трибунал Тимор); Миссия ООН по делам Временной администрации в Косове, Группа Судов Косово; Чрезвычайные судебные палаты в Камбодже [2, с. 12].

Международный Суд Правосудия рассматривает только дела между межгосударственными или межправительственными организациями (ЮНИСЕФ, Всемирная организация здравоохранения), а лица или неправительственные организации не включены в юрисдикцию Международного суда правосудия. Международный уголовный суд, судопроизводство по делам, поступившим в Международный уголовный трибунал Югославии и Руанды, а также иные гибридные уголовные суды, осуществляются посредством своих соответствующих прокуроров. Лица не могут быть судимы в конфиденциальном порядке. Несмотря на это, эти трибуналы считают неправительственные организации и иные неправительственные органы советниками в судебном процессе.

Кроме того, существуют несудебные органы ква-

ПРОБЛЕМА СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

зисудебного характера, созданные на договорной основе, к которым относятся следующие: Комитет по правам человека; Комитет по ликвидации расовой дискриминации; Комитет против пыток; Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин.

Трибуналы ООН на договорной основе. Несмотря на то, что существуют многочисленные декларации, стандарты, договора в связи с правами человека и гуманитарным правом, тем не менее, были созданы судебные и квазисудебные органы для рассмотрения дел только на основе пяти из них: (1) на основе Римского Договора – Международный уголовный суд; (2) Международный пакт о гражданских и политических правах и его факультативного протокола – Комитет по правам человека; (3) Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания – Комитет против пыток; (4) Конвенция по ликвидации всех форм расовой дискриминации – Комитет по ликвидации расовой дискриминации; (5) Факультативный протокол к Конвенции по ликвидации всех форм дискриминации против женщин – Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин [8, с. 7].

Трибуналы ООН, основанные на уставе, и иные механизмы. К этим трибуналам относятся: Международный суд правосудия (Гаага), Международный уголовный суд бывшей Югославии, Высшая Комиссия ООН по правам человека, Процедура 1503, Процедура 1235, Международная организация труда, Верховная Комиссия ООН по делам беженцев.

Тематические механизмы – это механизмы, состоящие из специальных докладчиков, назначенных Комиссией ООН по правам человека для разрешения проблем, возникающих по различным областям прав человека и различных странах. Специальные докладчики представляют отчеты о проделанных работах перед Комиссией по правам человека.

Внутригосударственный нормативный механизм. Основная цель, стоящая в настоящее время перед государствами как будущих носителей обязательств в области прав человека, является реализация прав. Государства под предлогом своей независимости, руководствуясь принципом территориального суверенитета, не могут избежать реализации прав человека и защиты в рамках своих территорий. Международный контроль и механизмы исполнения завершают национальные судебные процедуры и играют вспомогательную роль в слабых отраслях при осуществлении превентивных мер за нарушение государственными органами прав человека, устранении нарушений и назначении наказаний. Выбор средств реализации прав человека на национальном уровне определяется индивидуально со стороны отдельных государств. Международное право устанавливает определенные минимальные стандарты в данной области. Таким образом, государства обязаны: созда-

вать возможность для реализации прав человека на национальном уровне и обеспечивать эффективным национальным правовым средством при правонарушении; расследовать предполагаемые правонарушения и начинать уголовное обвинение против преступников при особо тяжких правонарушениях; выплачивать компенсации жертвам правонарушений или их реабилитировать; предотвращать предполагаемые правонарушения [1, с. 16].

Государство свободно определяет, на какие органы следует возложить эти обязанности. Кроме судебных органов, определяющих ответственность за нарушение прав человека, можно отметить такие органы, как органы административной власти, национальных комиссий в области прав человека, институт омбудсмена.

А. Обеспечивать права человека эффективными правовыми средствами защиты. Основные договоры в области прав человека признают право обжалования решений государственных органов, нарушающих права лиц на национальном уровне. Статья 2 Международного Пакта о гражданских и политических правах обязывает государства обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективные средства правовой защиты, даже если они нарушены государственными чиновниками. В статье 13 Европейской конвенции по правам человека отмечается, что каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты до вмешательства национальных полномочных органов, действовавшим в официальном качестве. Соответствующая статья предусматривается и в статье 25 Американской конвенции по правам человека и статье 23 Африканской конвенции по правам человека. Другие договоры в этой области предусматривают наличие такой нормы права, согласно которой жертвы нарушений прав человека до обращения в международные организации должны пройти все местные средства правовой защиты [3, с. 67].

Б. Обязанности расследования, преследования и наказания. Из решений Комитета ООН по правам человека, Европейского и Американского суда по правам человека выясняется, что в случаях применения пыток и нарушения права на жизнь или насильственных исчезновений людей, в соответствии с национальным законодательством государственные органы путем преследования и эффективного расследования должны наказать ответственных за эти нарушения. Согласно практике Межамериканского суда по правам человека, правила амнистии не согласованы с наказанием лиц, ответственных за нарушения указанных прав или преступления против человечества.

С. Обязанность по обеспечению компенсации. Ряд международных и региональных договоров охватывают нормы, определяющие компенсацию за

Субхан АЛИЕВ

нарушение прав человека. Данный вопрос особенно ясно отражен в статье 6 Конвенции по ликвидации расовой дискриминации и в статье 24 Конвенции о предотвращении насильственного исчезновения всех людей от 2006 года. Точно также, в статье 14 Конвенции против пыток отмечается, что государства должны обеспечивать полное восстановление прав жертвы пыток необходимыми средствами правовой защиты и признавать их право на получение справедливой и адекватной компенсации. Статья 39 Конвенции о правах ребенка обязывает государства принимать все необходимые меры для того, чтобы содействовать физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребенка, являющегося жертвой любых видов пренебрежения, эксплуатации или злоупотребления, пыток или любых других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения, наказания или вооруженных конфликтов. В общих конвенциях по правам человека право на компенсацию в особенности предусматривается и в случаях незаконного ареста и содержания [8, с. 43].

Д. Обязанность по осуществлению предупредительных мер. Само эффективное исполнение прав человека делает необходимым принимать предупредительные меры против нарушений. Достижение этих результатов возможно посредством превентивных мер. О принятии предупредительных мер против нарушений в области прав человека существует ряд открытых договорных обязательств. Статья 2 Конвенции против пыток возлагает на государства обязательство, согласно которому все государственные органы должны предпринимать эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией. Конвенции против расовой дискриминации, о ликвидации дискриминации в отношении женщин и против случаев исчезновения также обязывают государства принимать законодательные и административные меры для осуществления предупредительной (превентивной) деятельности.

Реализация международно-правовых норм в сфере прав человека в области внутригосударственных отношений является деятельностью субъектов отношений, указанных в соответствии с нормами международного права. Обязательство участников внутригосударственных отношений по соблюдению норм международного права в своей деятельности закрепляется внутригосударственными правовыми актами [6, с. 80].

В национальном законодательстве действует достаточное количество норм, связанных с тем, что полномочные государственные органы соблюдают и основываются в своей деятельности не только на

Конституции, но также и на нормах международного права. Например, в статье 2 Закона об адвокатах и адвокатской деятельности отмечается, что законодательство об адвокатах и адвокатской деятельности состоит из настоящего Закона и иных законодательных актов Азербайджанской Республики, а также международных договоров, подписанных Азербайджанской Республикой.

В национальном законодательстве действуют также нормы, в соответствии с которыми полномочные органы в своей деятельности реализуют международно-правовые нормы, а также осуществляют в этой сфере международное сотрудничество. Например, в статье 6 Закона АР о Прокуратуре отмечено, что Прокуратура в предусмотренном законодательством порядке устанавливает связи с соответствующими органами зарубежных стран и международными организациями и в пределах своих полномочий принимает участие в решении вопросов, вытекающих из международных договоров, поддерживаемых Азербайджанской Республикой [10, с. 6].

Международное право имеет одну систему, более двух сот национально-правовых систем. В таком случае, взаимосвязь международного и внутригосударственного права раскрывается различными путями в зависимости от национально-правовых систем. В целом, порядок реализации международно-правовых норм в сфере внутригосударственных отношений является суверенным правом государств. По такому вопросу в государства не вмешиваются. Существуют также исключения из данного правила. В таких случаях, в самом международном договоре закрепляются конкретные способы реализации (принятие закона, внесение изменений в законодательство, принятие административных актов, обеспечение применения наказания и т.д.) [9, с. 26]. Следующий аспект реализации международно-правовых норм во внутригосударственных отношениях является объективное и необходимое содействие национального права, оказанное международному праву. Международное и национальное право являются независимыми системами, поэтому в реализации международно-правовых норм необходимо содействие национального права. Опыт показывает, что большинство международно-правовых норм реализуются посредством национального права. Международно-правовые нормы возлагают в общем виде обязательство не на отдельные государственные органы или должностные лица, а на государства. Однако деятельность государств осуществляется посредством именно государственных органов и должностных лиц. Их деятельность регулируется национальным правом. Любая норма международного права при исполнении государствами нуждается в содействии национально-правовых норм.

**ПРОБЛЕМА СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В
РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Литература:

1. Barnhizer, D. *Effective Strategies for Protecting Human Rights: Economic Sanctions, Use of National Courts and International Fora and Coercive Power.* – Ashgate Publishing Company, 2001.
2. Barnhizer, D. *Effective Strategies for Protecting Human Rights: Economic Sanctions, Use of National Courts and International Fora and Coercive Power.* – Ashgate Publishing Company, 2001.
3. Newman, F., Weissbrodt. *International Human Rights. Law. Policy and process.* – Cincinatti, 1990.
4. Yamake, H. *Asia and human rights. The international dimensions of human rights. Vol. 2.*
5. *International Human Rights and Humanitarian Law. Treaties, Cases and Analysis.* Martin F. F., Schnably S. J., Wilson R. J., Simon S. J., Tushnet M. – New-York: Cambridge University Press, 2006.
6. IACtHR, *Chumbipuma Aguirre and others v Peru* (Barrios Altos Case), Series C, No75 (2001) paras 41 ff and *Almonacid-Arellano et al v Chile*, Series C, No 154 (2006) paras 108 ff.
7. Freeman, M. *Human Rights: An Interdisciplinary approach.* 2-nd Edition. – Cambridge: Polity Press, 2011, p. 119 – 125.
8. Newman, F., Weissbrodt. *International Human Rights. Law, Policy and process.* – Cincinatti, 1990.
9. *International Human Rights and Humanitarian Law. Treaties, Cases and Analysis.* Martin F. F., Schnably S. J., Wilson R. J., Simon S. J., Tushnet V. M. – New-York: Cambridge University Press, 2006.
10. Зимненко, Б. Л. *Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть, курс лекции.* – Москва: Российская Академия правосудия, Статут, 2010.

Summary

The article defined the problem of international and national law in the implementation of international norms provovyh protection of human rights. Along with universal treaty mechanisms of international legal standards for the protection of human rights, there are also regional treaty arrangements, reflecting the features of different regions. International and national law are independent systems, therefore, the implementation of international legal norms must assist national law. Experience shows that the majority of international legal norms are implemented by national law.

Хикмет ДЖАВАДОВ,
кандидат юридических наук,
научный сотрудник,
докторант Института государства
и права им. В. М.Корецкого Национальной
Академии наук Украины

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ЕГО ТИПОВ

Проблема эффективности сопутствует становлению гражданского судопроизводства. Несмотря на то, что широкое использование этой характеристики в отношении гражданского судопроизводства является достоянием недавнего этапа развития правовой культуры, судебная деятельность по разрешению конфликтов всегда получала ту или иную оценку в контексте выполнения поставленных задач, приносимой пользы и общественных затрат. Именно недостатки функционирования судопроизводства, его несоответствие потребностям и ожиданиям общества были, есть и будут причиной изменений и реформ. Поэтому как объективный показатель эффективность судопроизводства является его неизменным спутником.

Однако понятие эффективности не является абстрактной мерой, одинаково применимой к различным процессуальным системам и институтам. Эффективность, будучи характеристикой качественной и сущностной, неразрывно связана с тем конкретно-историческим форматом, в котором функционирует гражданское судопроизводство. Эффективность своеобразно реализуется в различных общественных системах, основанных на дифференцированном подходе к ценностям и приоритетам.

Исследование эффективности современного гражданского судопроизводства Украины с неизбежностью сталкивается с вопросом о том, являются ли иные системы более эффективными? Находятся ли причины проблем гражданского судопроизводства Украины в недочетах законодателя и пороках судей, или они имманентны самой природе судопроизводственных отношений? Возможно ли восприятие позитивного опыта прошлого либо удачных решений, выработанных в других государствах? Рассмотрение подобных вопросов представляет собой важный аспект понимания эффективности, что вызывает необходимость установления системы исходных позиций и обуславливает обращение к типологии граждан-

данского судопроизводства.

Проблемы эффективности гражданского судопроизводства и типологии гражданского процесса тесным образом связаны. Показательно замечание Д. Я. Малешина о том, что целью типологии гражданских процессуальных систем является определение эффективности и тенденций развития национального гражданского процессуального права [1, с. 65]. Мощное аналитическое начало, реализуемое в сравнительно-правовом исследовании правовых порядков и их отдельных элементов (в частности, гражданского судопроизводства), позволяет подняться над ситуативными и случайными моментами, присущими национальному гражданскому процессу в силу тех или иных субъективных условий. Расширение базы исследования открывает возможность воспользоваться достижениями мировой правовой культуры. Типология гражданского создает основу разделения общих проблем, обусловленных природой судопроизводства как вида общественной деятельности, и частных проблем, связанных с недостатками национального регулирования и практики.

Вопросам типологии гражданского судопроизводства посвящены работы таких авторов, как Д. Я. Малешин, И. В. Решетникова, В. В. Ярков и многих других. В то же время, не все аспекты этой проблемы получили надлежащее освещение. В частности, целью этой статьи является рассмотрение роли эффективности в процессе формирования типа гражданского судопроизводства.

В значительной мере роль основы сравнительно-правовых исследований гражданского судопроизводства исполняет общая типология правовых систем, представляя собой форму организации и структурирования научного знания. В мировой правовой мысли вопрос типологии правовых систем является весьма спорным, а предложенные его решения – разнообразными. Признавая достоинство плюралистического подхода и не обращаясь к анализу разнообразных

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ЕГО ТИПОВ

видов систематизации, классификации и типологии, заметим, что в литературе доминирует позиция о том, что существуют две основные правовые системы: романо-германская и англосаксонская [2, с. 206; 3, с. 245 – 247; 4, с. 262]. Справедливым представляется тезис Р. Леже о том, что некоторые правовые системы оказывают значительное влияние на другие системы [5, с. 5]. Именно эти системы формируют основу модели типа гражданского судопроизводства.

В науке бытует представление о том, что романо-германскому процессу присущ следственный принцип судопроизводства, а англосаксонскому — состязательный [6, с. 26 – 30; 7, с. 593 – 597]. Однако обосновываются также и взгляды, доказывающие отсутствие тождества между типологией правовых систем и типологией гражданского судопроизводства [8, с. 123 – 124]. Д. Я. Малешин приходит к выводу о том, что тип правовой системы оказывает определенное влияние на развитие гражданского судопроизводства, но он не является определяющим, а, тем более, единственным фактором [1, с. 78].

По нашему мнению, традиционно определяемые в качестве основных англосаксонский и романо-германский типы правовых систем сохраняют свое ключевое значение и для исследования эффективности гражданского судопроизводства. Заметим, что американская правовая система в контексте общего исторического пути развития гражданского судопроизводства не дополнила воспринятое ей английское право таким образом, чтобы существенно его изменить. В то же время романо-германский тип процесса представляет собой общую модель, сформированную совместным участием правовых порядков континентальной Европы, в котором сложно выделить доминирующую роль одной или другой составляющей. Формируясь параллельно и испытывая взаимное влияние, перемешиваясь и сочетаясь в национальных правовых системах, романо-германский тип оформился в своих существенных чертах именно в качестве интегративного образования. Не отрицая квалификации правовых систем Франции и Германии как великих, мы придерживаемся мнения, что сообщами сформирован один тип гражданского судопроизводства.

При этом типология гражданского судопроизводства не может быть составлена без учета исторического пути развития правовой системы мира. Историческое развитие является одним из наиболее применимых критериев типологизации гражданских процессуальных систем, позволяющим дифференцировать их в зависимости от исторической эпохи [1, с. 88]. Принцип историзма позволяет объяснить место каждой отдельно взятой национальной правовой системы на правовой карте мира принадлежностью ее к той или иной правовой семье [8, с. 119]. Исторический контекст помогает точно определить суть той

или иной процессуальной системы, условия, истоки и факторы ее становления и развития в том или ином обществе, установить взаимное соотношение правовых систем. Изъятие из глобального исторического процесса момента, характеризующего сегодняшний день, не дает действительного представления о гражданской процессуальной системе. Существующие правовые системы современности вбирают в себя путь становления и содержат перспективы развития, и только в единстве прошлого, настоящего и будущего реализуют свою внутреннюю идентичность.

Сравнение англосаксонского и романо-германского гражданского судопроизводства подчеркивает актуальность исторического подтекста типологии. Длительное время имело место доктринальное противопоставление этих двух типов в плоскости состязательности и следственности. Однако, как совершенно верно подчеркивается в науке, на сегодняшний день это разделение практически нивелировано. В то же время, английский процесс прошел путь до современного состояния через абсолютную состязательность, а континентальный – через следственное начало. Остановившись на подобных правилах сбалансированной следственности и состязательности, внутренне каждый тип содержит в себе противоположный зародыш, оригинальную историю формирования, различные (иногда и противоположные) причины установления существующего паритета.

Обращаясь к истории становления типов процесса, зададимся вопросом о причинах их обособления, о том, почему такие государства, как Англия, с одной стороны, и Франция, Германия, с другой стороны, выработали разные типы процесса при достаточно схожих условиях экономического и социально-культурного развития? Так, Д. Я. Малешин относит гражданские процессуальные системы названных стран к одному, индивидуалистскому типу в рамках предлагаемой им сущностной типологии [1, с. 112]. Другие авторы – к западным правовым системам [9, с. 58], системам с длительными правовыми традициями [5, с. 103 – 110], общностям позитивного права [10, с. 12] и т.п.

В науке достаточно полно освещается история становления английского и романо-германского процессов. Следует заметить, что различно само конструирование этих двух типов. Романо-германский процесс представляет собой обобщенный тип, сформированный на основе схожих правовых систем значительного количества государств, складывавшихся постепенно и параллельно, т. е. в качестве реализации типичной тенденции. Его основу составляет механизм социального регулирования с помощью абстрактных норм, действующих по принципу «от общего к частному». Фундамент его заложен римским правом [11, с. 160]. Следует заметить, что традиционные религиозные правовые системы весьма

Хикмет ДЖАВАДОВ

схожи с романо-германским типом в контексте общей логики построения и функционирования, с тем существенным акцентом, что роль закона в значительной степени исполняют религиозные нормы, а судебная власть связана с духовной. Эти аргументы дают нам основания предположить нормативно-актный способ наиболее общим и соответствующим задаче правового регулирования.

В то же время, гражданский процесс Англии представляет собой уникальное и специфическое явление, результат действия своеобразных факторов и условий. Показательно, что английский тип правовой системы привносился в другие государства в связи с завоеваниями, колонизацией и другими формами влияния Британии, но не в одном государстве, кроме Англии, подобная система не была сформирована автономно.

Важной чертой европейской традиции (как континентальной, так и английской) является признание права ценностью, основным социальным регулятором. Первопричиной существования суда есть цивилизованное (в соответствии с представлениями общества) разрешение конфликтов. Однако это общее для англосаксонского и романо-германского типа предназначение дополняется в англосаксонской модели мощной функцией правотворчества. Суд не только применяет и толкует право, но и создает его, а судопроизводство занимает ведущее место в механизме социального регулирования.

Правовая система Англии представляется продуктом стечения обстоятельств конкретно-исторического характера. Главной чертой английского правопорядка является прецедентный тип правового регулирования. Среди его особенностей указывается, что орган, разрешающий спор, создает правило поведения, которое в данном случае имеет ретроспективное действие и становится обязательным; что правила формируются казуально, по мере возникновения спорных ситуаций и их передачи на рассмотрение суду; что результат разрешения дела, и, соответственно, содержание правовой нормы, непосредственно зависит от активности, способностей и возможностей сторон. Таков прецедент в его изначальной сущности, прецедент, сформировавший общее право и заложивший основу англосаксонской правовой системы. С позиций достижения целей социального регулирования отмеченные черты отражают слабые места прецедентного способа. Право, основанное на прецеденте, – сложный и потенциально малоэффективный путь создания нормативных предписаний. Прецедент хорош для корректировки, уточнения и конкретизации уже имеющихся правил, установления максимальной адекватности между общественными отношениями (обстоятельствами, фактами) и нормами.

Для англосаксонской правовой системы специфическим является способ установления правового

регулирования, имеющий направленное движение от конкретного к абстрактному. Интересы общества представлены через призму интересов отдельных лиц – сторон, общая потребность в регулировании – опосредована их волей на предъявление и поддержание иска, адекватность правила разрешения спора воплощена через их состязание. Однако полагаем, что способ восприятия интересов общества (через личность или через государство) не может быть отождествлен с делением общества на индивидуалистский и коллективистский тип, так как речь идет о формальном моменте – способе объективации интересов, а не о сущностном – характере интересов.

Также следует обратить внимание на участие общества в судопроизводстве в английском процессе. Речь идет о широком использовании присяжных и мировых судей. Таким образом, в судопроизводстве находили отображения представления достаточно широкого круга лиц. Показательно, что присяжные и мировые судьи лишены правотворческой компетенции. Их роль ограничена правоприменением (мировые судьи) или даже установлением фактов (присяжные). Становление гражданского судопроизводства на основании суда присяжных обуславливает специфику доказательной деятельности, требуя тщательного, развернутого, аргументированного и убедительного доказывания, способствует развитию взвешенной и чувствительной системы оценки доказательств. В таком случае судебный процесс реализует тенденцию большего соответствия жизненным реалиям.

Ученые утверждают, что основным отличием англосаксонского и романо-германского процессов является положение суда и сторон в процессе [12, с. 20]. С этим трудно не согласиться. Представляется, что активность судьи в романо-германском процессе направлена на то, чтоб индивидуальные обстоятельства конфликта не исказили сути общего правила в ходе его применения. Пассивность судьи в английском процессе, в свою очередь, связана с обеспечением максимальной связи между поведением лица (стороны) и результатом. Она исключает возможность суда творить абстрактное право по своему усмотрению, обязывая лишь фиксировать то, к чему привели судью стороны. Недостаточное усердие сторон, отсутствие у них необходимых ресурсов воспринимается как показатель того, что их позиция недостаточно сильна, востребована, обоснована и не заслуживает воплощения в судебном решении, то есть, не соответствует праву.

По нашему мнению, отсутствие активности суда в процессе непосредственно сопряжено с правотворческими его полномочиями, что в совокупности формирует цельный и органичный статус суда. Нормотворческая роль суда требует его пассивности в процессе. В свою очередь, пассивность суда в процессе без нормотворческих полномочий существен-

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ЕГО ТИПОВ

но ослабляет статус суда в системе социального регулирования, снижает эффективность воздействия на общественные отношения, дестабилизирует структуру социально-правового регулирования в контексте статуса государственных органов.

Весьма разумное поведение, высокая правовая культура и мастерство английских судей, широкое использование обычаев позволило использовать прецедент как эффективный механизм регулирования. Упорство высших должностных лиц и самих судей в отстаивании судебной компетенции, конкуренция за сферы влияния, сохраняющая значимость правосудия, не допустили оттеснения судопроизводства от ключевых ролей в управлении обществом. Позже, высокая степень корпоративной солидарности юристов сохранила юриспруденцию как прерогативу юристов, не позволив упростить ее до уровня обыденного знания и несложного навыка. Профессионализм и квалификация, достоинство и чувство меры, воплощенные в судебной системе, предотвратили назревание в обществе вопроса о судебной монополии. Сложно охватить весь ряд способствующих факторов, однако, несомненно, что особенности правовой культуры Англии создали на основе прецедента, являющегося переходным, неудобным способом нормативного регулирования, органичную, и, главное, действенную систему управления обществом и разрешения социальных конфликтов.

Со временем функция правотворчества судов в англосаксонской правовой системе несколько ослабевает в силу создания мощного массива норм и правил, под давлением нормативных актов, принимаемых в специфических сферах общественной жизни, однако, сохраняется национальная правовая культура, тип правового мышления, императивы и доминанты социально-правового регулирования. Важнейшей и непререкаемой максимой англосаксонского права была, есть и будет идея о том, что право учреждает (объективирует) суд. Поэтому англосаксонская правовая система зависима от судопроизводства не толь-

ко в вопросе эффективности, но и самой ее жизнеспособности. Реализация посредством гражданского судопроизводства не только правоприменительных, но и правоучредительных функций определяет примат процессуального права в англосаксонской правовой системе.

Как показывает сравнение англосаксонской и романо-германской процессуальной традиции, различные механизмы могут быть эффективными в схожих социально-экономических условиях. Это обстоятельство подчеркивает значение субъективных факторов правового регулирования. Также следует признать справедливость тех ученых, которые обращают внимание на то, что правоприменительная, и, прежде всего, судебная практика существенно корректирует нормативные предписания [1, с. 324]. Исторический опыт становления английского процесса обосновывает существенное значение высокой культуры правоприменения, обеспечившей эффективность прецедентного правового регулирования. Сложившаяся типология доказывает, что судопроизводство представляет собой явление далеко не механистического порядка, а его эффективность предполагает обращение к широкому кругу факторов и условий.

Таким образом, феномен существования двух развитых, современных и в то же время различных типов гражданского судопроизводства, обусловлен, по нашему мнению, формированием в Англии своеобразного способа нормативного регулирования. Именно правовая система Англии, став исключением из общей логики развития правовых явлений, создала уникальный правопорядок, основанный на значении судебного прецедента. В силу специфики ряда благоприятных факторов, среди которых особо следует упомянуть традицию правовой культуры судейского корпуса, существующая система стала достаточно эффективным инструментом управления обществом. Динамика соответствия социокультурному запросу в сфере функционального назначения судопроизводства обусловила ее стабильность и развитие.

Литература:

1. Малешин, Д. Я. Гражданская процессуальная система России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15 / Малешин Дмитрий Ярославович; МГУ. – Москва, 2011. – 639 с.
2. Алексеев, С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – Москва: Статут, 1999. – 712 с.
3. Бержель, Ж.-Л. Общая теория права / Под. общ. ред. В. И. Даниленко / Пер. с фр. – Москва: Издательский дом NOTA BENE, 2000. – 576 с.
4. Марченко, М. Н. Курс сравнительного правоведения. – Москва: ООО «Городец-издат», 2002. – 1068 с.
5. Леже, Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / [пер. с фр. Грядов А. В.]. – 3-е изд., перераб. – Москва: Волтерс Клувер, 2011. – 529 с.
6. Свирин, Ю. А. О единстве гражданской процессуальной формы и гражданского процессуального права / Адвокат, 2014, № 10, с. 26 – 30.
7. Гражданский процесс: учебник / [Под ред. В. В. Яркова]. [5-е изд.]. – Москва: Волтерс Клувер, 2004. – 720 с.
8. Саидов, А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник

Хикмет ДЖАВАДОВ

/ Под ред. В. А. Туманова. – Москва: Юристъ, 2003. – 448 с.

9. Осаке, К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части: Учеб.-практ. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Дело, 2002. – 464 с.

10. Маркова-Мурашова, С. А. Национальная правовая система России и типология правопонимания: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 /Маркова-Мурашова Свет-

лана Александровна; Санкт-Петербургский университет МВД РФ. – Санкт-Петербург, 2006. – 482 с.

11. Егоров, А. В. Правовая семья как объект сравнительного правоведения / Правоведение, 2005, № 2, с. 155 – 161.

12. Решетникова, И. В. Доказательственное право Англии и США. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. – 240 с.

Summary

Article is devoted to consideration of a role of efficiency of civil legal proceedings in the course of formation of various types of civil process. The points of view on typology of legal systems and typology of civil legal proceedings are analyzed. Also the attention to features of formation of Anglo-Saxon and Romano-German types of civil legal proceedings is paid. The position about value of efficiency as a factor of development of civil process is reasoned.

Keywords: civil process, efficiency, typology, precedent, statutory act.

Рамиль АСЛАНОВ,
доктор философии в праве,
доцент кафедры Конституционного права
Бакинского Государственного университета

РАЗВИТИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (на материалах Российской Федерации)

Концепцией административной реформы в Российской Федерации в качестве приоритетных направлений определены такие, как:

организационное разделение функций управления государственным имуществом и предоставления государственными организациями услуг гражданам и юридическим лицам;

завершение процесса разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, оптимизация деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти.

Постановлениями Правительства Российской Федерации от 19 января 2005 г. № 30 «О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти» [6] и от 28.07.2005 № 452 «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» закреплены принципы административной реформы, применяемые для взаимодействия и организации деятельности федеральных органов исполнительной власти.

Важными документами, необходимыми для реализации административной реформы, являются Федеральная целевая программа «Развитие Судебной системы России на 2007 – 2011 годы», Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006 – 2008 годы), одобренный распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.10.2005 № 1789-р план мероприятий по проведению административной реформы в Российской Федерации в 2006-2008 годах, разработанные в целях повышения эффективности государственного управления путем кардинального улучшения деятельности органов исполнительной власти.

При построении информационного общества важную роль играет оптимизация взаимодействия

федеральных органов исполнительной власти, их территориальных органов с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также взаимодействие органов исполнительной власти с гражданским обществом.

В настоящее время координация деятельности федеральных органов исполнительной власти по внедрению систем информационно-технологического обеспечения административных процессов является недостаточной. Уровень использования современных информационных технологий в сфере управления, позволяющих обеспечивать информационную безопасность, остается низким для кардинального повышения эффективности деятельности органов государственной власти.

В основном административная реформа затронула федеральный уровень исполнительной власти. На региональном уровне она реализуется в виде экспериментов.

По свидетельству международных экспертов, по эффективности государственного управления и качеству публичных услуг Российская Федерация находится на одном уровне со странами, намного уступающими ей в экономическом развитии.

Основными задачами при проведении административной реформы являются: повышение эффективности государственного управления, предоставление качественных публичных услуг населению, обеспечение права граждан на объективную информацию.

При построении информационного общества важнейшими целями административной реформы в Российской Федерации являются: повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти; повышение качества и доступности государственных услуг.

Для достижения этих целей необходимо решение следующих задач, требующих создания государ-

Рамиль АСЛАНОВ

ственной системы информационной безопасности, которые должны найти отражение в основах законодательства Российской Федерации об информационной безопасности:

внедрение в органах исполнительной власти принципов и процедур управления по результатам;

разработка и внедрение стандартов государственных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти, а также административных регламентов в органах исполнительной власти;

повышение эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и гражданского общества, а также повышение прозрачности деятельности органов исполнительной власти;

модернизация системы информационного обеспечения органов исполнительной власти;

формирование необходимого организационного, информационного, ресурсного и кадрового обеспечения административной реформы, совершенствование механизмов распространения успешного опыта государственного управления.

Представляется, что основные мероприятия административной реформы, касающиеся напрямую рассматриваемой темы, должны быть реализованы по следующим направлениям:

разработка нормативно-правовой и методической базы для проведения административной реформы, в частности, создание организационных, нормативно-правовых и методических основ разработки, принятие и применение процедур управления по результатам, стандартов государственных услуг и административных регламентов, модернизация системы информационного обеспечения органов исполнительной власти;

разработка стандартов массовых общественно значимых государственных услуг, предоставляемых федеральными органами исполнительной власти, их внедрение на федеральном и региональном уровнях;

разработка и принятие нормативных правовых актов, упраздняющих избыточные и дублирующие функции, осуществляемые органами исполнительной власти, позволяющих передавать ряд государственных функций саморегулируемым организациям и создавать механизмы, предотвращающие появление новых избыточных функций у органов исполнительной власти, а также закрепляющих процедуры раскрытия информации о деятельности государственных органов;

реализация пробных проектов по созданию и внедрению процедур управления по результатам деятельности в федеральных органах исполнительной власти.

Для обеспечения информационной безопасности, несомненно, положительным является то, что в рамках административной реформы предусмотрены следующие направления работы:

внедрение приоритетных стандартов государственных услуг, административных регламентов и электронных административных регламентов, которые активно разрабатываются;

обеспечение информационной открытости федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;

завершение разработки и внедрение систем информационного обеспечения федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: поэтапное развертывание систем мониторинга результатов деятельности органов исполнительной власти, качества и доступности государственных услуг, информационной открытости, процесса закупок для государственных нужд.

Работа по этим направлениям должна носить системный характер и осуществляться на основе взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления при оказании государственных услуг гражданам и организациям в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 25.12.2007 № 931. Кроме того, мероприятия по внедрению системы управления, ориентированной на результат, также должны быть скоординированы с реализуемыми в соответствии с Концепцией реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004 – 2006 годах [5] и федеральной целевой программой «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» мероприятиями по созданию единой государственной информационной системы планирования и мониторинга эффективности деятельности органов власти в целях достижения ключевых показателей социально-экономического развития, в том числе на основе развития, интеграции и обеспечения доступности баз государственных статистических данных и внедрения в органах исполнительной власти современных информационных систем поддержки управления проектами и формирования ведомственной управленческой отчетности.

Следует отметить, что в настоящее время отсутствует необходимая нормативно-правовая база для стандартизации услуг, предоставляемых органами исполнительной власти, включая услуги общего экономического характера (они находятся в стадии формирования), а также неэффективна существующая система обратной связи с пользователями государственных услуг.

Очевидно, что административно-управленческие процессы в федеральных органах исполнительной власти и органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации недостаточно организованы и эффективны. Качество этих процессов может быть усовершенствовано путем их модернизации, опирающейся, в первую очередь, на подготовку и внедрение

РАЗВИТИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (на материалах Российской Федерации)

административных регламентов с использованием возможностей информационно-коммуникационных технологий, которые в настоящее время активно разрабатываются и находятся в стадии принятия. Этот процесс координируется и контролируется Правительственной комиссией по административной реформе.

Целями этого направления административной реформы являются разработка и внедрение стандартов государственных услуг, административных регламентов, а также совершенствование имеющихся и создание новых эффективных механизмов досудебного обжалования действий и решений органов исполнительной власти и их должностных лиц.

Кроме того, должен быть введен порядок представления доказательств необходимости дополнения реестров (перечней) государственных услуг новыми услугами, что позволит не допустить навязывания обществу избыточных государственных услуг.

В первую очередь должны быть разработаны и внедрены стандарты массовых общественно значимых государственных услуг, непосредственно затрагивающих конституционные права и свободы граждан. Это, в частности, услуги, связанные с государственной регистрацией прав на недвижимое имущество и сделок с ним (включая земельные участки), выдачей паспорта гражданина Российской Федерации, регистрацией и трудоустройством безработных граждан, и другие государственные услуги.

Качество и уровень этих публичных услуг должны повышаться и в информационном обществе являться важным показателем его развития. Перечень государственных услуг, которые предоставляются федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в отношении которых требуется первоочередная разработка и внедрение стандартов и административных регламентов, должен быть утвержден Правительственной комиссией по проведению административной реформы.

Мероприятия этого направления должны быть скоординированы с работами, проводимыми в области внедрения информационно-коммуникационных технологий, прежде всего, в рамках Государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы)». В рамках этого направления были решены следующие задачи:

внедрение в деятельность органов исполнительной власти по предоставлению государственных услуг технологий электронного взаимодействия с населением и организациями, создание единой системы информационно-справочной поддержки населения и организаций по вопросам получения государственных услуг, а также создание информационной системы ведения реестра предоставляемых государственных услуг;

стандартизация электронного взаимодействия органов исполнительной власти и населения при оказании (получении) государственных услуг;

включение в перечень государственных услуг, описания процедур этих услуг и создание на его основе единой информационно-справочной системы.

Другими составляющими этого направления являются разработка и внедрение административных регламентов в федеральных органах исполнительной власти и органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Под административным регламентом исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг понимается нормативный правовой акт федерального органа исполнительной власти или органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, определяющий последовательность действий органа исполнительной власти (административные процедуры), обеспечивающих исполнение государственных функций, включая предоставление государственных услуг, эффективную работу структурных подразделений и должностных лиц, реализацию прав граждан и организаций.

Важно отметить, что при разработке административных регламентов для органов исполнительной власти должна быть создана единая функционально-процессная модель организации их деятельности с учетом возможностей современных информационно-коммуникационных технологий, которая станет основой для формирования ведомственных программ информатизации на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Разработка технологической базы электронных административных регламентов (административных регламентов, реализуемых посредством применения информационно-коммуникационных технологий на всех этапах выполнения соответствующих действий) осуществляется в рамках Государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы)». Электронные административные регламенты позволяют обеспечить взаимодействие различных ведомственных информационных систем в рамках реализации общих административных процедур.

Внедрение современных информационных технологий должно способствовать исключению избыточных и дублирующих функций органов исполнительной власти, организационному разделению правоустанавливающих функций, функций надзора и контроля, а также функций по управлению государственным имуществом и предоставлению государственных услуг.

Однако повышению эффективности внедрения новых информационных технологий, предоставлению услуг связи в определенной степени препятствует отсутствие практики аутсорсинга.

Рамиль АСЛАНОВ

В связи с этим необходима также разработка методики выявления административных и управленческих процессов, нуждающихся в аутсорсинге, создание перечня функций и видов деятельности, не подлежащих аутсорсингу, обеспечение комплексной прозрачной системы учета расходов на внутреннее обеспечение исполнения функций структурными подразделениями, разработка типовых процедур и технологий проведения аутсорсинга, процедур и механизмов контроля эффективности аутсорсинга и мониторинга выполнения условий контрактов, механизмов, стимулирующих государственные органы к его проведению.

В рамках Государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» обеспечивается формирование общей информационно-технологической инфраструктуры межведомственного информационного взаимодействия на основе системы закупок для государственных и муниципальных нужд.

Одной из ключевых проблем функционирования системы исполнительной власти в Российской Федерации является, как уже отмечалось, недостаточная информационная открытость органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, а также отсутствие обратной связи с гражданами и организациями.

В рамках административной реформы важно решить вопрос влияния гражданского общества (граждан, организаций, делового сообщества) на подготовку и принятие затрагивающих их права и законные интересы решений органов исполнительной власти и принятие соответствующих правовых актов.

В целях обеспечения информационной открытости необходима разработка и внедрение следующих механизмов:

- раскрытие информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;

- проведение публичных обсуждений подготавливаемых решений;

- проведение общественной экспертизы социально значимых решений органов исполнительной власти;

- включение представителей гражданского общества в коллегии надзорных органов, рабочие группы, другие структуры по подготовке нормативных правовых актов и иных, затрагивающих права и законные интересы граждан и организаций, решений органов исполнительной власти;

- создание и деятельность при органах исполнительной власти общественных советов с участием представителей гражданского общества;

- определение рейтингов органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по критерию открытости.

Особая роль отводится размещению информации

на интернет-порталах федеральных органов исполнительной власти, которые должны соответствовать общим требованиям по размещению указанной информации о деятельности органов исполнительной власти в сети Интернет.

Следует отметить, что препятствия на пути реализации административной реформы являются недостатки существующей системы статистического учета, не позволяющей в полной мере оценивать эффективность работы органов исполнительной власти и качество предоставляемых государственных услуг. Ведомственные системы сбора данных не позволяют осуществлять качественную оценку результативности деятельности органов исполнительной власти, также отсутствуют систематические данные о состоянии государственного управления в субъектах Российской Федерации.

В рамках административной реформы не менее важной задачей должно стать создание эффективной системы мониторинга показателей деятельности субъектов бюджетного планирования, развитие нормативно-правовой и методической базы системы информационно-статистического обеспечения деятельности органов исполнительной власти, что может быть реализовано в связи с принятием федерального закона, направленного на закрепление официального статистического учета и создание системы государственной статистики.

Сегодня требуется модернизация системы информационного обеспечения деятельности органов исполнительной власти на основе внедрения международных стандартов и создания систем мониторинга по основным направлениям реализации административной реформы.

В связи с этим, необходимой является разработка методических основ и систем мониторинга процессов управления по результатам, качества предоставления государственных услуг, результативности ведомственных и региональных антикоррупционных программ, проведения закупок для государственных нужд, информационной открытости органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, развития гражданского общества и участия его представителей в процессе подготовки и принятия государственными органами решений.

Таким образом, в целях реализации указанных мероприятий необходимо не только развитие системы статистического учета и отчетности, но и переход на применение в статистической практике новых национальных классификаторов, гармонизированных с международными аналогами, позволяющими повысить прозрачность представляемой статистической информации и открытость органов государственной власти.

Кроме того, существующий уровень информационного обеспечения органов исполнительной власти

РАЗВИТИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (на материалах Российской Федерации)

не соответствует предъявляемым требованиям управления, и для создания эффективной системы мониторинга необходимо дальнейшее совершенствование системы государственного статистического наблюдения и сбора данных, для чего потребуются формирование единой государственной информационной системы, обеспечивающей возможность автоматизированного сбора, обработки, анализа и представления соответствующих сведений по всей системе государственного управления.

В связи с изложенным, организация самостоятельных систем мониторинга по каждому из перечисленных направлений, связанных с созданием и внедрением отдельных систем мониторинга закупок для государственных нужд, информационной открытостью органов государственной власти и органов местного самоуправления, развитием гражданского общества и участием его представителей в подготовке и принятии решений, является необходимым условием успешной реализации административной реформы в целом.

В то же время, справедливо заметить, что показателями достижения целей административной реформы должна стать оценка гражданами деятельности органов исполнительной власти по оказанию государственных услуг.

Как известно, в настоящее время существуют социологические методы определения удовлетворенности граждан качеством и доступностью государственных услуг, которые в значительной мере формируют отношение населения к деятельности органов исполнительной власти, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Основным инструментом для исследования качества и доступности государственных услуг, признанным в мировой практике, является проведение социологических опросов.

Как следует из Концепции административной реформы, в результате ее проведения предполагается повысить степень удовлетворенности граждан качеством и доступностью государственных услуг к 2018 году до 50 процентов и к 2020 году – не менее чем до 70 процентов.

Однако проблемой остается то, что такая система требований избыточна, не прозрачна и противоречива: контрольные полномочия (исследования, обследования, экспертиза, анализ первичной информации) соединены с надзорными полномочиями (проведение проверок, наложение взысканий, выдача разрешений, приостановление деятельности), что также должно быть решено в ходе административной реформы.

Важной составляющей в информационном обществе является обеспечение электронной системы закупок для государственных нужд.

Следует признать, что действующая в настоящее время система закупок для государственных нужд недостаточно эффективна. Использование конкурсных

механизмов допускает высокий уровень манипуляций, блокируя эффективную конкуренцию, несмотря на то, что внесены соответствующие изменения в законодательство.

Одними из важнейших направлений повышения эффективности государственных закупок являются: формирование системы эффективного контроля за соблюдением законодательства в области закупок с целью поддержания открытости и гласности каждой закупки, ведение открытого и доступного всем реестра государственных контрактов, расширение применения средств автоматизации в процессе размещения государственных заказов, установление жесткой регламентации процедур закупок для государственных нужд.

В то же время принимаемые меры не будут эффективными без повышения ответственности должностных лиц за расходование бюджетных средств, невыполнение сроков поставки и несоблюдение процедур закупок.

Требование обеспечения прозрачности государственных закупок вытекает и из международных актов. Так, статья 9 Конвенции ООН против коррупции закрепляет положение, что «каждое государство-участник принимает в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы необходимые меры для создания надлежащих систем закупок, в том числе публичное распространение информации, касающейся закупочных процедур и контрактов на закупки, включая информацию о приглашениях к участию в торгах и надлежащую или уместную информацию о заключении контрактов, с тем чтобы предоставить потенциальным участникам торгов достаточное время для подготовки и представления их тендерных заявок» [7].

Требуется упрощение процедур размещения заказа, а также обеспечение прозрачности и гласности проведения закупок, в том числе посредством легализации применения информационных технологий, стимулирования конкуренции при размещении заказов, предусмотренных в Федеральном законе «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

В частности, для проведения открытого аукциона в электронной форме должны быть законодательно предусмотрены возможности и правила, идентичные правилам проведения открытого аукциона, без применения информационно-коммуникационных систем.

В настоящее время принят Федеральный закон от 24.07.2007 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» и отдельные законодательные акты Российской Федерации [8].

Рамиль АСЛАНОВ

Статьей 41 данного Федерального закона регламентирован порядок доступа участника размещения заказа к участию в открытом аукционе, проводимом в электронной форме на сайте в сети Интернет, в том числе основные требования к порядку регистрации на таком сайте.

Процесс осуществления государственных и муниципальных закупок должен быть открытым для общественного и государственного контроля и осуществляться на основе конкурса.

В статье 61 Конвенции ООН против коррупции рассматривается возможность проведения анализа тенденций в области коррупции каждым государством-участником на своей территории, возможность расширения статистических данных, аналитических знаний относительно коррупции и информации, в том числе об оптимальных видах практики в деле предупреждения коррупции и борьбы с ней, и обмена государствами-участниками между собой.

В то же время регламенты работы органов государственной власти практически не поддерживают оперативное информационное обновление интернет-сайтов, которые нередко не содержат необходимых сведений о порядке и условиях оказания услуг гражданам и организациям. Отсутствует доступный единый реестр государственных услуг с информацией об условиях их получения, а также общая информационно-справочная система по взаимодействию населения с органами власти.

Целесообразна разработка проекта федерального закона «Об информационном взаимодействии органов государственной власти», в котором должен быть определен порядок взаимодействия органов государственной власти при формировании и использовании информационных ресурсов. Принятие такого федерального закона позволит создать необходимую нормативную базу для реализации программ «Электронное правительство» и «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» и создания соответствующего федерального центра управления, поскольку решить этот вопрос императивно для всех органов государственной власти возможно

только законодательно закрепив соответствующие правовые нормы.

Требуется оптимизация взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, их территориальных органов с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также взаимодействие органов исполнительной власти с гражданским обществом.

Необходима координация деятельности федеральных органов исполнительной власти по правовому обеспечению информационной безопасности и внедрению систем информационно-технологического обеспечения административных процессов на основе межведомственного взаимодействия. Уровень взаимодействия и использования современных информационных технологий остается недостаточным для кардинального повышения эффективности деятельности органов государственной власти.

В основном административная реформа затронула федеральный уровень исполнительной власти. На региональном же уровне она реализуется лишь в виде экспериментов, хотя в ряде субъектов Российской Федерации и не только в центрах а, например, в Ханты-Мансийском автономном округе, она прошла весьма успешно. В то же время информационно-коммуникационные технологии (особенно сфера их использования и применения) входят в зону повышенного риска, связанного с вопросами обеспечения информационной безопасности. В частности, можно говорить о формировании рисков, обусловленных процессом информатизации и расширением доступа к колоссальному количеству разнообразных данных. В связи с этим, обосновывается вывод о целесообразности разработки Основ законодательства Российской Федерации об информационной безопасности и законодательном закреплении полномочий Совета безопасности Российской Федерации по выработке государственной политики в области обеспечения информационной безопасности в соответствующем федеральном законе о Совете безопасности Российской Федерации, разработка которого предусмотрена статьей 83 Конституции Российской Федерации.

Литература:

1. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 15, с. 769.
2. Емельянов, Г. В., Стрельцов, А. А. Информационная безопасность (учебное пособие). – Москва, 1999.
3. Кардашова, И. Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. Всероссий. научн.-исслед. ин-т МВД России. – Москва, 2006.
4. Послание Президента РФ Федеральному Собра-

нию «О национальной безопасности». – Москва, 1996.

5. СЗ РФ, 2004, № 22, ст. 2180.

6. СЗ РФ, 2005, № 4, ст. 305.

7. СЗ РФ, 2006, № 26, ст. 2780.

8. СЗ РФ, 2007, № 31, ст. 4015.

9. Стрельцов, А. А. Принципы и структура правового обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. Право – информация – безопасность, 2001, № 1.

**РАЗВИТИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ (на материалах Российской Федерации)**

Summary

The article discusses the development trends of legal regulation of information security based on domestic regulations. It is noted that, in building the information society plays an important role to optimize the interaction of local authorities with the central executive authorities, as well as the interaction of the executive authorities and civil society. The author concludes that, it is appropriate to develop basic legislation on information security and consolidate the powers of security agencies in the formulation of government policy in the field of information security.

Keywords: information security, information society, the concept, the regulatory bases, information technology, government program, national security, law.

Ina VIRTOSU,
Doctorant at the Institute of Political and Legal
Research of the Academy of Sciences of the
Republic of Moldova

WHO IS THE MOST POWERFUL AFTER THE TREATY OF LISBON: AN ANALYSIS OF THE MEMBERS STATE SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE NEW BALANCES OF POWERS IN THE EU

Introduction

The European Union (EU) nowadays is made up of 28 countries, known as Member States (MSs), which together form the largest voluntary and peaceful, economic and political block of countries in the world.

The EU is not a single body, but just consists of a number of different institutions that together carry out activities on behalf of the MSs.

The EU is, also, not a state and does not intend to form a state in the future, but it is a very dynamic system where we always testimony deep metamorphosis via decisions taken by its supranational institutions. These decisions have effects on the MSs, their institutions and EU citizens.

The EU institutions – unlike those of traditional international organisations - have been vested with real powers to achieve the objectives defined by its founding treaties. The very essence of these powers, developed by member states to oversee governance and policy making within the EU area – which can create enforceable rights and obligations for individuals – have made their division between the institutions a constitutional necessity right from the start of the European construction as the interests of national governments had to be balanced by the „common” interest of the construction as such, as well as those of citizens subject to European legislation [1, p. 4].

Many argue that there are three main institutions, but in fact the institutions with relevant decision making power are five: the Commission, the Council of Ministers, the European Council, the European Parliament and the European Court of Justice. All of them have important role to play, and an important word to say for the EU „destiny”, therefore the balance of power between these actors matters, because it influences the contents of legislation, which in turn affects just about every aspect of economic, social and cultural life in the EU’s MSs.

In the EU balance of power can be examined within institutions that have responsibility for the decision mak-

ing process and for that reason that assignment considers reasons how and why nations form institutions and highlights the key institutions in the EU’s decision making process.

A balance of power involves a particular distribution of power amongst states of that system such that no single state and no existing alliance has overwhelming or preponderant amount of power. When a great power emerges its power must be balanced to maintain equilibrium within the system. Where there is no other great power to balance this power, small and weaker nations may decide to cooperate or form an alliance in order to balance the great power [2].

The balance of powers between the institutions has evolved considerably since the 1950s – and it had to because of the massive expansion of competences and policies as well as the overall progress of European political integration. At the very beginning there were just few European countries in European communities, but when EU became larger and larger it was a need of restructuration and change in balance of power between the EU’s institution.

For the first two decades of the institutional development of the original European Communities the institutional balance of power was essentially of a bi-polar nature as only the Council and the Commission were institutions vested with real powers.

This was changed, with the granting of budgetary powers to the European Parliament which had until then, been limited to a purely consultative role through the amending treaties of 22 April 1970 and 22 July 1975. As a result a tri-polar Council – Commission – European Parliament institutional balance emerged, with the ‘third’ pole – the European Parliament – acquiring increased legislative powers – especially through the introduction in 1993 and subsequent extensions of the co-decision procedure – and increased powers over the appointment of the Commission with the successive reform rounds of the Single European Act (1987), the Treaty of Maastricht

WHO IS THE MOST POWERFUL AFTER THE TREATY OF LISBON: AN ANALYSIS OF THE MEMBERS STATE SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE NEW BALANCES OF POWERS IN THE EU

(1993), the Treaty of Amsterdam (1999) and the Treaty of Nice (2003) [3, p. 2].

Treaty revisions have been the primary catalysts of change in the institutional balance. This both happened by responding to pressure for change – such as by the European Parliament trying to assert its role or national governments trying to design specific solutions for new sensitive policymaking domains (such as justice and home affairs) – and by creating the potential for further change through the practice of inter-institutional relations on the basis of the new treaty provisions. Because this has implications for sovereignty and security nation states have to weigh up their options especially what alternatives might be available to them. Institutions are then formed to ensure that the EU's resources and efforts are coordinated and managed effectively under a single authority.

The traditional concept of state sovereignty has been challenged since the very beginning of the integration process in Europe more than fifty years ago. While the enlargements of the EU could not question this irreversible trend, controversies referring to sovereignty issues surround the current reform of the Treaties too.

The Treaty of Lisbon continues the tradition of the EU treaty revisions bringing changes to the institutional balance – and the range of institutional reforms introduced is much more extensive than in the case of the previous reforms under the Treaty of Nice. The latest process of reform of the European institutions has been a long and arduous one. After failure of the Constitutional Treaty, and a rejection by Irish people, finally Lisbon Treaty come into force on 1st December 2009, and have brought numerous changes in the balance of power of the EU institutions - changes that can envision the future of European integration and brought questions related to the MSs sovereignty.

The shifts in relative power occasioned by the new treaty changes between the European Union institutions which exercise legislative and/or executive power, raise two important questions:

1. How the balance of power between the European Parliament, the European Commission, the Council and the European Council, changed and which of them are the most powerful in the EU's policy-making nowadays?
2. Does this new balance, brought by the Lisbon treaty, undermine MS sovereignty?

The legislation making trio of the EU

The balance of power between these actors matters, because it influences the contents of legislation, which in turn affects just about every aspect of economic, social and cultural life in the EU's MSs.

Each of these actors has distinct roles in the legislative decision-making process. The Commission holds the right to initiate legislative proposals, which it is widely acknowledged gives it considerable potential to influence

the contents of legislation. However, the Commission's proposals can be amended by, and need to be approved by, the Council of Ministers and, depending on the policy area, by Parliament too.

The Council and the Parliament hold legislative authority in the EU. It may seem, at first, strange that the more powerful chamber, the Council is composed of national ministers and that neither the Parliament, nor the Council have the power to initiate legislation, but this was made to protect the interests of 'small' countries and overcome the traditional shortcomings of intergovernmental institutions and in particular, the paralyzing effect of the unanimity trap [4, p. 251]. It means that any draft law will be passed through two successive filters: the general interest at the level of the Commission; and democratic representation, European and national, at the level of the Council and European Parliament, together the Union's legislature.

The Council, where Member States' governments are represented, is considered by some authors [5, p. 197] to be the most powerful institutional actor in the EU. The formal rules of interaction between the Commission, Council and Parliament are specified in the legislative procedure that applies to whichever proposal is being discussed. The choice of procedure depends on the Treaty article on the basis of which the Commission introduces its proposal. Today, the most important and widely used legislative procedures are co-decision and consultation.

The specifications of the legislative procedures certainly influence the extent to which each of the actors is able to leave its mark on the contents of legislation. Under the co-decision procedure, the Council and Parliament are essentially equals, whereby the approval of both bodies is required before legislation can be adopted. The co-decision procedure as specified in the Treaty of Amsterdam, provides for the possibility of two parliamentary readings of a legislative proposal. In the event of a protracted disagreement between the Council and the Parliament, a Conciliation Committee is set up, composed of representatives of the Council and Parliament, with a view to formulating a joint text. The Committee must succeed in formulating a joint text and this must be approved by both the Council and Parliament for the legislative proposal to be adopted. Consultation is an older and simpler procedure than co-decision.

The system of decision-making in the European Union can be perceived with respect to the primary role of MS. This feature is strictly connected with the very reason of European integration and is the convergence of interests of states that creates the tendency of ever closer cooperation and defines stages of integration.

Regardless of whether the EU place restrictions on the sovereignty of MSs under the relatively new Lisbon Treaty, and give up it to the EU institutions the previous limitations upon the Member States was according to the European Court of Justice (ECJ) and clearly enshrined in

Ina VIRTOSU

the legal system [6, p. 45]. Consecrated in case law the EU has since its creation created its own legal system where MSs voluntarily agreed to limit their sovereign rights in a number of fields and are thus bound to apply the legal decisions of the ECJ as an integral part of their national legal system [7].

All law that result from the Treaty in this way must be implemented by the MSs in the domestic legislation. A breach of this places the legal base of the EU in question; it is a common principle of the EU that the voluntary decision of a MS to join the Union therefore brings them within the realms of permanent limitation of their sovereign rights in certain limited fields and this limitation means that MSs must ensure that incompatible prevalent legislation does not exist.

The „ascension” of the European Parliament after the Lisbon Treaty

Before Lisbon treaty, under consultation, the Commission proposes and the Council decides; the European Parliament had an advisory function only, but the Treaty of Lisbon strengthens the European Parliament’s significantly - and this in six ways:

First, by extending its powers under the ordinary treaty revision procedure. The Parliament now has a right to submit formal proposals for the amendment of the Treaties to the Council [8], must be represented in the revision Convention and must give its consent to any decision by the European Council not to convene a Convention [9].

The new Treaty does still not give the Parliament an independent right of legislative initiative, but it strengthens its position vis-a-vis the European Commission, which is now formally forced to give its reasons to the Parliament if it does not submit a proposal in response to a request of the Parliament to do so [10].

Second, by extending the Parliament’s powers under the *simplified revision procedures*. Under the latter the Parliament has gained a right of initiative as well regarding any revisions of Part Three TFEU relating to the internal policies and action of the Union [11].

Third, by extending the Parliament’s powers regarding the launching of *enhanced cooperation* frameworks between MSs to which the Parliament has now to give its consent [12].

Fourth, by giving the Parliament powers of constitutional importance regarding EU competences and structures in the field of criminal justice cooperation: The Parliament has to give its consent to any Council decision extending the number of aspects of criminal procedural law which can be the object of common rules [13] or identifying other areas of serious cross-border crime that may be subject to legislative approximation measures [14] as well as to the establishment of the European Public Prosecutor’s Office [15].

Fifth, by enhancing the Parliament’s powers in the

appointment process of the Commission: The European Council now has to take into account the elections to the European Parliament and hold „appropriate consultations” in this regard before proposing a candidate to the Parliament as President for the European - who now has to be formally „elected” by the Parliament.

Sixth, by extending the budgetary powers of the Parliament.

Amendments of Article 48 of TEU provides change of a significant level; Jean-Claude Piris describes this as being so extraordinary it cannot simply be thought of as „ordinary” [16, p. 128]. This ordinary legislative procedure is in reality extremely heavy and it is not favoured or used by MSs. Lorna Griffiths considers that the introduction of the European Parliament as being a new institution in the process of treaty change makes limitations upon the sovereign power of national governments [17, p. 46]. However, due to this unrest of MS, the ordinary legislative procedure whilst not favoured allows room for the use of specific and procedural revision procedures.

Also some limitation are brought by extending the Parliament’s powers regarding the launching of *enhanced cooperation* frameworks between MSs. Now the Parliament is the institution which has to give its consent, diminishing the exclusive right to decide for the country its own policy. However the Parliament, without any doubt, is not a institutional body, formed by foreign citizens, outside the EU, but is composed by representatives of each MS that strive to protect own national interests. More powers have been devolved to this directly elected body, making it more accountable to the national governments.

Also in this case the possibility of a diminishing sovereignty for MS’s internal governments with that of a fairer democratic Union increase drastically the powers of the national parliaments and the power of the citizens thus cumulatively having a somewhat significant effect on the sovereignty of the MS government.

However, there are several areas where the powers of the Parliament remain limited. For instance, the Parliament’s role remains only consultative when the Council intends to adopt EU measures concerning social security or social protection. Generally speaking, the legislative role of the Parliament continues to be limited in respect of areas thought to be too „sensitive” by the national governments.

This matter of sensitiveness emphasize and fortify once again that the matter of MS sovereignty still remain important one.

The role of the European Commission after Lisbon

The European Commission does much of the day-to-day work in the EU and is the driving force in the Union’s institutional system. Their main responsibility is to initiate and implement new programs, and they form a

WHO IS THE MOST POWERFUL AFTER THE TREATY OF LISBON: AN ANALYSIS OF THE MEMBERS STATE SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE NEW BALANCES OF POWERS IN THE EU

permanent executive that supervise the work of the EU, much in the way that a national cabinet operates. The same positive assessment cannot be made for the changes to the constitutional position of the Commission: while both the European Parliament and the European Council have seen their constitutional position strengthened in several respects, the Commission has not gained any increased powers of constitutional significance and has to face more political competition on key issues, such as by the Parliament's newly gained right to make formal proposals for treaty revisions [18] and the Parliament's new power to potentially block an enhanced cooperation even after a favorable opinion of the Commission [19].

Among its numerous powers, as previously noted, the Commission alone has the right of legislative initiative, meaning that legislative acts may be adopted solely on the basis of a Commission proposal. Both, the Council and the Parliament, have nonetheless the formal power to ask the Commission to put forward a proposal.

As a result, the Commission's overall constitutional position must be regarded as having been weakened by the Lisbon reforms.

The Council of Ministers after Lisbon

In any event, the Commission's power over the initiation of legislation should be understood in the light of the predominant role played by the Council of Ministers. On its website, the Council does not shy away from presenting itself as „the main decision-making body of the European Union”.

The Council's overall position is not altered in a significant way: while the formal „institutionalisation” of the European Council places it more clearly in a hierarchical position under the latter as the second-ranking institution, representing the interests of Member States' governments, the European Council has to decide on Common Foreign and Security Policy's „strategic objectives and priorities” on the basis of the recommendations of the Council [20], a formalisation of its preparatory function of European Council Common Foreign and Security Policy decisions not previously provided for by the Treaties. As regards the Council's role and powers, the new Article 16(1) TEU offers now a more concise and accurate description than the one previously offered by ex Article 202 TEC: „The Council shall, jointly with the European Parliament, exercise legislative and budgetary functions. It shall carry out policy-making and coordinating functions as laid down in the Treaties.” However, no significant change, apart from this minor rephrasing, can be highlighted.

Thus, the Council has lost its final say, regarding compulsory budgetary expenditure, because of the abolition of the expenditure category distinction in the budgetary procedure [21], but still no part of the budget can be adopted against its will, and it has gained powers of constitutional change together with the Parliament as re-

gards the extension of the EU competences in the criminal justice domain.

The Council's position is affected negatively by the increase of the both the Parliament's and the European Council's decision-making powers: the co-decision procedure was extended to 40 new fields and this means that the Council has now to seek compromises with the Parliament on an equal footing, and the Council has also lost its final say over compulsory budgetary expenditure as a result of the abolition of the former expenditure categories under new Article 314 TFEU.

Vis-a-vis the European Council, its position is weakened by the fact that the European Council's decision-making powers can have a formal suspensive and priority effect on ordinary Council legislative decision-making in the above mentioned referral procedures of Articles 48, 82(3), 83(3), 86(1) and 87(3) TFEU, as well as on ordinary Common Foreign and Security Policy decision-making in case of international emergencies according to Article 26(1) TEU [22].

The Lisbon Treaty has replaced also the voting system, with one more transparent, more democratic, based on the double majority of States and population alike; this means legislation will be adopted in the Council if it wins the approval of 55% of MSs of the Union, whilst representing at the same time 65% of the citizens of the EU. Along with approximately 30 new legal bases to be covered by QMV in the Council, including Article 11(4) TEU on the establishment of procedures and conditions for citizens initiatives, Article 50(2) on the agreement on the withdrawal of a MS and civil protection [23]. In opinion of Lorna Griffiths the extended QMV procedure in the Council of the EU was adopted with the perception that «it is a system far easier to understand by the average citizen and that it is far closer to the ideals represented in the Lisbon Treaty» [24, p. 47]. In the same time this system prevents the smaller Member States from using their power to veto and thus protecting national ideals and interests in the process. The one vote per country procedure significantly reduces this problem of over-representation, the problem that arose before. The sharp increase of the scope of QMV procedure put in the question the significance of qualified majority voting becoming the default procedure on the issue of sovereignty. The possibility of passing legislation through the Council with unanimity of all 28 MSs would be extremely troublesome and represent a significant safeguard of state sovereignty. However, under the QMV procedure, the possibility of successful passing of legislation is far greater, thus this can only have a negative effect on the sovereignty of Member States.

The post - Lisbon Treaty „new demiurge” - European Council

The Treaty of Lisbon not only continues the strengthening of the Parliament's position – especially through a

Ina VIRTOSU

new massive extension of the fields to which legislative co-decision applies, but it also transforms the tri-polar into a four-polar system, as it gives to the European Council for the first time the official status of an EU institution [25], which is also vested with powers it had not been provided with explicitly before [26].

The European Council has been transformed from an essentially deliberative body into an institution which can take binding legal decisions of constitutional importance. It can now – without convoking a Convention or transforming itself into an IGC – adopt a decision amending all or part of the provisions of Part Three TFEU [27], decide on any move of certain fields of decision-making from unanimity to qualified majority voting or from a special legislative procedure to the ordinary (co-decision) legislative procedure [28]. In addition the Treaty of Lisbon strengthens the European Council's supreme political orientation function for the entire EU and giving it the right to appoints and dismisses the High Representative/Vice-President of the European. It can only do so with the agreement of the President of the European Commission, but the power of appointment clearly rests with the European Council.

Since 1974, the premier of whichever country held the presidency of the EU would also preside over the European Council. However, as the Council gained importance, the rotating nature of the presidency was criticized as undermining its effectiveness.

Under the provisions of the Lisbon Treaty, this presidency became a fixed position, with a 2 years term, renewable once. The role is, officially, with tasks such as chairing summits of European leaders, reporting on such meetings to the European Parliament and acting as a face for the EU.

Article 15(6) of the new Treaty on the European Union (TEU) states that the President of the European Council shall not hold a national office, but there is no legal basis to preclude him or her from holding a European-level office [29]. Given that this President can now serve for up to 5 years, it is possible that the same individual could preside over both the European Council and the Commission. Such a „dual-President” would bridge the gap between the supranational Commission and the intergovernmental Council.

More important is the newly introduced explicit power for the European Council to „define the strategic guidelines for legislative and operational planning within the area of freedom, security and justice” [30]. This amendment can arguably have a decisive influence on which initiatives are to be submitted and when, this puts the European Council, at least formally, in a stronger position than the Commission regarding the Union's legislative agenda in this important policy-making field. Also in terms of policy initiation, the European Council comes out with a „plus” on the institutional balance side [31].

Moreover, in few but crucial common policies, such

as foreign and financial ones, the Treaty has left to the governments the control of the decision-making process to such an extent that the European Parliament is playing a marginal role (a marginality that involves also the European Court of Justice). The Commission has been allowed to play the role of technical support to the decisions taken by the European Council, but not that of an independent decision-maker. Not only in the Libyan crisis, but also and above all in the Euro's crisis, the decision-making process was strictly controlled by the European Council [32]. By conferring to the European Council the status of EU institution, the Lisbon treaty emphasise the importance of the MSs sovereignty, but in the same time the need for deeper integration and more lucrative cooperation. Each head of state or government of the 28 EU MSs, besides defending their own national interest, and in this sense “defending” their country sovereignty have to seek for a compromise that represent a common interest for all MSs.

Parliamentarization of the EU

As Europe progresses towards an „ever closer union”, it is a possibility that the Lisbon Treaty has granted to the European Parliament in the selection of a Commission President.

According to the Treaty [33], the European Council, „taking into account the elections to the European Parliament and after having held the appropriate consultations, (...) acting by qualified majority, shall propose to the European Parliament a candidate for the President of the Commission. This candidate shall be elected by the European Parliament by a majority of its component members”. If the candidate is *elected*, adds the following paragraph of the same Article, „the Council, by common accord with the President-elect, shall adopt the list of the other persons whom it proposes for appointment as members of the Commission (...)”. Thus, „the President, the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy and the other members of the Commission shall be subject as a body to a vote of consent by the European Parliament. On the basis of this consent the Commission shall be appointed by the European Council, acting by a qualified majority”. Thus, according to the Treaty, the European Parliament has the power to *elect* the president of the Commission but to give the *advice and consent* for the entire Commission.

What is certain is that the Parliament, if it so wishes, could reject all candidates for Commission Presidency, selected by the European Council were the national leaders to fail to give a fair chance to the nominee favoured by the dominant political group in the Parliament and in the situation where the European Council is left with no choice but to select the Parliament's nominee.

The main European parties could select „their” candidate for the presidency in advance of the European elections. The individual national parties who make up the

WHO IS THE MOST POWERFUL AFTER THE TREATY OF LISBON: AN ANALYSIS OF THE MEMBERS STATE SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE NEW BALANCES OF POWERS IN THE EU

Euro-parties could campaign with the nomination of this candidate as one of their central platforms; the battle for the Presidency of the Commission would thus form part of the European election campaign. To some extent, this occurred with the European People's Party (EPP) throwing their weight behind the incumbent Jose Manuel Barroso before the elections; a vote for any national party which was part of the EPP group in Europe was effectively a vote for Barroso as Commission president.

The EU post - Lisbon political system: more complex than before and „a plus” to national sovereignty?

The „institutionalization” of the European Council adds already a degree of increased institutional complexity to the institutional balance as the European Council adds a second formal institutional representation of the interests of national governments to that already provided by the Council, although at a more senior level and with tasks which are clearly separated in the Treaties. Even more complexity is added by the introduction of the new combined position of the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy and Vice-President of the European Commission (HR/VP) whose task is to „conduct” and „put into effect” the Union's Common Foreign and Security Policy (CFSP) as well as to represent the Union in this field [34]. Appointed by the European Council [35] in whose work the HR/VP „takes part” [36] and who also defines the „strategic interests and objectives” of the European Union in the CFSP's domain [37], the HR/VP of the European Commission is mandated by the Council [38] whose foreign affairs formation the HR/VP presides [39].

The European Council, although to a lesser extent than the Parliament, has gained more powers out from the Lisbon reforms with as regards decision-making powers: not only is the European Council now vested with important constitutional decision-making powers as a formal institution of the Union, but the Treaty has also assigned to it important reserve powers as regards legislative and CFSP decision-making.

As the Union is based on the double legitimacy of that of its citizens and of the Member States it seems that the significant strengthening of the European Parliament – which represents the former – and of the European Council – which represents the latter at their highest level corresponds to the very nature of the European construction as it has emerged from sixty years of development.

Several conclusions can be drawn from these clear shifts in the institutional balance:

The first is that the European Parliament and the European Council emerge as the primary poles of power in the post-Lisbon institutional system.

The second is that of the relative decline in power of the Commission, especially in the legislative field (extension of co-decision) and in external relations (HR/VP of the European Commission more under the control of

the Council than the Commission). The Commission is clearly facing a stronger Parliament and a stronger European Council, and appears more and more squeezed between the two.

The third conclusion is that the Lisbon Treaty reforms have also put the Council on a path of relative declining power, mainly because of the ascendancy of both the Parliament and European Council. Now operating under the European Council with increased formal powers and a greater continuity and leadership potential because of the (semi-)permanent Presidency, the Council could gradually develop into an institution fulfilling more and more the function of a „super-COREPER” vis-a-vis the European Council.

The fourth conclusion relates to the possible categorisation of the post-Lisbon institutional balance. The European Council has now become a fully European Union institution subject to the jurisdiction of the Court of Justice, chaired by a non-rotating President and voting by qualified majority. It can surely not any longer be regarded as an intergovernmental body in the classic sense, although it surely still represents the power of national governments at their highest level.

The fifth and last conclusion is that the all amendments brought by Lisbon Treaty prove how MSs are still keen on preserving more sovereignty and strive to forge consensus among them.

Conclusions

Parallel to the rise of the European Council as a political demiurge that determines the Union's strategic development and its political priorities, the enhanced powers of the Parliament have also led to an increased „parliamentarisation” of the Union's institutional framework.

It seems that with the introduction of the Lisbon Treaty, the European Parliament has more power and it could assert itself more forcefully than in the past, when it tended to quietly accept whomever the Council proposed.

By enhancing the powers of the Parliament, strengthening the influence of national parliaments on EU decision-making and injecting a dose of direct democracy with the citizens' initiative, the Lisbon Treaty might indeed produce a more democratic and politicised Union to the detriment of its stability and effective functioning of its decision-making.

Whilst it also finally ensures the full parity between Parliament and Council as regards approval of the Union's expenditure and, as will be shown below, solidifies the influence of the Parliament as regards the designation and appointment of the President of the Commission, of the new HR for Foreign Affairs and Security Policy, and of appointing other members of the Commission, these changes can be hardly described as “ground-breaking”.

The Commission has traditionally been regarded as the archangel of the supranational principle within the EU's institutional structure, but no one can seriously deny that the Commission is exposed to major influences

Ina VIRTOSU

from the side of national governments, and with the principle of one Commissioner per Member State now being confirmed also for the post-Lisbon period a purely supranational view of the Commission seems hardly to correspond to institutional reality.

A role of crucial importance now that the European Council has acquired an indisputable predominance within the dual executive. In dealing with the crisis of the Euro and the political turmoil in the countries of North Africa, it was (and it continues to be in the financial crisis) the European Council's president to have assumed a predominant role, with the Commission and its president functioning as technical advisors to them. Those crisis have made the European Council's president the „political” face of the EU.

For the moment though, despite the gains made by the European Parliament under the Lisbon Treaty, and being on equal foot with Council of Ministers, the „new born EU institution - European Council clearly have become the most decisive forum for deciding who will get the top jobs in the EU institutions as it was demonstrated when European Council controls the new positions of European Council President and High Representative for Foreign Affairs and decision - making body who can effectively manage the crisis situations in the EU.

To answer to the second question regarding sovereignty we should consider whether in fact the amendments made under the Lisbon Treaty in the attempt to create a more democratic Union do not go very far and equally do not have the possibility to go further, one may argue that in fact the sovereignty of MSs has been rather significantly infringed.

Regarding this issue is without doubt very difficult to achieve a unique conclusion. The EU did not in any way go towards the creation of a Super-state, even is increasingly viewed by nationals of Member States as „something which happened to them and not by them”. If Governments insist on distrust and fighting to maintain a sovereignty which is not in fact hugely restricted nor at risk, it is hardly surprising the nationals of the MSs view it in a similar light. The Lisbon Treaty does not impose further restrictions upon the MSs sovereignty. At least no further than MS accepted to give up when they join the EU. We

can say more; the conditions of international cooperation, its institutionalisation and rules result from a relative bargaining power of states' governments that do not give up the sovereignty but rather delegate its elements to the higher level in order to improve the efficiency of their actions. The delegation of monitoring and exercising of international agreements to international secretariats and courts is aimed at controlling of implementation of these agreements by other states. A primary role in the process of deepening and widening of integration is played by MSs governments and their cabinet members. Union institutions and their officials are second-order participants of the game.

Treaties afford the EU power to handle various policy areas like legal policies, agriculture, environment, economics, energy, security and foreign affairs. It is significant to that the EU is constructed on compromise, therefore in order to have certain laws passed some arrangements need to be made between MSs. EU MSs can do little in many of the main obligations without the consent and approval of their neighbours hence this shows why MSs must work with together. This reflects at some extent the challenge to sovereignty due to simple fact that any state cannot act in its own independent capacity without considering its neighbours. Sovereignty is challenged in the sense that the member states uphold the EU interests above their respective national interests in various policies like the ones mentioned above.

However, the EU under Treaty of Lisbon does not restrict sovereignty; not in a negative light at any means, and how Piris summarises „the Union is actually a voluntary association between states which remain sovereign as to the question of whether or not they remain in that association [40]”. He suggests that the EU in the enactment of the Lisbon Treaty meant no violation on the sovereignty of the MSs, it was intended simply to codify all main and common principles of the EU, providing for a system which is easily implemented and causes as little disruption to the remaining MSs. This limitation on the sovereign rights of the MSs is purely voluntary and whilst the state made the decision to enact the legislation making them a member of the EU, they equally have the right to repeal their membership in the EU.

Bibliography:

1. Monar, Jörg. The European Union's institutional balance of power after the Treaty of Lisbon. In: *The European Union after the Treaty of Lisbon: visions of leading policy-makers, academics and journalists.* – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2010, p. 527.

2. Horner, Ida. Power of balance in EU decision making. -<http://thedailyjournalist.com/author/idahorner/>.

3. De Clerck-Sachsse, Julia; Maciej Kaczyński, Piotr. *The European parliament: more power, less legitimate?* – Brussels: Centre for European Policy Studies, 2009, p. 39.

4. Devuyst, Y. *The European Union's Institutional Balance after the Treaty of Lisbon: „Community Method” and „Democratic Deficit” reassessed.* – Washington: Georgetown Journal of International Law, nr. 249, 2008, p. 62.

5. Thomson, Robert. *Who Has Power in the EU? The Commission, Council and Parliament in Legislative Decision-making.* – Oxford: JCMS. Vol. 44, 2006, p. 391-417.

6. Griffiths, Lorna. *A Critical Analysis of EU Member State Sovereignty under the Treaty of Lisbon. Sovereignty v Democracy.* In *The Student Journal of Law*, 2010, p. 45-49.

WHO IS THE MOST POWERFUL AFTER THE TREATY OF LISBON: AN ANALYSIS OF THE MEMBERS STATE SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE NEW BALANCES OF POWERS IN THE EU

7. Flaminio Costa v ENEL [1964] ECR 585 (6/64).
8. Article 48(2) of Treaty on European Union (TEU), signed on 7 February 1992, entered into force on 1 November 1993.
9. Article 48(3) TEU.
10. Article 225 The Lisbon Treaty (TFEU), signed by the EU member states on 13 December 2007, entered into force on 1 December 2009 TFEU.
11. Article 48(6) TEU.
12. Article 329(1) TFEU.
13. Article 82(2)(d) TFEU.
14. Article 83(1) TFEU.
15. Article 86(1) TFEU.
16. Piris, Jean-Claude. *The Lisbon Treaty: A legal and political analysis.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2010, p. 404.
17. Griffiths, Lorna. A Critical Analysis of EU Member State Sovereignty under the Treaty of Lisbon. *Sovereignty v Democracy.* In *The Student Journal of Law*, 2010, p. 45-49.
18. Article 48(2) TEU.
19. Article 329(1) TFEU.
20. Article 22(1) TEU.
21. Article 314 TFEU.
22. Monar, Jörg. The European Union’s institutional balance of power after the Treaty of Lisbon. In: *The European Union after the Treaty of Lisbon: visions of leading policy-makers, academics and journalists.* – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2010, p. 527.
23. Griffiths, Lorna. A Critical Analysis of EU Member State Sovereignty under the Treaty of Lisbon. *Sovereignty v Democracy.* In *The Student Journal of Law*, 2010, p. 45-49.
24. Article 13(1) TEU.
25. Article 68 TFEU.
26. Article 48(6) TEU.
27. Article 48(7) TEU.
28. Closa, Carlos. Institutional Innovation in the EU: The Presidency of the European Council. In *ARI Analysis.* – Madrid: Real Instituto Elcano, nr. 47, 2010, p. 6-17.
29. Ibidem.
30. Article 68 TFEU.
31. Thomson, Robert. (2006) Who Has Power in the EU? The Commission, Council and Parliament in Legislative Decision-making. *JCMS.* Vol. 44, p. 391–417.
32. Fabbrini, Sergio. Beyond the parliamentarization of the European Union: the institutional consequences of the Lisbon Treaty. – Rome, 2012, p.14-38.
33. Article 17(7) TEU.
34. Articles 18(2), 24(1) and 27(2) TEU.
35. Article 18(1) TEU.
36. Article 15(2) TFEU.
37. Article 22(1) TEU.
38. Article 18(2) TEU.
39. Article 18(3) TEU.
40. Piris, Jean-Claude. *The Lisbon Treaty: A legal and political analysis.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2010, p. 404.

Резюме

Традиционная концепция государственного суверенитета ставится под сомнение с самого начала евроинтеграционного процесса, и это длится более пятидесяти лет. В то время, как расширение Европейского Союза является необратимой тенденцией, возникают все больше споров, относящихся к вопросам суверенитета, из-за нынешней реформы европейских договоров.

Лиссабонский договор продолжает традицию договорных пересмотров, приносящих изменения в институциональный баланс, и этот ряд институциональных реформ значительно шире, чем предыдущая реформа в соответствии с Ницким договором. Последний процесс реформирования европейских институтов был долгим и трудным. После провала конституционного договора, Лиссабонский договор вступил в силу 1 декабря 2009 года и привнес многочисленные изменения в баланс сил институтов Европейского Союза, которые касаются не только будущего европейской интеграции, но и суверенитета его государств — членов.

Irada HUSEYNOVA,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the chair „History of the peoples of the Caucasus”
of the Baku State University
Honoured Teacher of the Republic of Azerbaijan

Ulkar MAMMADZADA,
Doctorant of Baku State University

ILHAM ALIYEV'S POSITION IN THE RESOLUTION OF ETHNIC CONFLICTS IN THE SOUTH CAUCASUS

Azerbaijan have always acted as a supporter of peace in the resolution of ethnic conflicts in the South Caucasus, provided the territorial integrity of both sides. Heydar Aliyev, who evaluated separatism trends in the Caucasus, ethnic, political and religious extremism as a serious threat to peoples of the region and to the stability of the fundamental values, undermined effective operation and his identity is closely linked with the modern history of the Caucasian peoples. He laid the foundation for the Caucasus strategic partnership, and paid a great and political contribution to friendship, mutual understanding. [1] The Great Man doesn't get tired and bored. He thinks about the peak passages over which the caravan named Azerbaijan coming from the far past and going towards the eternal future will pass. He knows that the only medicine for his heart's pain can be only the unity and integrity of the Motherland. He saved his people from hunger, poverty and carried to law and order. He prepared a political background for restoring of the historical justice, for freeing the lands of Garabagh being under the feet of Armenian invaders. And the Great Man had declared his people that he would free our lands with peaceful manners. If the mean enemy doesn't step aside from his invading intentions, the Great Man will take his people to the last and decisive battle as the Supreme Commander-in-chief. [8] The commitment he demonstrated in Nagorno-

Karabakh conflict through peaceful negotiations based on international law played an important role in maintaining peace and stability in the region. In this respect, known as the first major initiative of peace in the Caucasus Heydar Aliyev's „homeland, peace, peace, peace in the world!” model's philosophical, sociological, historical, cultural, economic, and political aspects and contents are of great importance. This is a historical fact that Heydar Aliyev made a speech on the initiative of the establishment of peace in the Caucasus region, which was signed in 1996 „On the stability, peace and security in the Caucasus region”, in Tbilisi Declaration the idea of „Caucasus House” was supported with his proposal. President Ilham Aliyev, the worthy successor of Heydar Aliyev in preserving peace and stability in the Caucasus expressing his position about the actions undertaken between Russia and Georgia on August 7-8, 2008 said the conflict in the turmoil of life in Georgia put an end, accuracy, stability assure as soon as possible. The President Republic of Azerbaijan Ilham Aliyev has made his clear peaceful position on the events occurred in Georgia: „As you know, Russia and Georgia the neighbors of Azerbaijan. Both countries border on us. We have friendly relations with both countries, and we want our friends to be each other's friends”. President Ilham Aliyev's these ideas once again prove that the foreign policy of independent Azerbaijan

ILHAM ALIYEV'S POSITION IN THE RESOLUTION OF ETHNIC CONFLICTS IN THE SOUTH CAUCASUS

republic is directed towards ensuring peace and security with its near and far neighbors, in general, in the world as well as in the Caucasus region [1].

President Of Azerbaijan Ilham Aliyev said at the inauguration ceremony: „Today, speaking from the rostrum, I promise to the people of Azerbaijan that i will be faithful to this policy, never turn off this road, I will continue the policy of Heydar Aliyev. Now from this high rostrum I adressing to our dear mr. president Heydar Aliyev: Dear President, we will strengthen and enrich the modern Azerbaijan, everything will develop. We will go with your way to the new victories”.

With great pride, it should be noted that the national leader Heydar Aliyev's course is continues successfully. His independent Republic of Azerbaijan, which is famous as the civilized state of the world are strengthened, developed. This is people's, nation's, and our state's the biggest monument to the memory of the great Heydar Aliyev [2].

The duties in the new condition of Azerbaijan's diplomacy have been clearly identified and implemented by Ilham Aliyev. Obviously, one of the main tasks of the country's foreign policy is related with Armenian-Azerbaijani Nagorno-Karabakh conflict. This issue was in the focus of attention in President Ilham Aliyev's official visits to a number of foreign countries, in the meetings he held, as well as in the discussion held with heads of state and government visiting our country from different parts of the world, as well as, in the negotiations which were held with representatives of international organizations and significant progress towards the recognition of Armenia as an aggressor have been. Currently, new situation arose in connection with the Nagorno-Karabakh conflict in the result of consistent and concerted efforts of President Ilham Aliyev. Azerbaijani president Ilham Aliyev's pragmatic, decisive and aggressive policy has led Armenia to be more and more isolated in the international arena.. Diplomatic efforts enabled Azerbaijan to exceed Armenia in the geopolitical, economic, psychological and information warfare [3].

The host of the event – Azerbaijan – was more concerned about the attitude of OSCE member countries to the occupation of Azerbaijani territory by neighbouring Armenia and the inaction of international mechanisms in addressing this issue. „We need to create mechanisms necessary for the execution of the UN Security Council resolutions on the occupied territories and to ensure the withdrawal of the Armenian armed forces from the occupied lands of Azerbaijan”, Azerbaijani President Ilham Aliyev said at the opening of the session of the OSCE Parliamentary Assembly.

Besides this, the president expressed regret about the use of a selective approach to this issue. „The Azerbaijani people express deep concern over the fact that some resolutions and decisions are implemented within an hour, while others are not implemented for more than 20 years.

It is necessary to ensure that decisions are implemented in a timely manner,” the president stressed.

Ilham Aliyev pointed out that resolutions and decisions adopted by the UN Security Council and other international organizations on the occupied Azerbaijani territories remain on paper. Armenia ignores all these international instruments, as well as statements by the presidents of the OSCE Minsk Group member states, who have repeatedly stressed that the status quo must be changed, and is not going to leave the occupied territories. All it means the same thing - it is necessary to create effective mechanisms for the settlement of international conflicts, and especially Nagornyy Karabakh.

The head of the Azerbaijani delegation to the OSCE PA, Bahar Muradova, urged members of the Assembly, who so fervently call for the restoration of the territorial integrity of Ukraine, to demonstrate the same unanimity in the same situation with Nagornyy Karabakh, which has been maintained for a quarter of a century. She accused the organization of passivity in the Karabakh issue and urged the leadership of the Parliamentary Assembly to delegate more powers to the representative of the OSCE Parliamentary Assembly for the South Caucasus, Joao Soares, to help resolve regional conflicts. In answer, OSCE PA President and Speaker of the Montenegrin Parliament Ranko Krivokapic promised to address the issue „more seriously”, reporting the presence of „a number of proposals to enhance our potential in this regard”. OSCE Chairman-in-Office Didier Burkhalter announced the intention of his organization to intensify its mediation to resolve the Armenian-Azerbaijani conflict.

It would be naive to assume that the Azerbaijani side will not use this large-scale event to promote its interests, especially as the arrival of the Armenian parliamentary delegation at the session in Baku provided an opportunity to pass a message to the Armenian leadership through them that it is necessary to promptly end the occupation of Azerbaijani territories [4].

In line with an instruction of the head of state, the Foreign Ministry has undertaken work aimed at recognizing and commemorating the Xocali [Khojaly] genocide and informing the international public as to what is really happening in Karabakh. As a result, the Xocali genocide has been officially recognized in 15 states of the USA and by the parliaments of Colombia, the Czech Republic, Romania, Serbia, Honduras, Peru, Panama, Pakistan, Mexico, Jordan and Bosnia-Hercegovina, and support has been expressed for Azerbaijan's territorial integrity and sovereignty.

Ilham Aliyev said the main question of our foreign policy was a settlement to the Armenia-Azerbaijan conflict over Nagornyy Karabakh, pointing out that in the period since the last conference there has been no headway in this sphere, and the main reason has been Armenia's non-constructive position and its attempts to maintain the conflict in a frozen state. The president went on to

Irada HUSEYNOVA, Ulkar MAMMADZADA

say frankly that „no serious signal to Armenia has been made by the international public and the mediators dealing directly with this issue. We get the impression that the mediators dealing with this are more interested in maintaining the status quo. Their main interest is ensuring that there is stability and not war in the region. We, too, want peace, but I have said more than once that we want our lands back and we want to restore truth and justice and the rule of international law”.

To achieve there is another possible way of solving this question. President Ilham Aliyev said frankly: „We have never denied this and we have stated openly that the military option is also not discounted, because the picture we have seen in the international arena in recent months and years shows that international law, unfortunately, is not working. The factor of force is playing the main role. By building up our military potential we can also solve the question by military means. We simply believe that the potential for talks has not been exhausted. By using political, economic and also military pressure we will endeavour to seek a solution to this problem by peaceful means, but it must be resolved”.

As regards the formula for resolving this problem Ilham Aliyev responded to some diplomats and analysts who have recently been expressing proposals which boil down, essentially, to agreeing to secession, i.e. the separation of Nagorny Karabakh from Azerbaijan, in exchange for the liberation by the Armenians of the seven regions they have occupied. The head of state stated clearly and unambiguously: „The creation of a second Armenian state on Azerbaijani territory is categorically impossible. Nagorny Karabakh is ancestral territory. From the historical and legal points of view Karabakh has always been Azerbaijani land. For centuries the Azerbaijani people have lived and worked in Nagorny Karabakh and in the other occupied lands. All the historical monuments, place names, names of cities and villages are of Azerbaijani origin. That is the truth. We, of course, know this and the world also knows and should know this”.

Azerbaijan will use all the opportunities and advantages at its disposal for a just settlement to the question based on international law. „Our population is growing and will continue to grow,” Ilham Aliyev said, „but the Armenian population is being reduced and will continue to do so. We have isolated Armenia from all economic and energy projects and have been criticized for doing so. Armenia, of course, has no potential for development because it has a very small domestic market and its export potential is non-existent. Because of this, migration is increasing every year, and according to their own official statistics, 40,000 Armenians left the country in the first quarter of this year. But the real figure is even higher. Azerbaijan grows stronger while Armenia gets weaker. Only foreign aid, the diaspora and a special attitude towards it by some countries are keeping Armenia afloat” [5].

The most significant military tensions in 20 years occurred on the Armenian-Azerbaijani border and on the Karabakh front line in late July - early August. Violations of the ceasefire took on a permanent nature and reciprocal raids by reconnaissance and sabotage groups became more frequent, while dozens were killed and wounded on both sides. Naturally, such a negative course of events caused concern in the international community. The foreign ministers of the OSCE Minsk Group co-chairs and influential international organization called on the parties to exercise restraint and prevent a resumption of full-scale hostilities. Russian President Vladimir Putin came up with an initiative to hold an emergency meeting between the presidents of Armenia and Azerbaijan in Sochi with his direct participation.

The negotiations were tense. The OSCE Minsk Group co-chairs were not invited to them. The parties did not reach any agreements that could be included in the document (communiqué, declaration, etc.). The presidents did not even feel the need to see representatives of the media waiting for them after the meeting. This was done by Russian Foreign Minister Sergey Lavrov, who noted in the vaguely streamlined manner characteristic of him that the parties to the conflict confirmed their commitment to the principles set out by the co-chairing countries at the highest level and the need to find a solution on the basis of a peaceful approach respecting territorial integrity and the right of self-determination. Lavrov then said: „The presidents expressed their willingness to continue it (dialogue) at the level of the leaderships of Armenia and Azerbaijan, and the Russian Federation, as one of the co-chairing countries, will do everything to facilitate this”. The foreign ministers, he said, have been given relevant instructions. Lavrov also noted that the vast majority of agreements on the peaceful settlement of the Karabakh conflict are already understandable, but there are a few specific points that have to be finalized. „As they say, the devil is in the details, and the most difficult questions have yet to be resolved”, he concluded.

In Azerbaijan there is no disappointment with the outcome of the trilateral meeting of the presidents in Sochi, as originally there were no particular expectations. It was assumed that in the best case, the parties would express their willingness to take action to de-escalate tensions, as well as agree to resume an intensive round of negotiations moderated by the Russian president. It seems that such modest results have been achieved, but even this should be confirmed in the next month and a half. Otherwise, we can assume with high probability that skirmishes will resume and turn into local clashes with the risk of escalating into full-scale hostilities.

Since the Sochi meeting of the presidents, there has been a decline in confrontations on the border line and the line of contact. The number of shootings has decreased, and heavy hardware has been withdrawn. However, if concrete initiatives that will show a real prospect

ILHAM ALIYEV'S POSITION IN THE RESOLUTION OF ETHNIC CONFLICTS IN THE SOUTH CAUCASUS

of progress in the peaceful settlement of the conflict do not follow, we should expect new tensions.

Obviously, the sluggish and fruitless negotiations are unlikely to continue to prevent the Armenian-Azerbaijani conflict from sliding into a direct armed conflict. It is high time to make specific decisions in accordance with international law. Azerbaijan's patience is running out. The mediating powers are also aware of this.

It is hard to say whether these peace initiatives will be productive, but one thing is clear: without sobering pressure on the Armenian side in order to bring its territorial ambitions in line with international law and the real power of Armenia itself, a favourable peaceful settlement of the conflict is impossible. The time to find a mutually acceptable compromise solution is rapidly disappearing. It would be nice to take advantage of the existing window of opportunity to establish peace before it closes and guns start talking [6].

The Russian newspaper „Tribuna” accused the president of Armenia of spreading misinformation in presidents' Sochi meeting. According to Alesya Dovlatova newspaper reporter, is reported that Sargsyan tries escape responsibility by blaming Azerbaijan in the non-enforcement of UN Security Council resolutions on Nagorno-Karabakh and his action was nothing more than an act of provocation.

According to the Russian journalist, President Ilham Aliyev of Azerbaijan talking in Sochi talks reminded that the UN Security Council has adopted four resolutions on the unconditional withdrawal of lands 20 years ago. In response, Serzh Sargsyan said, „If a party to comply with the requirements of the resolution, it is Armenia, because it has used its opportunities of influence to stop the hostilities”.

„According to the President of Armenia's demonstrative way, it is exactly Azerbaijan that does not comply

with UN Security Council resolutions. Must Azerbaijan give up all legal land? Was it perhaps supposed to gift its twenty percent of the territory to its neighbor?” - asked the journalist.

A. Dovlatova believes that by extending such provocative statements S. Sargsyan tries Russia to inflict a dangerous game with its closest allies. The author attributes not Armenia which is preparing to join Eurasian Union but Azerbaijan which have „real friendly relationship” with Russia, which „doesn't close Russian schools and newspapers”, which doesn't open the „Soviet occupation museums” and which doesn't generally pursue anti-Russian propaganda, on the contrary, the country which pursue successful policy, which achieved a great deal of achievement in ten years to the line of allies. The article highlighted that Azerbaijan is an important political and economic partner of Russia today [7].

The experience of The Armenian-Azerbaijani, Nagorno-Karabakh conflict openly shows that regional security can't be achieved without territorial integrity of the country. This is confirmed by the world experience. The conceptual basis of modern foreign policy successfully implemented by the President of Azerbaijan Republic Ilham Aliyev includes taking into account the interaction of domestic political and economic factors, the investigation of conflict situations, ensuring the territorial integrity of the country, prevention of global scale threats, the integration of international security and cooperation structures. Ilham Aliyev has succeeded making Azerbaijan a regional leader in the South Caucasus and obtaining the level of the country's socio-political and socio-economic development to the higher degree by taking into account geopolitical realities of the modern era in its foreign policy, by implementing successfully the balanced oil strategy, by adjusting professionally mutual political and economic relations with the Western and Eastern countries.

Bibliography:

1. Hüseynova İ. M. Heydər Əliyevvə Qafqazdasülh-prosesi. – Bakı, 2008. – 670 s.
2. Hüseynova İ. M. Müstəqil Azərbaycan Dövlətinin Qurucusu. – Bakı, 2004. – 470 s.
3. Abdullayev E. İ., Muradov F. İ. Azərbaycan Beynəlxalqaləmdə. III cild. – Bakı, 2008. – 272 s.
4. Hüseynzadə F. Hələ ki, gec deyil... Region plus, 2014, № 26 (234) (<http://www.regionplus.az>).
5. Musabəyov R. Hücüm siyasəti. Region plus, 2014, № 27 (235) (<http://www.regionplus.az>).
6. Musabəyov R. Qısamüddətli effekt. Region Plus, 2014, № 31 (239) (<http://www.regionplus.az>).
7. Dovlatova A. В какие игры пытаются втянуть Россию ее ближайшие союзники? – Russia: Трибуна, 2014.
8. Miralamov H. The Road of Triumph. An essay. – Baku, 2003. – 664 p.

Резюме

Концептуальная основа современной внешней политики успешно реализуется Президентом Азербайджанской Республики Ильхамом Алиевым и включает следующие принципы: взаимодействие внутренних политических и экономических факторов, исследование конфликтных ситуаций, обеспечение территориальной целостности страны, предотвращение глобального масштаба угроз, интеграцию международной безопасности и сотрудничества структур. Ильхаму Алиеву удалось добиться, что Азербайджан стал региональным лидером на Южном Кавказе.

Ключевые слова: Азербайджан, Гейдар Алиев, Ильхам Алиев, Карабах, этнический конфликт, Южный Кавказ

Лятифа АЛИЕВА,

доктор философии в истории,
заместитель директора по науке
Архива политических документов Управления делами
Президента Азербайджанской Республики

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В СИТУАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ (1905-1906, 1918-1920 гг.)

Проблема влияния на азербайджанских женщин конфликтов, развязанных армянами в 1905-1906, 1918-1920 годах, является неисследованной в азербайджанской историографии. Исследование проблемной темы влияния национальных конфликтов на жизнь женщин важно в политическом и теоретическом планах: на фактах и данных истории выявляется сущность армянского национализма с его проповедью этнического превосходства над другими народами.

В начале XX века тысячи азербайджанских семей, женщин и детей оказались беженцами на своей же земле. Важно отметить, что к концу 80-х годов XX века, в схожих условиях азербайджанцы, пострадавшие вновь от рук армянских националистов, оказались в таком же положении. Азербайджанский народ не намерен использовать факты геноцида для разжигания вражды и ненависти к другим народам. «Мы лишь хотим восстановления исторической справедливости и правды, гарантий того, что подобные трагические события нигде в мире больше не повторятся», – считает Президент Азербайджана Ильхам Алиев [1].

В советской историографии вопрос об армяно-азербайджанском конфликте и его причинах замалчивался, так как это противоречило советской идеологии и принципу пролетарского интернационализма, дружбе и братству народов. Если же вопрос в какой-то степени затрагивался в трудах историков, то только с позиции классового подхода. Корни армяно-азербайджанского конфликта авторы видели только в конкурентной борьбе между азербайджанской и армянской буржуазией, обосновавшейся в Баку, и «в течение десятилетий выполнявшей роль русского агента в Закавказье, и не пускавшей азербайджанскую буржуазию на широкую дорогу капиталистического процветания» [2]. Об армяно-азербайджанском конфликте 1905-1906 годов писал американский ученый, профессор Кембриджского университета Тадеуш

Святоховский в своей книге «Русский Азербайджан (1905-1920)», выпущенной в 1985 году [3]. В книге приводилось много сведений об уничтожении азербайджанцев, но в советском Азербайджане к таким ученым в тот период относились как к фальсификаторам истории.

Армяно-азербайджанский конфликт имел свою предысторию. С конца XIX столетия армянские националисты, потерпевшие поражение в разрушительных планах по созданию своего государства в Османской империи, перенесли центр тяжести своей деятельности на Южный Кавказ. В 1904 году дашнаки ввели в свою программу Кавказскую Армению. Бакинский градоначальник Мартынов по поводу армянских территорий сообщал, что «у армян ее нет... на Кавказе нет не только губернии, но даже уезда, которое можно было бы считать исключительно армянским. Спрашивается, где же территория для будущего армянского государства» [4]. Даже в Ереване, «который они считали центром кавказских армян, большинство населения были азербайджанские турки». У армян зародилась идея «подготовить для армян территории, заселенные турками, путем их насильственного выселения» [5].

В российской империи, в составе которой находился и Азербайджан, издавна применяли один из самых древних и старых методов имперского управления, с помощью которого насаждалась враждебность и антагонизм между различными народами, находящимися в их подчинении. Местные власти сеяли вражду и национальную рознь, использовали националистические настроения армян, подстрекали банды дашнаков, приобретших опыт борьбы в Османском государстве, нападать на небооруженное мирное население турков-азербайджанцев, в результате которых страдала самая незащищенная часть населения – женщины и дети.

Первая буржуазно-демократическая революция 1905-1907 годов в России привела к усугублению

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В СИТУАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ (1905-1906, 1918-1920 гг.)

социально-экономического и политического кризиса. Баку, являющийся одним из пяти крупных промышленных центров империи, превратился в один из очагов рабочего движения. Армянские националисты решили воспользоваться обстановкой, так как в условиях анархии и хаоса, царивших в стране после начала революции, им легче было бы осуществить свою давнишнюю мечту – очистить территории от азербайджанцев и заселить там армян. Грузинский социалист Кариби в своей «Красной книге» по этому поводу писал: «С приходом дашнаков, которые хотели создать армянские территории, наполнились патриархальные кавказские деревни национальной рознью, враждой и ненавистью» [6]. В документах содержится информация о националистической партии «Дашнакцутюн» [7], которая вела деятельность, направленную на реализацию своей основной цели: произвести этническую чистку на территориях Южного Кавказа, заселенных азербайджанцами, чтобы создать здесь армянское государство.

Армяно-азербайджанский межнациональный конфликт начался с событий в Баку, когда в феврале 1905 года армяне убили двоих азербайджанцев. Эти события вызвали возмущение мусульман и межнациональные столкновения и были описаны в обширном «Всеподданнейшем отчете сенатора Кузьминского» [8]. Армяно-мусульманская война, начавшаяся в Баку 6 февраля 1905 года, «...взорвалась как бомба ... и отсюда был открыт огонь на весь Кавказ» [9]. В архивах хранятся многочисленные следственные дела об этих столкновениях в Баку [10]. Есть много свидетельств того, что армяне особенно жестоко расправлялись с женщинами: они знали, что для азербайджанцев честь семьи заключена в этическом статусе женщины. Чтобы нанести духовное увечье азербайджанцу, следовало обесчестить или убить его жену, сестру или дочь.

В планах создания «Великой Армении» армянских националистов важнейшее место занимал город Шуша, являющийся главным городом Карабаха, социально-экономическим и культурным центром азербайджанского народа. В августе 1905 года в Шуше армяне начали нападать на те районы города, где проживали азербайджанцы. Вооруженные армяне атаковали кварталы Халафлы и Кочарли города Шуши, было убито до 100 азербайджанцев, среди которых были и женщины [11]. О событиях, происходящих в это время в Шуше, есть беспристрастные свидетельства русских офицеров [12].

Положение азербайджанцев в Шуше и селениях было катастрофическим, так как они были отрезаны от других населенных пунктов и находились в изоляции. Женщины и дети, оставшиеся без крова и пропитания, дошли до истощения, просили помощи у властей.

В такой трагический момент в жизни азербайджанского

народа на защиту пострадавших от озверевших армянских националистов поднялись и азербайджанские женщины. Важно отметить в этом деле роль дочери одного из представителей рода карабахских ханов Ахмед бек Джаваншира – Гамиды ханум Джаваншир. Эта смелая и патриотичная азербайджанская женщина появилась в Агдаме с 200 всадниками и объявила, что привезла продовольствие и пришла на помощь пострадавшему от армянских националистов азербайджанскому населению Шуши и Агдама [13], и сегодня находящемуся в оккупации армян. Гамида Джаваншир собрала людей и сказала: «Хоть я и женщина, но ваши трудности не оставляли меня в покое ни днем, ни ночью» [13]. Она призвала создать местные отряды, которые совместно с ее отрядом очистили бы дорогу от армянских бандитов, грабивших и убивающих азербайджанцев. Гамида ханум помогла населению, привезла 200 пудов муки, ячмень и 200 рублей денег [13].

В газете «Каспий» о событиях в Карабахе говорилось: «Печальные, душу раздирающие вести, получаемые из Карабаха, сплотили и мусульманских женщин; они, собравшись на днях у почтенной Кунчи Ханумы Мухтаровой, решили образовать женский кружок по вспомоществованию разоренным жителям Елисаветпольской губернии (Карабах входил в Елисаветпольскую губернию – Л. А.). Поистине это великий акт в жизни мусульман Закавказья, когда сплоченный круг женщин, потеряв всякую надежду на своих мужей, взялся за дело» [14]. Такова была реакция азербайджанских женщин на террор армянских националистов.

Годом позже в Шуше произошла новая вторая по счету трагедия. Армяне, устроившие кровавую резню в Нахчыване и Иреване, расширили свою кровавую деятельность до Карабаха летом 1906 года. Впоследствии азербайджанцы при помощи пришедших из соседних деревень соотечественников перешли в контратаку, освободили свои деревни от армянских банд.

В 1918 году закончилась I мировая война. Народы обрели мир. Но азербайджанский народ вынужден был отражать нападения своих соседей – армян, которые, воспользовавшись сложным политическим положением, стремились захватить азербайджанские территории и создать за их счет свое государство. Для изучения истории кровавых событий тех лет особый интерес представляют материалы Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК), созданной в период Азербайджанской Демократической Республики [15]. ЧСК осуществлял расследование для раскрытия преступлений, прежде всего, мартовских событий 1918 года, когда в Баку и его уездах армянами был совершен геноцид 10 тысяч азербайджанцев, т.е. массовое уничтожение мирного населения по этническому признаку.

Лятифа АЛИЕВА

Непосредственным организатором и руководителем геноцида азербайджанцев в Баку в конце марта 1918 года было руководство Бакинского совета во главе с С. Шаумяном. К началу 1918 года политические позиции национальных сил Азербайджана значительно укрепились. Национальная партия «Мусават» была ведущей политической силой общества. Этот факт сильно беспокоил большевиков. Бакинский совет с помощью армянских националистов готовился к разгрому азербайджанцев. Речь шла о насильственном изменении демографической ситуации в Баку и ее губерниях. Уничтожение азербайджанского населения решалось на государственном уровне. Советские историки преподносили эти события как антисоветский мятеж мусаватистов против Бакинского совета. Однако источники свидетельствуют, что уничтожение мирного населения и погромы проводились лишь по национальному признаку. Доказательством этого является то, что во время мартовских событий больше всех пострадали именно незащищенные женщины и дети, которые, конечно же, не принадлежали к какой-либо партии и не были членами партии «Мусават».

Армяне особенно жестоко расправлялись с женщинами. Документы ЧСК свидетельствуют, что только в одном месте города Баку армянами было зарыто 57 трупов женщин без ушей, без носа, со вскрытыми животами и вырезанными влагалищами. В одном доме пригвоздили к стене живую 25-летнюю женщину [16]. У другой женщины по имени Гаджи ханум армяне отрубили руку, вырезали груди, убили и сняли кожу с лица [16, л. 5 об.]. Из селения Сары-Гаджалы были увезены почти все женщины, трупы которых позже были найдены с отрезанными грудями [16, л. 4 об.]. В селении Ахшам армянские солдаты перебили шашками 9 женщин и 10 малолетних детей.

В следственных материалах показано как один отряд в Баку забрался в дом и расстрелял 8 женщин и детей [17, л. 17 об.]. Свидетели видели, как женщин, которых армяне не успевали убить, связывали друг к другу косами, уводили голыми без обуви и по дороге били прикладами [17, л. 17]. Многие женщины и малолетние девочки были изнасилованы. Один из руководителей армянским движением хвастал в Баку перед своими знакомыми, что в Шемахе изнасиловал 10 мусульманских девушек, которых потом пристрелил из своего револьвера [18, л. 18 об.]. Армяне «ловили молодых и красивых женщин и девушек и насиловали их» [19, с. 169]. В материалах Чрезвычайной следственной комиссии есть многочисленные свидетельства пострадавших женщин, хотя многие девушки и женщины стеснялись и не давали подробных свидетельств или вообще отказывались от дачи показаний.

Убийство азербайджанцев армяне нередко совершали с невероятным зверством: снимали кожу с живых людей, пригвозждали их к стене, выкалывали штыками глаза, отрезали уши, вешали на деревьях.

Даже опытные юристы, которые вели расследование, содрогались от кошмарных преступлений армянских шовинистов. Фотограф Владимир Соколов, привлеченный для работы в ЧСК, не выдержал, когда снимал пригвожденного казачковым гвоздем к стене двухлетнего ребенка и других маленьких детей. После этого он отказался от дальнейшего фотографирования следов преступлений армян [20].

Американский историк Фируз Кяземзаде, в своей книге, изданной в США в 1951 году, писал: «Армяне под маской большевизма обрушились на мусульман, вырезали за несколько ужасных дней более двенадцати тысяч людей, среди которых было много стариков, женщин, детей» [21, с. 78]. Освобождение Баку Кавказской Армией во главе с османскими войсками от большевиков и армян спасло население Баку от дальнейшего террора армян. 14-15 сентября 1918 года, армяне покинули город [22, с. 16].

Армянами была проведена резня мусульманского населения Карской области, Нахчыванского, Сурмалинского, Зангезурского, Джеванширского и других уездов. Здесь наряду с бандами действовали и правительственные войска Армянской Республики.

Во всей этой чудовищной бойне больше всех пострадали женщины. Они теряли своих мужей, сыновей и братьев, лишаясь тем самым поддержки в жизни, оставались без крова и домашнего очага. На примере судьбы одной азербайджанской женщины можно представить положение тысяч мусульманских женщин, которых постигла та же участь. В день свадьбы девушки по имени Тават армяне напали на их село в Губадлы, перебили все население, убили ее родителей, братьев, сестер и жениха, сожгли деревню [23]. Оставшиеся в живых мужчины и даже женщины встали на защиту своей земли. Восемнадцатилетняя девушка, сняв венчалное платье, взяла в руки оружие и вместе с мужчинами воевала против армянских националистов, захвативших ее село [24, с. 87]. За свою смелость и отважность девушка получила прозвище «Еркак Тават» (Тават-мужчина). Армянские дашнаки перевернули всю ее жизнь. Теперь она не имела семьи и близких, забыла, что она женщина, должна иметь дом, растить детей. Тысячи азербайджанских женщин были в таком же положении: их жизнь была изуродована в результате политики армянских националистов по захвату земель своих соседей.

Армяне продолжали проводить в жизнь этническую чистку в 1919-1920 годах в Карабахе, Зангезуре, Нахчыване, Зангелане и др. азербайджанских землях. Только в Иреванской губернии армянами было уничтожено 211 азербайджанских деревень [25]. В азербайджанских селах Зангезура Байандур, Шайыфлы, Гарачиман и др., сообщается в архивных документах о том, что армяне творили неслыханные зверства. Ими было убито 2254 человека, из которых 257–

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В СИТУАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ (1905-1906, 1918-1920 гг.)

женщины, 153 – дети, было сожжено 304 человека, из них 53 – женщины, 39 – дети [26].

Согласно годовому докладу ЧСК, было установлено, что только в Зангезурском уезде в 115 азербайджанских деревнях было убито 2276 женщин и 2196 детей. За это же время армянами было сожжено 794 женщин и 485 детей [27].

Массовое уничтожение азербайджанского населения в Баку и других городах и уездах Южного Кавказа стали началом поражения большевиков в крае. Эти события послужили причиной того, что мусульманское население отвернулось от большевиков, которые

полностью потеряли их доверие. Это привело к краху большевиков и падению советской власти, кончине Бакинского совета в конце июля 1918 года.

Подводя итоги, нужно отметить, что в XX веке каждый раз, когда российское государство оказывалось перед серьезными проблемами, приводящими к его ослаблению или распаду, на Южном Кавказе армяне начинали действовать против азербайджанцев, пытаясь вытеснить их из исконных территорий. Террор армян по отношению к азербайджанцам стимулировал национальное пробуждение, укреплял патриотические чувства азербайджанцев – и мужчин, и женщин.

Литература:

1. Обращение Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева к азербайджанскому народу в связи с днем геноцида азербайджанцев // Газета «Azərbaycan», 2008, 16 марта.
2. Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Т.3. – Москва: Изд-во Коммунистической академии, 1930, с. 285.
3. Swietochowski Tadeusz. Russian Azerbaijan, 1905-1920: The Shaping of a National Identity in a Muslim Community. Cambridge University Press, 1985.
4. Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (АПД УДП АР), ф. 277, оп. 8, д. 259, л. 103.
5. Məmmədşadə Mirzə Bala. Milli Azərbaycan hərəkəti. – Bakı: Nicat, 1992, s. 37.
6. Кариби. Красная книга. – Тифлис, 1921, с. 49.
7. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИА АР), ф. 46, оп. 1, д. 266, л. 17.
8. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1905 году, по высочайшему повелению сенатором Кузьминским, ревизии города Баку и Бакинской губернии. СПб, 1907, с. 1-26.
9. Ордубади, М. С. Кровавые годы. – Баку, 1991, с. 13.
10. ГИА АР, ф. 341, оп. 1, д. 32; ф. 342, д. 55; ф. 343, д. 50; ф. 344, д. 19; ф. 345, д. 5.
11. Газета «Каспий», 1905, 6 сентября, № 172.
12. Газета «Каспий», 1906, 3 июля, № 142.
13. Nəvvab M. M. 1905-1906-ci illərdə erməni-müsəlman davası. s. 82-83.
14. Газета «Каспий», 1906, 3 декабря № 260.
15. АПД УДП АР, ф. 277, оп. 2, д. д. 13, 14, 15, 25, 26, 27.
16. АПД УДП АР, ф. 277, оп. 2, д. 16, л. 16.
17. Baykara Hüseyn. Azərbaycan istiqlal mübarizəsi tarixi. – İstanbul, 1975, s. 250.
18. АПД УДП АР, ф. 277, оп. 2, д. 16.
19. Рустамова-Тогиди, С. А. Март 1918 г. Баку. Азербайджанские погромы в документах. – Баку, 2009.
20. АПД УДП АР, ф. 276, оп. 9, д. 1, л. 25.
21. Кяземзаде, Ф. Борьба за Закавказье (1917-1921). СА&PRESS. – Стокгольм, 2010.
22. Azərbaycanca mövcud olan şəhidliklər və şəhid məzarları. – Bakı: Qismət, 2011.
23. Əhmədov R. Mir Səfər Vağırov. – Bakı, 2004.
24. Suleymanov F. Qana boyanmış Quran. – Bakı, 1997.
25. Государственный архив Азербайджанской Республики (ГААР), ф. 970, оп. 1, д. 190, л. 9.
26. ГААР, ф. 1061, оп. 2, д. 7, с. 37-38.
27. Abışov V. Azərbaycanlıların soyqırımı (1917-1918-ci illər). – Bakı: Nurlan, 2007, s. 131.

Summary

The article is dedicated to the problems of women in the period of national conflicts, which hasn't been investigated in the Azerbaijani historiography before. In the research implemented on the basis of significant valuable sources the hard social state of Azerbaijani women and their activities of that time is being investigated in the phase of Armenian-Azerbaijan conflict that began by Armenians in 1905-1906, 1918-1920.

In the scientific investigation the tragic events committed by dashnaks with the command of Baku Soviet with the leadership of S. Shahumyan are analyzed on the basis of significant documents of The Extraordinary Investigation Commission created in the period of Democratic Republic.

Investigation shows that only in Baku the Armenians buried 57 woman's body with cutted off ears and noses, bayoneted in the abdomen and severed genitals. Armenian killers nailed 25 years old woman to the wall in a house. Armenians chopped arms, cutted off breasts, then killed another woman and took the skin of her face. Stepan Lalayev gathered muslim women and children in mosque and burned them alive in Shamakhi.

Unrestrained terror acts of Armenians against Azerbaijanis gave a push to the national self-consciousness of women and he evolvment in their consolidation issue, also strengthening their patriotic sense accelerated their social activities.

Низами МАМЕДОВ,

доктор философских наук,
профессор Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Российской Академии естественных наук
и Российской Экологической Академии, член
Международной ассоциации писателей и публицистов,
эксперт ЮНЕСКО

КАРАБАХСКИЙ СИНДРОМ

Предлагаемая вниманию читателей статья доктора философских наук, профессора Низами Мамедова «Карабахский синдром» написана летом 1993 г., в период возвращения национального лидера – Гейдара Алиева к власти. Статья отражает драматическую ситуацию, которая сложилась в то время в Азербайджане: царил социальный хаос, нарастала экономическая деградация, возникла прямая угроза независимости и целостности республики. Общество все более погружалось в депрессионное состояние. Сейчас многие удивляются, как Гейдару Алиеву удалось вывести Азербайджан из социально-политического тупика. За короткое время была проделана огромная дипломатическая работа. В мае 1994 года Азербайджан и Армения достигли режима прекращения огня. Советом Безопасности ООН были приняты четыре резолюции по освобождению оккупированного Нагорного Карабаха и прилегающих к нему территорий. Под эгидой Минской группы ОБСЕ и при сопредседательстве России, Франции и США начались мирные переговоры, которые продолжаются и по сей день. Единственной причиной, по которой конфликт все еще не нашел своего решения, является агрессивная сущность армянского государства и саботаж армянского руководства с целью сохранения статус-кво. Пусть даже ценой благосостояния собственного народа, пребывающего в жалком состоянии.

История повторяется. Армения, спустя 75 лет вновь затеяла войну за Карабах. Однако ныне эта война удивляет многих. Ряд наших политиков использовал ее как средство достижения своих эгоистических целей. Без боя сдавались города, чтобы сместить неугодное правительство и самим прийти к власти.

Поражает различие позиций противников. Единые в своей национальной идее армяне реализуют свои захватнические цели со средневековой жестокостью. Наша же беспечность носит уже гротесковый характер. Мы близки к национальной катастрофе, но в должной мере все никак не осознаем это.

ПРОБУЖДЕНИЕ. Притязания армян на Карабах пробудили все же нас от дремучего сна. Достаточно сказать, что еще в середине 80-х годов в Баку многие недоумевали по поводу издания в Ереване пронизанной духом махрового национализма книги З. Балаяна «Очаг». Деятели азербайджанской культуры, воспитанные в строгих рамках господствующей идеологии, не понимали мотивы автора, обращались в ЦК КПСС, чтобы книгу, «наносящую ущерб армяно-азербайджанской дружбе», запретили. З. Балаян, однако, не был оригинален. Он просто систематизировал и выразил на русском языке то, что давно было расхожей темой в армянской среде.

В Армении, начиная с 60-х годов, стали активно возрождаться националистические идеи, дашнакские концепции возрождения «Великой Армении», «исключительности армян», их «особой исторической миссии» и прочее. Особенно зримо ощущался национализм в идеологии, в литературе и искусстве, в сферах воспитания и образования, в практике преподавания социально-гуманитарных дисциплин.

В 1985 году был принят политический манифест Армянской Революционной Федерации, в котором в качестве главной цели всех армян выделялась идея создания объединенной Армении, территория которой должна включать в себя, помимо самой Армянской ССР в ее современных границах, также и часть Турции, весь Нахчыван, Ахалкалаки и Карабах. С этих пор и началось комплексное осуществление этой установки, плоды которой мы пожинаем сейчас.

Конкретные действия националистических армянских организаций, разумеется, не были одинаковы в Азербайджане, Грузии и Турции. Однако везде главной «методой» армян было обострение в регионе межэтнических отношений. Неслучайно именно на этот период приходится активизация курдских сепаратистов в Турции, талышских и лезгинских – в Азербайджане, абхазских и осетинских – в Грузии и т.д. Все это явилось следствием очень тонкой диверсионно-идеологической работы, так сказать, «на перспективу».

КАРАБАХСКИЙ СИНДРОМ

Реализацию бредового плана объединения армянских земель решено было начать с Карабаха, в расчете на слабость тогдашнего азербайджанского руководства и наличие здесь некоторой политической «почвы» – армянской автономии.

Смертельная угроза, нависшая над Азербайджаном, никак не была замечена в республике. Здесь звучали лозунги «о дружбе народов», искажалась история. Например, тщательно скрывались свидетельства зверств дашнаков в 1918 году в Баку, когда погибло более 10 тысяч ни в чем не повинных азербайджанцев – жителей города и предместий. В ином свете представлялись и цели массового переселения азербайджанцев из Армении в 30-е и 40-е годы. Даже в 1988–1989 годах руководство Азербайджана еще пыталось скрывать, и не столько от мировой общественности, сколько от своего народа, факты варварских издевательств над азербайджанцами в Армении и насильственной их депортации. Азербайджанское руководство своими действиями, по существу, попустительствовало армянским идеологам в реализации информационной блокады вокруг происходящего в регионе.

Напротив, весь мир моментально узнал о сумгаитской провокации («пусковом» механизме карабахской трагедии), организованной армянскими националистами при содействии КГБ СССР. Спровоцированная резня в Сумгаите и искаженная информация о ней, многократно усиленная и повторенная армянской диаспорой, надолго сделала одиозным в глазах мировой общественности образ азербайджанца.

Парадоксально, что не только обыватели, но и лидеры Азербайджана в то время искренне недоумевали по поводу бездействия Москвы. «Недоумение» объяснялось верой в пропагандируемые долгие годы «коммунистические» ценности. Можно сказать, что они, в основном, доминировали в республике вплоть до чудовищной, карательной акции, предпринятой горбачевским руководством в январе 1990 года в Баку.

Если после «сумгаитских погромов» народ еще не распознал их организаторов, то вслед за погромами в Баку и последующего «черного января» стали все отчетливей вырисовываться мощные внешние силы, стоящие за карабахской авантюрой. Из обобщения целого ряда фактов складывается следующая картина. В «карабахском узле», как ни странно, сошлись примитивные интересы армянских националистов, издавна мечтавших о чужих территориях, некоторых западных спецслужб, цель которых – раскол СССР посредством, в частности, межэтнических конфликтов (об этом без утайки долгие годы писали западные советологи), а также КГБ СССР, наивно пытавшегося переориентировать армянских «диссидентов» с борьбы за «независимую от России Армению» на более мелкую, внутреннюю, «карабахскую» проблему. При этом руководству КГБ ка-

залось, что оно полностью владеет ситуацией, и это будет управляемый «сверху» процесс.

События, однако, вышли из-под контроля, и под «обломками» СССР остались и сами московские «наблюдатели» карабахского конфликта.

Армения после распада СССР оказалась перед дилеммой: или открыто воевать за Карабах, или отказаться от своих амбиций и развивать добрососедские отношения с Азербайджаном. Дашнакская установка, как и следовало ожидать, взяла верх, обусловив выбор деятелями Армении исторически рокового для них военного решения «карабахской проблемы».

Несмотря на военные успехи Армении последнего времени, путь этот в стратегическом отношении обречен, ибо в целостности и расцвете Азербайджана экономически заинтересованы западные страны, не говоря уже о Турции и других исламских государствах. Та же Армения из-за своего географического положения в принципе нуждается в экономических связях с Азербайджаном и Турцией. Таким образом, будущее Закавказского региона – в интеграционном развитии. Чем раньше поймут это в Ереване, тем лучше будет для самого армянского народа.

Во всей «карабахской истории» аморально выглядит позиция «перестроенного» руководства СССР и лично М. Горбачева. По существу, ими были подло преданы законные интересы бывших своих сограждан – азербайджанского народа. Как объяснить это? Недопониманием ситуации, или, наоборот, это было частью масштабного сценария по развалу СССР? На этот вопрос ответит История. Сейчас же однозначно можно утверждать лишь то, что М. Горбачев грубо попрал положения Конституции СССР, принимая решения, откровенно усугубляющие карабахский конфликт. Преступное головотяпство продемонстрировало в те дни азербайджанское руководство. Оно с надеждой смотрело на Москву, вместо того, чтобы организовать защиту интересов своего народа, целостности республики. Сменявшие друг друга руководители Азербайджана (К. Багиров, А. Везиров, А. Муталибов) так и не смогли уяснить себе, что партийная верхушка в Москве встала на путь измены, и ведет себя лицемерно.

ИСПЫТАНИЕ. Более пяти лет длится карабахская драма. Тысячи азербайджанцев, преимущественно – женщин, стариков и детей, погибли за это время, около миллиона человек стали беженцами и лишились элементарных условий жизни. Война в Карабахе носит варварский характер и ведется армянской стороной при игнорировании всех международных норм. Достоянием общественности стали бесчисленные преступления армянских фашистов против человечности.

Одна пятая часть территории Азербайджана уже разорена армянами. Враг дерзок и коварен, опираясь на щедрую разностороннюю помощь армянской диаспоры, проводит изощренную информационную и дипло-

Низами МАМЕДОВ

матическую политику. Недавно президент Армении Л. Тер-Петросян, выступая перед своими согражданами – «добровольцами», признался, что «осуществляется ювелирное дипломатическое прикрытие военных действий в Карабахе». Стоит ли после этого удивляться, что от мирового сообщества до сих пор скрыто очевидно: карабахский конфликт – это прямая агрессия Армении против Азербайджана.

Наша наивность в оценке намерений и сил армян, а также «шапкозакидательский» раж обернулись большой бедой для всего азербайджанского народа. Армения далеко еще не реализовала всех своих «установок» в отношении Азербайджана и вряд ли вскоре согласится с тем, что идея «Великой Армении» – нереализуемый бред, ибо идею эту воспринимают армяне с молоком матери как главную – национальную.

У каждого народа есть и друзья, и недруги. Различия в уровне и качестве жизни отдельных народов, как известно, могут в определенных обстоятельствах, особенно при развертывании отчуждающей их идеологии, приводить к обострению противоречий между ними. Стремление улучшить свое положение за счет другого – рудиментарное качество человека, оставшееся от его эволюционных предков. Эффективность дашнакской идеологии определяется тем, что она умело использует этот «рудимент». В то же время «мученический ореол», созданный в начале XX века армянами, в наши дни все менее кого-либо убеждает. И перед мировым сообществом все явственней обнажается истинный облик армянского фашизма.

Наши военные неудачи последнего времени – еще не повод для паники. Азербайджанский народ проходит жестокий экзамен на историческую зрелость. Мы учимся отстаивать свой национальный статус, свое право на существование, вырабатывать собственную концепцию развития. И весь наш потенциал сейчас должен быть мобилизован на то, чтобы достойно и с наименьшими потерями выйти из этого, чреватого опасностями испытания.

Побежденные, гласит мудрость, учатся побеждать. Но для этого, прежде всего, важно реальное осознание себя, своих возможностей, конкретной исторической обстановки. Надо признать, что мы, в своем большинстве, до сих пор еще не прониклись мыслью, что происходящее на нашей земле – подлинно отечественная война, что мы объективно находимся на грани превращения в неких новых палестинцев – нации без собственной территории.

Трагедия Карабаха изменила не только внешний вид городов и сел Азербайджана, но и содержание различных сфер жизни людей. Эти изменения отражаются в психологии, мышлении азербайджанцев, становясь столь значительными, что можно без преувеличения сказать: азербайджанская нация, ее ценностные установки в наши дни во многом формируются как бы заново.

Этот процесс, к сожалению, до сих пор идет спонтанно, ибо недавняя официальная идеология приложила немало усилий, чтобы его дезориентировать. Только сейчас мы видим ясную и четкую позицию нового руководства республики, способную объективировать реально имеющиеся в Азербайджане возможности для победы.

НЕКОТОРЫЕ УРОКИ. После распада СССР Азербайджану надлежало самостоятельно определить свою концепцию развития, свое место в региональной и глобальной политике. Армения проявила завидную расторопность в понимании «новой» ситуации и вошла в состав СНГ. Благодаря этому, главным образом, она оказалась в выгодном положении. Более того, армянской дипломатии удалось добиться известной благожелательности к их стране у иранского руководства. К этому следует добавить и традиционное внимание западных стран к Армении вследствие сильного влияния армянской диаспоры на их правительства.

Удивительная наивность была проявлена в этом отношении азербайджанским политическим руководством и дипломатией. Мы категорически обратили свой взор к Турции, оттолкнув от себя Иран и Россию. Были преданы забвению экономически выгодные для Азербайджана связи с Россией и Ираном, не говоря уже о давних духовных и иных связях между нашими странами. Как результат – усугубление и без того плачевного положения Азербайджана.

Важно при этом подчеркнуть, что Турция никаких поводов нам для такой политики не давала. Она неизменно обращала внимание азербайджанских руководителей на свои ограниченные возможности в решении данного конфликта. Азербайджан – объект пересечения интересов многих государств, поэтому он обязан был выработать и неуклонно проводить сбалансированную внешнюю политику.

В Азербайджане должно быть создано сильное правовое государство, в котором всесторонне соблюдались бы права человека. Для этого следует развернуть большую просветительскую работу среди населения, разъяснить суть и основополагающие принципы правового государства. Все должны понимать, что насильственный захват власти преступен сам по себе.

Заботой Азербайджанского государства, прежде всего, должно быть: целостность территории и единство нации. Следует вести решительную борьбу со всеми проявлениями сепаратизма и межнациональной розни.

Вместе с тем представляется необходимым создание должных условий для сохранения и развития культуры малочисленных народов. Культура Азербайджана должна складываться как интеграция ценностей всех народов, его населяющих.

Трудная созидательная работа предстоит всем нам. Но у нас прекрасная цель – процветание Азербайджана.

Валерий КОЛЮХ,
кандидат политических наук,
доцент, Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ И РАЗНОВИДНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Категория «политический процесс» является одной из базисных в политологии. Так же, как и категории «политическое явление», «политический институт», она имеет важное методологическое значение. Выделение той или иной последовательности действий в качестве политического процесса является средством их познания и систематизации. В номенклатуре специальностей научных работников, по которым защищаются кандидатские и докторские диссертации, в пределах отрасли «Политические науки» еще при ее учреждении в СССР была выделена специальность 23.00.02 – политические институты и процессы.

В то же время «политический процесс» является одной из наименее определенных категорий, что связано как с многозначностью самого слова «процесс», так и с многообразием общественных, в том числе и политических процессов. В большом толковом словаре современного украинского языка слово «процесс» определяется, в частности, как: «Последовательное изменение состояний или явлений, происходящее в закономерном порядке; ход развития чего-нибудь»; «Совокупность последовательных действий, средств, направленных на достижение определенного следствия»; «Определенный законом порядок деятельности следственных и судебных органов при рассмотрении судебных дел определенного рода» [1, с. 997]. Очевидно, что для определения политического процесса больше всего подходит второе значение слова «процесс», так как первое касается и процессов, происходящих в природе, а третье является узкоспециализированным.

В этой связи можно согласиться с определением политического процесса как «совокупности последовательных действий политических субъектов по реализации своих интересов через политическую власть» [2, с. 596]. В данном определении политического процесса верно указывается его важнейший признак, который отличает политический процесс от других

общественных процессов, – он осуществляется через политическую власть. Политическими процессами в этом – узком – смысле являются, например, процессы принятия политических решений, разрешения политических конфликтов, избирательный и законодательный процессы и т.д.

В то же время в политологии и науке конституционного права распространено и более широкое понимание политического процесса, при котором он отождествляется с функционированием политической системы общества в целом или даже всей совокупности международных политических отношений (мировой политической процесс). Например: «Политический процесс – ... форма функционирования политической системы общества, эволюционирующей в пространстве и времени» [3, с. 294]; «Политический процесс... мы можем определить как порядок функционирования политической системы, ее институтов, включая взаимоотношения между ними» [4, с. 226]; «Мировой политической процесс – это совокупность действий и взаимоотношений субъектов политики на международной арене» [5, с. 438]. Определение политического процесса как формы функционирования политической системы общества, которая, как известно, охватывает всю систематизированную совокупность политических явлений (политические институты, политические отношения, политические нормы, политическую культуру), конструктивно в том отношении, что представляет политический процесс в широком смысле как всю совокупную деятельность субъектов политики в пределах политической системы общества или в мире в целом (мировой политической процесс).

Понятие «конституционный процесс» также неоднозначно. В большом юридическом словаре указывается, что «Конституционный процесс – 1) В широком смысле вся деятельность высших органов государственной власти, протекающая в формах, установленных нормами конституционного права, а

Валерий КОЛЮХ

также процесс развития и усовершенствования всех конституционно-правовых институтов в конкретном обществе или в мире в целом. 2) В узком смысле урегулированная процессуальными нормами конституционного права деятельность конституционных судов и квазисудебных органов конституционного контроля по рассмотрению и разрешению конституционно-правовых споров и дел о конституционных правонарушениях. В этом случае применим также термин „конституционно-судебный процесс”» [6, с. 304].

Важнейшим в первом из этих определений, по нашему мнению, является понимание конституционного процесса как процесса развития и усовершенствования всех конституционно-правовых институтов в конкретном обществе или в мире в целом. Однако здесь не приведено основное и наиболее распространенное понимание конституционного процесса – как деятельности по принятию конституции или внесению изменений в действующую конституцию. Отчасти этот пробел восполняет следующее определение: «Конституционный процесс – ... процесс разработки проекта, обсуждения и принятия конституции» [7, с. 207]. Данное определение верно связывает конституционный процесс с принятием конституции, однако оставляет за его пределами внесение в нее изменений.

Основываясь на приведенных определениях и учитывая сделанные по ним замечания, конституционный процесс целесообразно рассматривать и как общий непрерывный, неограниченный во времени процесс конституционных изменений в отдельных странах или в мире в целом, и как конкретный процесс принятия конституции или внесения изменений в действующую конституцию конкретного государства, являющийся составной частью общего конституционного процесса. Формулировка «в мире в целом» (большой юридический словарь) означает, что как и в случае с политическим процессом, можно вести речь и о мировом конституционном процессе. Термин «мировой конституционный процесс» используется в научной литературе, например: «Современное понятие конституции сложилось в ходе развития мирового конституционного процесса, обусловленного эволюцией общества и государства в Новое и Новейшее время» [8, с. 43].

Исходя из сказанного, конституционный процесс, как и политический, целесообразно определять в широком и узком смысле. Конституционный процесс в широком смысле – это вся совокупная деятельность субъектов политики по созданию и изменению конституций в конкретной стране и в мире в целом; конституционный процесс в узком смысле – это деятельность субъектов политики по принятию первой или новой или изменению действующей конституции государства. Конституционный процесс в широком смысле является непрерывным, в узком – выступает составной частью первого и носит циклический ха-

рактер: длится от инициирования конституционных изменений до принятия конституции или внесения изменений в действующую конституцию.

Конституционный процесс непосредственно связан с политической властью: устанавливает основополагающие принципы организации политической жизни общества; учреждает политико-правовые институты органов государственной власти; определяет порядок формирования и функционирования органов государственной власти, их компетенцию и принципы взаимоотношений; провозглашает политические права и свободы граждан и т.д. Он является важнейшей составной частью политического процесса в широком смысле – как всей совокупной деятельности субъектов политики в пределах политической системы общества или в мире в целом. В то же время конституционный процесс в узком смысле – как деятельность субъектов политики по принятию или изменению конституции – является одной из разновидностей политического процесса, наряду с такими процессами, как избирательный процесс, законодательный процесс, процесс принятия политического решения и др.

Конституционный процесс тесно связан с другими разновидностями политического процесса и, в свою очередь, может быть разновидностью некоторых из них, например, процесса принятия политического решения, законодательного процесса, процесса разрешения социально-политического конфликта и др. Политические процессы в той или иной степени регулируются правовыми нормами. В одних случаях такое регулирование осуществляется опосредованно, в других – непосредственно. Опосредованно – через систему образования, учреждения культуры, средства массовой информации, политические партии, общественные организации и другие институты, деятельность которых в той или иной степени регулируется правом. Например, процессы политической социализации, формирования политического лидерства и политических элит и др. Непосредственно правовыми нормами регулируются, например, избирательный процесс, законодательный процесс, процесс образования и регистрации политической партии и др.

Политический процесс в той части, в которой он регулируется правовыми нормами, является одновременно юридическим процессом и имеет четко выраженные этапы или стадии. Термины «этап» и «стадия» применительно к процессу синонимичны, употребление того или другого чаще всего зависит от контекста. Синонимичность этих терминов подтверждается уже их определениями, в которых они обычно определяются друг через друга, например: «Этап... Отдельный момент, период, стадия в развитии»; «Стадия... Определенный момент, период, этап в жизни, развитии, кого-, чего-нибудь, имеющие свои качественные особенности» [9, с. 267, 1186].

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ И РАЗНОВИДНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Этапами (стадиями), например, избирательного процесса как законодательно установленного порядка организации подготовки и проведения выборов являются выдвижение и регистрация кандидатов, предвыборная агитация, голосование, подсчет голосов и др. Основные этапы (стадии) законодательного процесса как законодательно установленного порядка деятельности субъектов законодательной власти по созданию закона и введению его в действие – это внесение законопроекта в парламент (законодательная инициатива); обсуждение законопроекта в парламенте (парламентские чтения); принятие парламентом законопроекта как закона; подписание и обнародование принятого парламентом закона главой государства (промульгация). Такие же этапы (стадии) с некоторыми особенностями различаются и в конституционном процессе.

Особенностью конституционного процесса как разновидности законодательного процесса являются значительно более высокие конституционные требования к принятию или изменению конституции, чем к принятию или изменению обычных законов. К их числу относятся, прежде всего, сужение круга субъектов права конституционной инициативы и повышение требований к большинству голосов парламентариев, необходимому для принятия конституции или внесения в нее изменений.

Так, согласно Конституции Российской Федерации 1993 года [10] право законодательной инициативы принадлежит Президенту, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации, а также Конституционному, Верховному и Высшему арбитражному судам по вопросам их ведения (ч. 1 ст. 104), тогда как правом конституционной инициативы указанные суды не наделяются (ст. 134). Федеральные законы принимаются большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы (ч. 2 ст. 105). Федеральный закон считается одобренным Советом Федерации, если за него проголосовало более половины от общего числа членов этой палаты (ч. 4 ст. 105). Федеральный конституционный закон (такие законы принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией РФ. – В. К.), считается принятым, если он одобрен большинством не менее трех четвертей голосов от общего числа членов Совета Федерации и не менее двух третей голосов от общего числа депутатов Государственной Думы (ч. 2 ст. 108). Поправки к главам 3-8 Конституции Российской Федерации принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона, и вступают в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов Российской Федерации (ст. 136).

В анализе конституционного процесса принци-

пиально важное значение имеет выяснение того, в какой именно части он является (должен быть) объектом исследования политической науки, или по другому: что именно в конституционном процессе является предметом исследования политологии? Бытует мнение, что конституция, конституционное право в целом – объект исключительно правоведческих исследований, тогда как политологи должны заниматься теорией политики и прикладными политологическими исследованиями. Опубликованные в правоведческих журналах статьи обычно не засчитываются как публикации по специальностям политических наук при защите диссертаций. При этом сами праведы активно проникают в исследовательское поле политической науки как теоретически, так и организационно.

К примеру, в уже цитированной выше монографии по конституционному праву содержится объемный раздел о политической системе общества [11, с. 100-152]. В Институте государства и права имени В. М. Корецкого НАН Украины создан отдел правовых проблем политологии [12], в Национальном университете «Одесская юридическая академия» – факультет правовой политологии и социологии [13]. И хотя формулировки «правовые проблемы политологии» и «правовая политология» пока что не получили научных определений, очевидно, что в первом случае речь идет о соединении правоведческих и политологических исследований, а во втором – о подготовке специалистов на основе изучения политологических и правоведческих дисциплин. Политологи, к сожалению, пока что отстают в освоении и использовании в исследованиях политики правовых знаний, национальных и зарубежных конституционно-правовых актов.

Рассматривая вопрос о том, в какой именно части конституционный процесс является предметом исследования политологии, необходимо исходить из особенностей предмета политической и конституционно-правовой науки. Определения предмета политологии так или иначе связывают с осуществлением государственной (в целом – публичной) власти. Государственная власть является главным объектом исследования и конституционно-правовой науки. Российский конституционалист В. Рыжов, например, подчеркивает, что «конституционное право регулирует отношения, связанные с осуществлением не только государственной, но и любой публичной власти» [14, с. 6].

В определениях предмета конституционного права как отрасли права обычно выделяют три его составляющие: конституционные принципы организации экономической, социальной, политической и социокультурной жизни общества; конституционно-правовые институты организации и функционирования государственной власти; конституционные осно-

Валерий КОЛЮХ

вания взаимоотношений государства и личности. Например: «конституционное право – это отрасль права, являющаяся системой юридических норм, закрепляющих основания организации общественной жизни, определяющих организацию и функционирование государственной власти и основания взаимоотношений государства и личности» [15, с. 17].

Конституционные основания (начала) организации общественной жизни – это закрепленные в конституции принципы, составляющие основу правового регулирования экономических, социальных, политических и социокультурных отношений в обществе. В экономической сфере это, например, принципы нерушимости права частной собственности, многообразия форм собственности, свободы предпринимательской деятельности, свободной конкуренции и др., в социальной – принципы равенства прав женщин и мужчин, защиты материнства и детства, социальной защищенности человека, социального государства и т.п., в политической – принципы народного суверенитета, непосредственного осуществления власти народом, народного представительства, разделения государственной власти, политического плюрализма и др., в социокультурной – принципы идеологического плюрализма, отделения церкви от государства и т.п.

Организация и функционирование государственной власти охватывают систему органов государственной власти, их компетенцию, принципы взаимоотношений, порядок формирования и осуществления ими функций и полномочий. Основными конституционно-правовыми институтами организации государственной власти являются форма государственного правления (отношения между высшими органами государства – главой государства, парламентом, правительством), форма государственного устройства (отношения между центральными и территориальными органами государственной власти) и избирательная система как совокупность правил и приемов, обеспечивающих участие граждан в формировании выборных органов государственной власти.

Основания взаимоотношений государства и личности охватывают права, свободы (личные, экономические, социально-экономические, социальные, политические, культурные) и обязанности личности

как человека и гражданина, а также обязанности государства по признанию и гарантированию таких прав и свобод.

Определение и конкретизация предмета конституционного права как отрасли права и, соответственно, предмета конституционно-правовой науки позволяют сделать вывод, что предметом политологических исследований в конституционном праве в целом, конституционном процессе, в частности, является их политическая составляющая, а именно: конституционные принципы организации политической жизни общества, конституционные нормы и институты относительно организации и функционирования государственной (в целом – публичной) власти, политических прав, свобод и обязанностей граждан.

Без активного использования в политологических исследованиях конституционно-правового материала политологи останутся либо оторванными от конкретной действительности теоретиками политики, либо приверженцами сугубо эмпирических политических исследований.

Таким образом, конституционный процесс и в широком смысле – как вся совокупная деятельность субъектов политики по созданию и изменению конституций в конкретной стране и в мире в целом, и в узком – как деятельность субъектов политики по принятию или изменению конституции государства – является составной частью политического процесса как совокупной деятельности субъектов политики в пределах политической системы общества или в мире в целом. В то же время конституционный процесс в узком смысле является разновидностью политического процесса в узком смысле – как совокупности последовательных действий политических субъектов по реализации своих интересов через политическую власть, наряду с такими его разновидностями, как избирательный процесс, законодательный процесс, процесс принятия политического решения и др. В той части, которая касается конституционных принципов организации политической жизни общества, конституционных норм и институтов относительно организации и функционирования публичной власти, политических прав, свобод и обязанностей граждан конституционный процесс является объектом исследования также и политической науки.

Литература:

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – Київ: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2001. – 1440 с.
2. Політична енциклопедія / редкол.: Ю. Левенець (голова), Ю. Шаповал (заст. голови) та ін. – Київ: Парламентське видавництво, 2011. – 808 с.
3. Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост.: Ю. И. Аверьянов. – Москва: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – 431 с.

4. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: В 4 т. Тома 1-2. Часть общая: учебник / отв. ред. Б. А. Страшун. – 3-е изд, обновл. и дораб. – Москва: Издательство БЕК, 2000. – 784 с.
5. Шляхтун, П. П. Політологія: історія та теорія: підручник / П. П. Шляхтун. – Київ.: Центр учбової літератури, 2010. – 472 с.
6. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – Москва: ИНФРА-М, 1998. – 790 с.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ И РАЗНОВИДНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

7. Шляхтун, П. П. Конституційне право: словник термінів / П. П. Шляхтун. – Київ: Либідь, 2005. – 568 с.
8. Енгибарян, Р. В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции / Р. В. Енгибарян. – Москва: Норма, 2007. – 496 с.
9. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – Київ; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2001. – 1440 с.
10. Конституция Российской Федерации // Конституции государств Европы: В 3 т. / Л. А. Окуньков (общ. ред. и вступ. ст.): Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Норма, 2001. – Т. 3. – 790 с.
11. Енгибарян, Р. В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции / Р. В. Енгибарян. – Москва: Норма, 2007. – 496 с.
12. Інститут держави і права імені В. М.Корецького Національної академії наук України. – Режим доступу: www.idpnan.in.ua.
13. Национальный университет „Одесская юридическая академия”. – Режим доступу: onua.edu.ua.
14. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: В 4 т. Тома 1-2. Часть общая: учебник / отв. ред. Б. А. Страшун. – 3-е изд, обновл. и дораб. – Москва: Издательство БЕК, 2000. – 784 с.
15. Шляхтун, П. П. Конституційне право України: підручник / П. П. Шляхтун. – Київ: Освіта України, 2010. – 592 с.

Summary

The subject of research is the political component of the constitutional process, constitutional principles, norms and institutions related to the organization of political life, organization and functioning of the government, political rights, freedoms and responsibilities of citizens. The object of research is the constitutional process.

On the basis of the definition of the existing in scientific literature concepts of “political process” and “constitutional process” correlation therebetween turns out.

The main features of the constitutional process marked out as a kind of stand in the legislative process.

Scientific novelty of the article is in formulation of the problem of correlation of the constitutional and political processes and in its author’s permission, and also in stating the necessity of the political science research of the constitutional process and the allocation of the components of this process as their subject of study, in particular and constitutional law in general – the constitutional principles, norms and institutions related to the principles of organization of the political life of the society, the organization and functioning of the government, political rights, freedoms and responsibilities of citizens.

Keywords: process, stage, phase, the political process, the constitutional process, the legislative process, the electoral process, the subject of constitutional law, political science analysis, political actors.

Ганира ПАШАЕВА,
доктор философии в политических науках,
доцент,
депутат Милли Меджлиса
Азербайджанской Республики

ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА АРМЕНИИ В ОТНОШЕНИИ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ–ТЯЖКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

С первых дней своего существования Азербайджанская Республика в качестве независимого государства уделяла особое внимание созданию дипломатических отношений с мировыми государствами и международными организациями, а также созданию партнёрских отношений с этими странами, таким образом, национальная дипломатия в этом направлении расширилась. С первых же дней независимой государственности приоритетным направлением внешней политики Азербайджана был и остаётся Армяно-Азербайджанский, Нагорно-Карабахский конфликт, обеспечение территориальной целостности Азербайджана. Но за пределами нашей республики искусственно созданная информационная блокада препятствовала донесению реалий и всей правды в этом направлении. Выходом из создавшегося положения было создание баланса между государствами, транснациональными корпорациями и кругами, соперничающими за авторитет и влияние в регионе, чего удалось достичь благодаря приходу к власти общенационального лидера Гейдара Алиева, который, устранив тяжёлое положение, добился успеха в регионе. Постепенно на смену пристрастности, необъективности и «двойным стандартам» пришло признание территориальной целостности нашей страны, в чём основополагающую роль играли международные организации.

Начатая общенациональным лидером азербайджанского народа и продолженная Президентом Азербайджанской Республики Ильхамом Алиевым целенаправленная стратегическая линия дала положительные результаты. Государственная независимость Азербайджана, правое дело и территориальная целостность впервые были признаны такой международной организацией, как Организация Исламской конференции (ОИК). В заключительном документе, принятом Организацией Исламской конференции (ОИК) от 25-29 апреля 1993 года в Карачи, 12-14 декабря 1994 года в Касабланке и др., Армения об-

виняется в открытой агрессии против азербайджанского народа, захватнической политике, от которой потребовали срочно положить конец этой политике, а Нагорный Карабах признается составной и неотъемлемой частью Азербайджанской Республики [4, с. 31-34].

После признания государственной независимости Азербайджана ООН, постепенно к этому процессу стали присоединяться и другие международные организации, среди которых особое место отводится таким сообществам и структурам европейских государств, как Европейский Союз (ЕС) и Европейский Совет, имеющим особое значение для внешнеполитического курса Азербайджана. Если вначале Европейский Союз довольствовался объявлением о приостановлении военных действий и предоставлении гуманитарной помощи Азербайджану, то после обращения Милли Меджлиса Азербайджанской Республики «О получении статуса особо приглашённых гостей»к Европейскому Совету от 24 января 1992 года этот конфликт находился в центре внимания [1, с. 1]. Но принятые данной структурой решения носили неопределённый характер, можно сказать, защищали интересы Армении. Эта неоднозначная позиция Европейского Совета ясно вычерчивается в содержании 1047-й резолюции от 10 ноября 1994 года. Таким образом, в данной резолюции ПАСЕ по Нагорному Карабаху определяется агрессор, а в ее VI пункте особо отмечается необходимость приостановления блокады со стороны Азербайджана и Турции по отношению к Армении [2, с. 85-87].

После приобретения статуса «особо приглашённого гостя», целенаправленная и плодотворная деятельность Ильхама Алиева в Европейском Совете привела к тому, что поражение Минской группы ОБСЕ в урегулировании Армяно-Азербайджанского, Нагорно-Карабахского конфликта создало предпосылки и возможность для передачи на рассмотрение этого документа в Европейский Совет. В докумен-

ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА АРМЕНИИ В ОТНОШЕНИИ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ–ТЯЖКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

те под номером 9239 «Армяно-Азербайджанский, Нагорно-Карабахский конфликт» от 27 сентября 2001 года, подготовленном председателем азербайджанской делегации в ПАСЕ Ильхамом Алиевым подписанном представителями Парламентской Ассамблеи из 50-и стран мира (Германии, Франции, Турции, Украины, Великобритании, России, Испании, Чехии, Словакии, Румынии, Латвии, Литвы, Лихтенштейна, Бельгии, Венгрии, Македонии, Грузии, Албании и других стран), в частности отмечено: «Наконец пришло время для нахождения путей разрешения Армяно-Азербайджанского, Нагорно-Карабахского конфликта, в целом создания мира между азербайджанским и армянским народами, что должно быть поручено беспристрастному и объективному Европейскому Совету, таким образом на Южном Кавказе, в целом в Европе восторжествует мир и стабильность» [10].

Содержание документа под номером 9239, посвящённого Армяно-Азербайджанскому, Нагорно-Карабахскому конфликту, начиная с 25 января 2001 года, свидетельствует о том, что эти два государства являются правомерными членами Европейского Совета и, принимая их в Европейский Совет, он ставит целью оказание помощи в разрешении этого кровавого конфликта. Наряду с этим, «Ассамблея утверждает, что Армения и Азербайджан в течение более полутора лет после вступления в Европейский Совет, приняли предложение об обсуждении вопросов о Нагорном Карабахе, но эти предложения не были представлены ни Комитетам, ни Ассамблеей. Несмотря на интенсивность идущих переговоров Минской группы ОБСЕ, стороны не смогли придти к единому знаменателю, к конкретным путям разрешения этого конфликта» [10]. Таким образом, документ, прежде всего свидетельствовал о важности существования конфликта для Южного Кавказа, а также о негативном влиянии продолжительности данного конфликта на стабильность в Кавказском регионе и призывал ПАСЕ к оказанию помощи для урегулирования данного конфликта.

В современной лексикологии понятие «геноцид» произошло от греческого слова „genos” и латинского „caederedən” и означает «уничтожить род, племя», оно подразумевает уничтожение отдельных групп населения, истребление их путём террора и вандализма по расовому и религиозному принципу. В международном уголовном праве геноцид считается самым тяжёлым преступлением против человечества [15].

Необъявленная с 1998 года война Армении против Азербайджана сопровождалась многочисленными зверствами, убийствами, резнёй, актами террора, насилия и агрессии, политики геноцида (Ходжалинская трагедия, Гаракендская трагедия, трагедия Дашалты и мн.др.), вандализмом, преступлениями против человечности, военными преступлениями, актами

насилия – все это в международном праве, в уставе ООН и рядом международных организаций расценивается как самые тяжкие преступления против человечества. Эта политика Армении, которая проводится системно и целенаправленно против Азербайджана и охватывает все виды без исключения международных преступлений, нашла правовое отражение в понятии «международных преступлений»: Международное преступление – это нарушение прав отдельных стран и их правовых интересов, грубое и массовое нарушение прав человека, правовое содержание которых определяется нормами международного права, преступление, противоречащее нормам международного права» [3, с. 220].

Совершённая террористическими военными группировками Армении Ходжалинская трагедия – самое тяжкое преступление против человечества в XX веке. В результате этой трагедии 613 человек были зверски убиты (из них 106 – женщины, 63 – дети, 70 – старики), 1000 человек из-за тяжёлых ранений и увечий стали инвалидами различных степеней тяжести, 25 детей потеряли обоих родителей, 1275 человек взяты в плен, судьба 150 из них до сих пор не известна, 8 семей полностью истреблены, а город полностью был превращён в пепелище [7, с. 7]. Следует отметить, что Ходжалинская трагедия была признана парламентами шести стран мира как геноцид. Из стран-членов Европейского Совета Комитет по международным вопросам Чехии 7 февраля 2013 года признал эту трагедию как геноцид против азербайджанцев и выдвинул требование о наказании преступников [8].

В современном международном праве «геноцид» – это полное или частичное истребление и уничтожение этнической, религиозной или национальной группы. Согласно пункту 2 Конвенции (SCQACK) «О предупреждении и наказании преступления геноцида», попытка уничтожения национальных, религиозных, этнических, расовых и религиозных групп полностью или частично заключается в нижеследующем: убийство членов групп, нанесение им серьёзного физического или морального ущерба с целью полного или частичного уничтожения либо истребления группы, целенаправленное снижение уровня их жизни, осуществление мер против увеличения населения и деторождения, насильственное переселение детей из одной группы в другую и т.д. В преамбуле SCQACK геноцид представляется как «противоречащее нормам международного права преступление, считающееся преступлением в цивилизованном мире, также он трактуется как «геноцид» – большая беспощадная потеря человечества во все исторические времена» [14].

Подготовленные под руководством Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева во время его деятельности в ПАСЕ и подписанные представителями Парламентских ассамблей 30 стран до-

Ганира ПАШАЕВА

кумент номер 9066 « О признании геноцида Армении против азербайджанского народа» и документ от 21 мая 2001 года (этот документ подготовлен 26 апреля) разоблачают геноцид Армении против азербайджанцев, его причины, корни и истоки, всему миру представляются эпизоды целенаправленной политики национально-этнической чистки [11].

Документ под номером 9066 поднимает перед представителями ПАСЕ вопрос о признании геноцида против азербайджанского народа, обращает внимание на корни этой проблемы: «Геноцид, берущий начало после подписания в 1813 году Гюлистанского и в 1828 году Туркменчайского договоров, в результате чего был осуществлен территориальный раздел исконных азербайджанских земель, стал неотъемлемой частью истории Азербайджана» [11].

В результате плодотворной, целенаправленной и неустанной деятельности национальной дипломатии и СМИ, несмотря на донесение всей правды об Азербайджане и снятии информационной блокады с нашей республики, в документе 9066 говорилось, что после Гюлистанского и Туркменчайского договоров переселение и утверждение здесь армян в конце 19 века – политика национально-этнической чистки и геноцида против азербайджанского народа: «В 1905-1907-х годах армяне с целью создания государства «Великая Армения» совершили невиданный вандализм и резню против азербайджанцев. В марте 1918 года армяне совершили погромы и убийства в местах проживания азербайджанцев в Баку, Шемахе, Губе, Карабахе, Зангезуре, Нахичевани, Лянкерани и других регионах Азербайджана, прогнали коренных азербайджанцев с исконных земель проживания. С помощью советского режима Армения присоединила к себе в 1920-м году Зангезур и другие азербайджанские земли, а в 1048-53 годах при попустительстве коммунистического режима азербайджанское население было прогнано с их мест проживания в Армении и переселено в Азербайджан» [11].

В документе, подписанном группой представителей ПАСЕ, членам парламента были представлены факты о депортации 100 тысяч азербайджанцев с их исконных земель, начавшейся в 1988 году в результате Нагорно-Карабахского конфликта. 26 февраля 1992 года террористические бандитские армянские группировки с особой жестокостью совершили геноцид по отношению к населению города Ходжалы и, полностью разрушив город, превратили его в пепелище. А сепаратисты из Нагорного Карабаха раздробили республику и захватили 20 процентов территории Азербайджана, в результате чего имели место тысячи человеческих смертей, более 1 млн. беженцев, расселённых по территории Азербайджана, – все эти факты были представлены членам ПАСЕ, и необходимо было дать правовую оценку вышеуказанным преступлениям.

Этот документ заканчивался следующим обращением: «нижеподписавшиеся члены Ассамблеи, обращаясь ко всем членам ПАСЕ, просят о совершении соответствующих шагов в отношении признания имеющего многовековую историю политики геноцида армян против азербайджанского народа» [11]. Именно такая политическая линия группы азербайджанских депутатов в ПАСЕ, работа, пропаганда и агитация среди европейских депутатов вскоре увенчались 1416-й резолюцией.

Особенно остро обстоит дело с жертвами армянского террора, военнопленными и заложниками, что является особым предметом деятельности азербайджанской дипломатии, факты, которые она предъявляет мировой общественности. В результате расследования, проведённого рабочей группой Государственной Комиссии в течение 2007 года (согласно последним статистическим данным) по делам пленных, без вести пропавших и заложников, выяснилось, что общее число без вести пропавших и заложников составляет 4354 человека. Из них 3503 – военных, 841 – гражданские лица (из них 9 человек неопределённо военные или гражданские лица, 47 детей, 16 девочек, 268 женщин, 371 – старики). Существуют точные сведения о 783 пленных или взятых в заложники, 550 убиты в плену или погибли, из них 104 – женщины, 446 – мужчины. По точной статистике известны только имена 137 человек, 74 – неизвестные [6].

Документ 9063 «О военнопленных и заложниках, захваченных в Армении и Нагорном Карабахе», состоящий из 8 пунктов, подготовленный председателем азербайджанской делегации в ПАСЕ Ильхамом Алиевым от 25 апреля 2001 года и подписанный представителями Ассамблеи из 20-и стран мира (Турция, Россия, Великобритания, Венгрия, Украина, Сан Марино, Латвия, Литва, Нидерланды, Люксембург, Швеция и Австрия), свидетельствует о начале агрессии Армении в отношении Азербайджана, захвате 20 процентов территории, вновь был представлен членам Парламентской Ассамблеи, отражал статистику человеческих потерь после 1988 года, содержание пленных и заложников в тяжёлых условиях.

Азербайджанский парламент 26 февраля 2007 года после всесторонних и обширных дискуссий, обратившись к международным организациям, ко всем государствам и парламентам стран мира, призвал их признать Ходжалинскую резню как геноцид Армении против азербайджанского народа, что вскоре начало давать положительные результаты. Первым Ходжалинскую резню как геноцид признал Пакистан. Таким образом был дан старт широкой кампании по признанию Ходжалинского геноцида.

Итогом проведённых мероприятий и организационной работы в этом направлении стало принятие решения о подготовке доклада Парламентской Ассамблеи на заседании Парламентской Ассамблеи Со-

**ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА АРМЕНИИ В ОТНОШЕНИИ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ–ТЯЖКОЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

вета Европы от 29 сентября 2014 года «Об эскалации насилия в Нагорном Карабахе и на других оккупированных территориях Азербайджана». После того, как армянские представители не смогли помешать этому процессу, они заявили об отказе участвовать в подго-

товке доклада и покинули заседание [9]. С оптимизмом можно сказать, что это событие явилось одним из успехов азербайджанской дипломатии, который открывал дальнейшие перспективы в решении данной проблемы.

Литература:

1. Архив МИДа Азербайджанской Республики, Справка.
2. Ахмедова, Э. Агрессия Армении против Азербайджана и международные организации. – Баку: Туна, 1998. – 137 с.
3. Гусейнов, Л. Х. Международное право. – Баку: Юридическая литература, 2000.
4. Ибаев, В. Организация Исламской Конференции. – Баку, 1998. – 96 с.
5. Азербайджанцы, без вести пропавшие во время Карабахской войны // [http // www // wikipedia. com](http://www.wikipedia.com)
6. Геноцид, армянский терроризм. – Баку, 2009. – 184 с.
7. Комитет парламента Чехии признал Ходжалинский геноцид // <http://www.memo.ru/d/151411.html>
8. Ходжалинской резне исполнился 21 год // [http://www.pukmedia.com/EN/RU_Direje.aspx? Jimare= 3594](http://www.pukmedia.com/EN/RU_Direje.aspx?Jimare=3594)
9. Doc. 9239 // 27 September 2001 // Armenian-Azerbaijan (Mountainous-Karabakh) Conflict Motion for a resolution presented by Mr Aliyev I. and others
10. Doc. 9066 2nd edition // 14 May 2001 // Recognition of the genocide perpetrated against the Azeri population by the Armenians Written Declaration No. 324, 2nd edition, originally tabled on 26 April 2001
11. Doc. 9063 // 25 April 2001 // Prisoners of war and hostages held in Armenia and Nagorno-Karabakh Motion for a recommendation presented by Mrs Hajiyeva and others
12. The conflict over the Nagorno-Karabakh region dealt with by the OSCE Minsk Conference Resolution 1416 (2005) [1]. www.coe.int
13. <http://az.wikipedia.org/wiki/Soyq%C4%B1r%C4%B1m>
14. <http://nedir.az/genosid-nedir-genosid-haqinda>
15. <http://www.elkhan-suleymanov.az/az/1365-srsng-su-anbarna-dair-qtnam-tklifi-mruz-n-avropa-urasnn-sosial-msslr-komitsin-ynlndirilib.html>

Summary

Since the first days of independency the Republic of Azerbaijan attached a special importance to buildup of diplomatic and political relations with worldwide countries and international organizations, the foreign policy has been focused and is being focused on the regulation of Armenian - Azerbaijanian, the Nagorno-Karabakh conflict within provision of the territorial integrity of Azerbaijan.

The article discloses details of purposeful activity related the conflict regulation of the Azerbaijani delegation to PACE , criticizes bias «double standards» position of the organization , making no difference between aggressor and subjected to aggression, protecting Armenia that carried out genocide against Azerbaijanis, made the Khojaly genocide being one of the most terrifying crimes against the mankind and expresses optimism that Azerbaijan's just affair will win sooner or later.

Аида ЮСИФЗАДЕ,
доктор философии в политических науках,
доцент кафедры общественных наук
Азербайджанской государственной
нефтяной Академии

ВЕДУЩИЕ КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ВЛАСТЬ И ЛИДЕРСТВО

Ни об одном феномене не спорят так часто, так много, как о власти и политическом лидерстве, их сходстве и различии. К действиям и личностям политических лидеров зачастую сводят сообщения о многих происходящих событиях. Простым гражданам, рядовым избирателям, в большинстве своем, уже изрядно разочаровавшимся в бесконечно сменяемых политических фигурах, тем не менее, не за что больше зацепиться взглядом в современных политических картинах, за исключением лиц ведущих политиков, с которыми они отождествляют существующую власть, партии, движения, да и политику в целом.

Проблема политического лидерства – важная, сложная и всегда актуальная. Интерес к ней наиболее сильно стал проявляться в нашей стране, особенно в последние десятилетия XX века и начавшегося XXI века. Это объясняется, прежде всего, тем, что данные вопросы долгие годы находились за пределами научных исследований, а те из них, которые и появлялись в печати, научных публикациях, раскрывали политическое лидерство в присущем для того времени ракурсе.

Роль политического лидера возрастает в переломные, переходные периоды развития страны, когда политические события, темпы, формы, сроки кардинальных преобразований приобретают отчетливо выраженную личностную окраску. Именно в такие периоды власть перестает быть анонимной, резко повышается личная ответственность политического лидера, политика перед обществом за результат его деятельности.

Лидерство обладает признаком универсальности, так как это явление встречается повсюду. Как полагают с древних времен, лидером может стать кто-то особенный, наделенный своего рода божественным даром вести за собой, руководить. Этот дар современная политическая наука обозначает, как особую способность внушать людям веру, который сродни

религиозному. Если объяснить это явление более обыденным языком, то речь идет о своего рода обожании, которое лидер может вызвать у толпы или массы. Кроме того, лидерство имеет групповую природу: оно возникает там, где формируются группы. Лидерство возникает тогда, когда появляется потребность в субъекте, «способном продуцировать общественную идею, выражать то, что сознает общество, быть носителем коллективного сознания и организатором коллективных действий» [5, с. 333].

Итак лидер – это избранник (не суть важно – избран он Богом, гражданами или унаследовал свою легитимность от родителей-монархов). А раз так, то он выделяется среди обычных людей, он отличен от них. Возникает вопрос: почему? Благодаря каким качествам? Может, лидеры – это некая особая порода людей?

Эти вопросы волновали общество, мыслителей с незапамятных времен. Платон и Аристотель задумывались не только о том, как и почему человек берет в свои руки власть, но и о целях, которые он ставит перед собой, используя эту власть. Для этих философов не было сомнения в том, что лидер должен стремиться к справедливости и честно служить государству. Аристотель особенно подчеркивал, что участие в политике для лидера – это высшая форма проявления человеческого достоинства. Примечательно, что античные мыслители, прежде всего, говорили не о «технологии», а о нормативных аспектах в исполнении лидерских ролей: о том, что должно знать тому, кто стремится получить власть.

Одно из первых и наиболее глубоких объяснений природы политического лидерства дал Н.Макиавелли. Он является родоначальником теории эффективного лидерства, суть которого заключается в следующих правилах:

- 1) поддержка лидера сторонниками власти;
- 2) понимание подчиненными программы своего лидера и понимание его ожиданий от них;

ВЕДУЩИЕ КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ВЛАСТЬ И ЛИДЕРСТВО

3) обладание лидером волей к выживанию;

4) образ правителя всегда должен являть образец мудрости и справедливости для своих сторонников.

Н.Макиавелли отмечал: «Многие полагают, что кое-кто из государей, слывающих мудрыми, обязаны своей славой не себе самим, а добрым советам своих приближенных, но мнение это ошибочно. Ибо правило, не знающее исключений, гласит: государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы, если только такой государь случайно не доверится мудрому советнику, который будет принимать за него все решения. Но хотя подобное положение и возможно, ему скоро пришел бы конец, ибо советник сам бы сделался государем» [6].

Макиавелли акцентировал вопрос прагматического удержания власти лидером, особенно во времена перемен и нестабильности. Он был убежден, что хитрость и жестокость – инструменты, вполне дозволенные, если речь идет об удержании власти, и применение их отодвигает вопросы справедливости и должностования.

Начиная с середины XIX века философы, социологи в большей степени, чем Макиавелли, сконцентрировали свое внимание на том, как лидеры появляются в группах и взаимодействуют с ними. Так, одним из наиболее влиятельных психологических механизмов, на которых основано воздействие лидера на своих последователей, была признана воля. Немецкий философ Ф. Ницше одним из первых объявил волю к власти движущей силой истории. Он видел в воле к власти творческий инстинкт, который проявляется, прежде всего, у лидеров, которые не только ненасытно стремятся к проявлению власти и ее применению, но и преодолевают инстинкт толпы, обладая сверхчеловеческими качествами. Несмотря на то, что феномен лидерства мы можем наблюдать повсюду, политическое лидерство отличается от лидерства других типов. Эти отличия кроются в причинах возникновения лидерства, его характере, функциях, средствах влияния и т.п. В частности политическим лидером может стать человек, не обладающий особыми личностными качествами, но занимающий какой-либо пост, связанный с доступом к властным ресурсам и механизмам их мобилизации.

Власть является центральной категорией политической науки. В зависимости от ее содержания трактуется сущность и механизмы реализации политических процессов и институтов, политических интересов, политическое поведение социальных групп, а также политических лидеров.

В политической литературе существует множество трактовок власти. В «Энциклопедическом сло-

варе по политологии», власть истолковывается как «особое волевое отношение субъекта к объекту этого отношения» [13, с. 88].

Необходимость власти обусловлена сущностью человеческого отношения, предполагающего подчинение всех участников отношения единой воле с целью поддержания целостности и стабильности общества. Отсюда вытекают основные свойства власти: всеобщность (власть функционирует во всех сферах человеческого общества) и инклюзивность (власть, проникая во все виды человеческой деятельности, соединяет и противопоставляет социальные группы и отдельных индивидов).

Итак, власть всегда предполагает двустороннее отношение, взаимодействие субъекта и объекта. Субъект власти воплощает в себе ее активное, направленное начало. Им могут быть личность, орган, организация, социальная общность, государство и его институты и др. Для реализации властных отношений субъект должен обладать рядом качеств, важнейшим из которых является наличие властной воли.

Субъекту власти во властных отношениях принадлежит определяющая роль. Отражением перво-степенной роли субъекта во властных отношениях в обыденном сознании явилось отождествление властных отношений с носителем власти. Так, говоря о решениях власти, произволе власти, о действиях властей, подразумевая под властью управленческие органы или отдельных лиц, политических лидеров, субъект власти определяет содержание властного отношения через властное поведение, приказ, распоряжение. Для реализации этого поведения лицо, обладающее властью, может использовать наказание (санкции) и т.д.

Объект власти в таком контексте представляется как пассивное начало, на которое воздействует субъект. Объект должен повиноваться, исполнять приказы. Власть немыслима без подчинения объекта. Готовность к подчинению зависит от ряда факторов: от собственных качеств объекта властвования, от характера предъявляемых к нему требований, от ситуации и средств воздействия, которыми располагает субъект, а также от восприятия руководителя исполнителями, наличие или отсутствия у него авторитета [10, с. 107].

Таким образом, в самом общем виде власть можно определить как одну из форм социального взаимодействия между двумя сторонами (субъектом и объектом,) при котором одна из сторон (субъект) имеет возможность и способность осуществлять свою волю по отношению к другой стороне (объекту), достигая при этом поставленной цели. Представление об основных компонентах власти можно получить из схемы [9].

Аида ЮСИФЗАДЕ

Что касается политической власти, то ее отличительными чертами являются:

1. Легальность в использовании силы и других средств власти в пределах страны;
2. Верховенство, обязательность ее решений для всего общества и соответственно для всех других видов власти;
3. Публичность, т.е. всеобщность и безличность, что значит обращение ко всем гражданам от имени всего общества с помощью права (закона);
4. Моноцентричность, т.е. наличие единого центра принятия решений (в отличие, например от власти экономической);
5. Многообразие ресурсов.

Политическая власть подразделяется на государственную и общественную. Государственная власть обеспечивается соответствующими политическими институтами (правительство, судебные органы), органы правопорядка (полиция, армия, прокуратура), а также юридической базой. Общественная власть формируется партийными структурами, общественными организациями, общественным мнением.

Политическая власть существует в двух основных формах: официальной, легальной власти с формализованной структурой и неформальной, неофициальной, не легализованной власти – власти влиятельных групп, и лиц, групп давления, политических лидеров (в этой форме власть может приобрести теневой, подпольный, мафиозный характер).

Современная политическая наука выделяет несколько основных потребностей, мотивирующих политическое поведение лидеров:

- потребность во власти;
- тесно связанная с потребностью во власти потребность в контроле за событиями и людьми;

– потребность в достижении;

– потребность в афимации, то есть принадлежности к какой-то группе и получении одобрения [1].

Политическое лидерство, как правило, отличается опосредованным характером. Это «дистанционное» лидерство, при котором отношения между лидером и массами складываются как опосредованные, то есть с помощью средств массовой коммуникации, различных общественно-политических организаций, людей, обслуживающих органы государственного управления и т.д. [8, с. 192].

Не менее важной особенностью является многоролевой характер политического лидерства, основанный на необходимости соответствовать различным ролевым ожиданиям (например, ожидание его ближайшего окружения, политической партии, административно-управленческого аппарата, населения страны в целом или отдельной его группы). Политическое лидерство в большей или меньшей степени отличается корпоративным характером. Это связано не только с его групповой природой, но и прежде всего с тем, что многочисленные роли политического лидера выполняет не он сам, а другие люди, например, его ближайшее окружение, административный аппарат и т.д.

Существенной стороной политического лидерства выступает признак реализации власти. В формулировке западных политологов это звучит так: «...политическое лидерство, вероятно, одно из наиболее значительных и наиболее общих форм власти. Власть – это центральная составляющая лидерства» [11, с. 21]. Однако власть, полученная «раз и навсегда», не является лидерством [1, с. 140].

Лидерство предполагает продолжительное, а не просто случайное использование власти ... как спо-

ВЕДУЩИЕ КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ВЛАСТЬ И ЛИДЕРСТВО

соб ее организации, основанный на умении сплотить граждан в совместной деятельности [12, с. 40]. Таким образом, главной составляющей лидерства является власть. Властные отношения составляют существо связей в процессе политического лидерства. Однако характер властвования в данном случае зависит от специфики явления. Данная специфика по нашему мнению содержится:

- в самой личности и происхождении лидера, а также в процессе, благодаря которому личность стала лидером;
- в характерных чертах групп и индивидов, которыми руководит лидер;
- в характере взаимоотношений между лидерами и теми, кем он руководит;
- в контексте или условиях, в которых осуществляется руководящая роль лидера;
- в результатах взаимодействия между лидерами и теми, кем он руководит.

Можно выделить ряд особенностей политического лидерства связанных с природой властеотношений: «Природа власти» идет не сверху, от политических институтов и властных структур, а снизу, от согласия людей кому-то подчиняться или не подчиняться. Для того чтобы стать настоящим лидером, недостаточно иметь талант организатора. Существует еще более глубокое – доверие людей, их признание [7, с. 23]. Само же это согласие «подчиняться», есть не просто договоренность, а результат осознания некоей тенденции во множестве частных устремлений. Большое значение для эффективной роли политического лидера в системе властеотношения имеет «авторитет» [4, с. 36]. В общем виде авторитет это – социальная оценка субъекта деятельности группой людей, среди которых он действует, и сущность оценки состоит в определении соответствия субъекта требованиям деятельности и условиям ее происхождения. Если речь идет о политическом лидере, то вполне очевидно, политический авторитет – это соответствие лидера тем ожиданиям людей, которые должны проявляться в политической деятельности. Авторитет не приходит в политику вместе с выборами или назначением на должность. Наделение властными полномочиями лишь возможность проявить себя в качестве политического деятеля. Он складывается в процессе самой деятельности, как один из ее результатов.

Объект политики, оценивая деятельность субъекта, исходит из своих ценностно-нравственных ожиданий, сложившихся на основе общественных ценностей и норм. Если эти ожидания оправдываются и подтверждаются поведением лидера, то доверие к нему, уважение перерастает в авторитет. Если же этого нет, то авторитет, либо вообще не складывается, либо он недостаточен. При этом уровень сложившегося авторитета тем выше, чем больше степень

соответствия поведения субъекта ожиданиям объекта. Чем меньше это соответствие, тем в большей мере власть держится на полномочиях подчинения, принуждения, насилия [2, с. 94].

Итак, политический авторитет несет в себе общественное признание субъекта политики осуществлять власть. Он вырастает из доверия, но не приходит вместе с ним. Объект еще должен убедиться в возможности субъекта реализовать свой потенциал на практике, способности соединить слово и дело. Тем самым авторитет проявляет себя как оправданное доверие.

Важной чертой политической власти является способ ее осуществления. Возникая и развиваясь, политическое лидерство проявляет свою сущность с помощью формальных институтов власти. А это требует институализации, организационного оформления и формального утверждения статуса лидера. Но получая мандат лидера, субъект политики возлагает на себя определенную ответственность, берет тем самым определенные обязательства. Современная политическая наука выделяет следующие виды социальной ответственности: политическая, общественная, гражданская, моральная и др. Выделяются и формы социальной ответственности: негативная / ретроспективная/ и позитивная /перспективная/.

Отсюда, интересующая нас политическая ответственность рассматривается как имение властных полномочий в состоянии позитивной /перспективной/ ответственности, а потеря этих полномочий или неимение их относится к негативной /ретроспективной/ ответственности.

Политическая ответственность – это не только мера требовательности к себе и другим, идейная и нравственная убежденность личности, но и понимание политических последствий своих действий, принимаемых политических решений.

Основанием политической ответственности служит тот факт, что человек является важнейшим элементом политических отношений, вступает во взаимодействие с политическими институтами, государством, другими субъектами и объектами политики по поводу устройства и управления обществом. Политическая ответственность возникает с того момента, когда извечная потребность в управлении и властном регулировании социально-политических процессов начинает осуществляться при активном участии государства.

Оценить деятельность политического субъекта и определить меру политической ответственности можно путем сопоставления реальной действительности с конкретно-историческим идеалом.

Политик, не исполняющий своих политических обязательств, и пренебрегающий интересами государства и общества, своим гражданским долгом должен нести политическую ответственность. Наруше-

Аида ЮСИФЗАДЕ

ние им установок людей, которые передали ему свои полномочия, рассматривается как политическая безответственность, приводящая к отторжению лидера и санкциям со стороны последователей.

Санкции могут проявляться в различных формах выражения недоверия и неодобрения поведения политического лидера и проводимой им политики.

Многомерность явления политического лидерства и многообразии конкретных свойств лидера в различных политических культурах вызвало потребность в типологизации лидеров. Типология политического лидерства базируется на таких основаниях, как:

- уровень (международный, общенациональный, региональный, местный);
- социально-групповая и этно-конфессиональная принадлежность (религиозная, национальная);
- отношение к социально-политическим и экономическим изменениям (консерваторское, реформаторское, революционное);
- отношение к существующей политико-государственной системе и господствующим в обществе ценностям (функциональное, конформистское, неконформистское);
- индивидуальные качества и способности лидера (выдающиеся, заурядные, новаторские);
- стиль лидерства (авторитарный, демократический).

Современная политология уделяет также большое внимание проблематике формирования имиджа политического лидера. Имидж (английское слово *image*) – означает «отражение», «образ», «подобие», «символ», – это эмоционально окрашенный образ кого-либо или чего-либо, сложившийся в массовом сознании и способный оказать влияние на поведение граждан. Существуют два пути его формирования: стихийный и основанный на целенаправленной деятельности специалистов в области психологии рекламы и политического маркетинга. Наиболее эффективным инструментом создания имиджа являются средства массовой информации.

Механизм формирования имиджа политического лидера состоит из:

- действий в соответствии с ожиданиями, интересами и потребностями последователей; знаний об их требованиях и установках;
- демонстрация «лидерских» качеств (деятельность, решительность, справедливость, внимательное отношение к людям, способность одерживать победу в любой ситуации);
- сознания устойчивой ассоциации между своим политическим именем и легко узнаваемым политическим символом, идеей, значимой в этот момент для людей;

– внушения своим последователям, что именно качества их лидера адекватны требованиям данного момента;

– корректирования имиджа лидера в связи с изменившейся общественно-политической и экономической ситуацией.

Приведенные теоретические установки подводят нас к следующим выводам:

- политическое лидерство – это поведение людей, находящихся в позиции власти, и их взаимодействие с остальными членами общества;
- политическое лидерство отражает характер взаимоотношений между представителями публично-политической власти и различных социальных групп на определенном отрезке исторического развития общества, выступая персонифицированной формой этих взаимоотношений;
- субъектом политического лидерства выступает индивид или группа (коллективный лидер), представляющие собой власть и влияние, основанными на легитимности занимаемой лидером властной позиции и на административно-правовых полномочиях, обеспечивающих позитивное отношение к лидеру со стороны граждан и поддержку ими его действий.

Сущностные характеристики политического лидерства определяются, с одной стороны, специфической политико-властных процессов в обществе, особенностями его политической культуры, а с другой – социально-психологической природой его становления и функционирования.

К числу переменных слагаемых, определяющих конкретные свойства и эффективность деятельности лидера в рамках данной политической системы, можно отнести:

- личность политического лидера, его происхождение, социализацию, систему убеждений, стиль принятия политических решений, мотивы и потребности, представления о самом себе и т.д.;
- характеристики последователей лидера (национальный характер, ориентации, установки, типологические, социально-психологические и структурные особенности последователей и их поведение);
- взаимоотношение между лидером и последователями (механизм формирования имиджа лидера и адекватное восприятие последователями, информация и обратная связь с населением);

От особенностей функционирования механизма формирования имиджа и от искусства им владения в немалой степени зависит, какой тип лидера и какая политическая партия имеет больше шансов на успех в предвыборной или иной политической борьбе за властные позиции и за власть в целом.

ВЕДУЩИЕ КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ВЛАСТЬ И ЛИДЕРСТВО

Литература:

1. Авцинова, Г. А. Политическое лидерство // Государство и право. 1993, № 5.
2. Андреев, С. С. Политический авторитет и политическое лидерство // Социально-политический журнал. – Москва, 1992, № 11-12.
3. Ашин, Г. К. Лидерство: социально-политические и психологические аспекты // Политика: проблемы теории и практики. – Москва, 1990, вып. VII, ч. 2.
4. Демидов, А. И., Коновалов, И. Н. Политическая власть – центральное понятие политологии. В кн.: Основы политологии. – Саратов, 1993.
5. Зеркин, Д. П. Политология. – Ростов на Дону: Феникс, 1996.
6. Макиавелли, Н. Государь. – Москва, 1990.
7. Маринова, В. Л., Огарев, А. В., Понделков, А. В. Политическое лидерство /социологический анализ/. – Ростов на Дону, 1993.
8. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. Сборник учебных материалов (Под ред. Мелешкиной И.) – Москва: Весь мир, 2001.
9. Политология (Под. ред. проф. М. А. Василика). – Москва, 2001.
10. Пугачев, В. П. Соловьев, А. И. Введение в политологию. – Москва, 1996.
11. Такер, Р. Сталин: путь к власти. 1879-1929. История и личность. – Москва, 1990.
12. Теория политики (общие вопросы). Под ред. И. Н. Коновалова. – Саратов, 1994.
13. Энциклопедический словарь по политологии. – Москва, 1992.

Summary

Article is devoted to the main categories of politological science – to the power and political leadership.

For today the governmental power and its structure operate in the democratic states. The governmental power is body of realization of the power in the country which is carried out through system of authorities. For today there is a set of disputes on a governmental power theme. The set of scientists, lawyers-theorists and experts conduct infinite discussions on a government theme, but any new ways of the decision of problems is not found.

In spite of the fact that these questions troubled thinkers from immemorial time, also nowadays they continue to keep quite actual, because without them neither integrity, nor stability of human society is impossible.

Ляман КАРАЕВА,
доктор философии в политических науках,
доцент Бакинского Славянского университета

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АЗЕРБАЙДЖАНО-РОССИЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современная внешняя политика Азербайджанской Республики преследует цель установить и развивать со всеми государствами мира равноправные и взаимовыгодные связи, максимально и эффективно использовать эти связи для укрепления международных позиций Азербайджана для обеспечения внутриполитической стабильности.

Подчеркивая роль внешнеполитической деятельности страны в своей инаугурационной речи 10 октября 1993 года президент Азербайджана Гейдар Алиев заявил: «Одной из основных задач на пути укрепления независимости республики является грамотная, компетентная внешняя политика, позволяющая отстаивать интересы Азербайджана на международной арене» [1, с. 27]. Однако основу любой внешней политики, составляет экономика страны, экономические и торговые взаимоотношения.

В условиях всемерно расширяющихся интеграционных процессов формирование национальной экономики Азербайджанской Республики и ее будущее развитие в значительной степени обусловлены влиянием внешнеэкономических факторов, развитием сотрудничества со странами мира, достижением в самой рациональной форме интеграции её в мировую экономику. Углубление и расширение экономического сотрудничества на качественно новой основе с республиками, составляющими постсоветское пространство, образует одно из приоритетных направлений внешнеэкономической стратегии Азербайджана. Экономические связи с Российской Федерацией имеют при этом особое значение и являются перспективными, с точки зрения геополитических, социально-экономических интересов Азербайджана и России. Общенациональный лидер Азербайджана Гейдар Алиев заложил основу стратегических отношений между Россией и Азербайджаном.

Ныне Азербайджан и Россия – сохранили и приумножили исторически сложившиеся связи, построив новую формулу взаимовыгодного стратегического

сотрудничества и гуманитарного обмена на фундаменте коренных интересов [2].

После развала СССР российско-азербайджанское экономическое сотрудничество в первой половине 1990-х годов находилось на низком уровне. В настоящее время Россия примирилась с независимостью Азербайджана, с его статусом влиятельного государства в Кавказском регионе, располагающего широкими перспективными возможностями, и демонстрирует намерение установить с ним прагматические отношения [3, с. 679]. Российская Федерация была и остается одним из главных торговых партнеров Азербайджана. За годы независимости в сфере экономического сотрудничества Азербайджанской Республики и Российской Федерации было подписано свыше 60 соглашений, из которых 44 – межправительственные.

В настоящее время торгово-экономические отношения между Азербайджаном и Россией регулируются Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о свободной торговле от 30 сентября 1992 года и Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики об основных принципах и направлениях экономического сотрудничества от 21 января 2002 года [4].

На долю России приходится более 50 процентов товарооборота со странами СНГ. Несмотря на прекращение с 1 января 2007 г. поставок российского газа в Азербайджан, товарооборот сохранил положительную динамику, а его структура претерпела изменения в сторону увеличения доли несырьевых товаров. В 2008 г. внешнеторговый оборот между нашими странами увеличился по сравнению с 2007 г. на 39,3 % и составил 2,403 млрд. долларов, экспорт вырос на 42,6, импорт увеличился на 25,4 % [5]. А в 2011 году товарооборот между двумя странами побил рекордную отметку, составив 2 миллиарда 828 миллионов долла-

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АЗЕРБАЙДЖАНО-РОССИЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ров США. В настоящее время на территории республики функционируют 457 российских предприятий и организаций. Из них 219 – со стопроцентным российским капиталом, 149 – совместные предприятия, 89 – представительства и филиалы [6]. Деятельность созданных с Россией совместных предприятий охватывает сферу торговли, производство продуктов питания, бытовой химии, научно-технические работы, строительные-монтажные работы, деревообработку, образование, здравоохранение и др.

Россия является для Азербайджана, прежде всего, важным поставщиком продукции машиностроения, металлургии и химической промышленности, а также зерна и муки, изделий деревообрабатывающей промышленности, медикаментов и пр. В свою очередь, из Азербайджана в Россию традиционно экспортируются различные виды нефтепродуктов, химическая продукция, нефтепромысловое оборудование, кондиционеры, виноматериалы, табак, овощи, фрукты и др. Продукты питания, произведенные в России, уже долгие годы пользуются популярностью в республике. Россия является также важным рынком сбыта для химической продукции, табачных и винных изделий Азербайджана. Значительная часть этих товаров экспортируется преимущественно в Россию.

28 июня 2007 года в Баку открылась первая международная конференция на тему «Торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой: состояние и перспективы». Участники конференции поддержали предложения российских и азербайджанских предпринимателей о создании в Москве и Баку постоянно действующих торгово-экономических бизнес-площадок, призванных стать центрами оптовой торговли, местом, где будут проводиться переговоры и заключаться контракты, оказываться информационная и правовая поддержка участникам внешнеторговых операций. В принятой по итогам конференции резолюции была подчеркнута важность использования потенциала диаспорских организаций при межрегиональном взаимодействии, их усилий по укреплению связей между страной проживания и исторической родиной [7].

Одним из ведущих направлений экономических отношений между нашими странами является также энергетическое сотрудничество, прежде всего, сотрудничество в нефтегазовой сфере. Последнее предопределяется тем, что Россия и Азербайджан – крупные нефтегазовые державы, поставщики этого сырья и продуктов его переработки на мировой рынок.

Около 1/3 экспорта азербайджанской нефти осуществляется транзитом через территорию России в Новороссийск, примерно 50% по нефтепроводу Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД) и 17-20% – по железной дороге в Батуми. Нефтепродукты экспортируются по

упомянутой железной дороге и автотранспортом, в том числе, и в Россию [8, с. 107].

Россия активно участвует в международных нефтяных проектах Азербайджана и в этой сфере представлена фирмой мирового масштаба – «ЛУКОЙЛ». «ЛУКОЙЛ» владеет в «Контракте века» 10%, контракте «Шахдениз» 10%, перспективной структуре «Ялама» совместно с компанией США «Арко» – 60% участия.

В ноябре 2006 года в Баку между ГНКАР и российской компанией «Роснефть» был на 26-летний период заключен контракт по разведке и разработке нефтяных месторождений Зых и Говсан, находящихся на Апшеронском полуострове (долевой раздел 25%-75%) [7].

В последние годы сотрудничество в газовой области стало развиваться в положительном направлении. По итогам переговоров на уровне президентов наших стран и руководителей национальных компаний «Газпрома» и ГНКАР в 2009 г. было подписано соглашение об экспорте природного газа из Азербайджана в Россию с 1 января 2010 года по трубопроводу Баку – Ново-Фила, проходящему от Баку до российской границы по побережью Каспийского моря. В 2010 г. «Газпром» и Государственная нефтяная компания Азербайджана подписали дополнение к этому соглашению, согласно которому с 2011 года Россия удвоит объем импорта до 2 млрд. кубометров в год, а с 2012 года он должен превысить 2 млрд. кубометров газа. Вопросы, связанные с развитием нефтегазовой промышленности, экспортом нефтегазового сырья и продуктов его переработки являются весьма значимыми с точки зрения как наполнения бюджета, так и реализации социально-экономических задач как для России, так и для Азербайджана.

В свою очередь, азербайджанская сторона вкладывает средства в Российскую экономику. Развиваются взаимоотношения и в банковской сфере. В январе 2002 года при поддержке правительства Азербайджана в Москве открылся первый банк со 100-м азербайджанским капиталом. Материнским банком и единоличным учредителем «МБА-МОСКВА» является Международный Банк Азербайджана (МБА). Основными задачами «МБА-МОСКВА» в России являются расширение географии деятельности и бизнеса группы МБА, развитие торгово-экономических взаимоотношений Азербайджана и России, обслуживание большого числа выходцев из Азербайджана, проживающих в России, а также реализация межправительственных соглашений Азербайджана и России.

Акционерный капитал ОАО «Банк ВТБ-Азербайджан» разделен между российской стороной – ОАО «Банк ВТБ» (51% акций), азербайджанской – ОАО «AtaHolding» (48,99%) и частным лицом (0,01%). Уставный капитал Банка на 15 марта 2010

Ляман КАРАЕВА

года составлял 23,815 млн. манат (29,639 млн. долларов). Банк «НИКОЙЛ» – один из лидеров банковского сектора Азербайджана, в уставном фонде которого участвует российский капитал [8].

Крупнейшие банки России и Азербайджана – Сбербанк и Международный банк Азербайджана (МБА) – подписали в 2010 году в Москве Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве. Этот документ, открывает банкам новые возможности в совместной деятельности в сфере увеличения товарооборота между Азербайджаном и Россией.

Особое значение в укреплении двусторонних экономических взаимоотношений имеет также проведение совместных экономических форумов. Так, 6-7 апреля 2004 года и 22-25 февраля 2006 года в Баку были проведены I и II азербайджано-российские экономические форумы. В последующем они были продолжены.

Выступая на пятом азербайджано-российском форуме «Межрегиональное сотрудничество: новые возможности роста» министр экономики и промышленности Азербайджана Шахин Мустафаев заявил, что: «В 2013 году положительная динамика торгового оборота продолжалась: он вырос по сравнению с предыдущим годом на 10,5% и составил 2,6 млрд долларов. Россия занимает третье место среди торговых партнеров Азербайджана и первое место по импорту»[9]. Министр сообщил, что в Азербайджане действует 570 предприятий с российским капиталом. Российские инвестиции в азербайджанскую экономику за последние 10 лет составили 1,8 млрд долларов, а прямые инвестиции Азербайджана в экономику России – 1 млрд долларов. Он подчеркнул, что подписание соглашения о взаимной защите и поощрении инвестиций между двумя странами создаст хорошие возможности для увеличения объема взаимных капиталовложений. «Азербайджан заинтересован в активизации взаимной инвестиционной деятельности», – заявил Мустафаев. Он особо подчеркнул, что Россия является единственной страной, с регионами которой Азербайджан сотрудничает особенно активно. Также, по его словам, в этой сфере есть огромный потенциал, использованию которого будет способствовать и нынешний межрегиональный форум [9].

В рамках СНГ и Россия, и Азербайджан присоединились к Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года, принятого 14 ноября 2008 года. Стратегия является комплексным документом, представляющим собой систему согласованных государствами

– участниками СНГ взглядов на общие цели, приоритеты и перспективы социально-экономического развития для углубления межгосударственных экономических отношений и превращения Содружества Независимых Государств в полноправного значимого участника системы международных экономических отношений. Целями Стратегии являются: придание дополнительных импульсов экономическому взаимодействию государств на основе синергетического эффекта и эффекта масштаба, конкурентоспособности национальных экономик государств – участников СНГ и укрепления их позиций в мировой хозяйственной системе. Вместе с тем, Азербайджанская Республика (АР) высказала «особое мнение», в соответствии с которым, страна не принимает положения Стратегии, направленные на координацию внешнеэкономической деятельности и взаимосогласованные действия в этом направлении, совместное использование финансовых ресурсов государств – участников СНГ, проведение согласованной экономической политики, координацию национальных программ, проведение согласованной политики в сфере информационного обеспечения и гармонизацию национальных законодательств государств – участников СНГ. Таким образом, АР перевела значительную часть договоренностей в формат двусторонних переговоров. В этой связи возрастает актуальность изучения экономического сотрудничества России и Азербайджана на современном этапе.

Торговля между Азербайджаном и Россией расширяется благодаря росту емкости рынка и быстрому развитию экономики стран. Совершенствование многоотраслевых экономических связей и повышения их эффективности предопределяет перспективы экономического сотрудничества между двумя странами. В будущем можно предсказать дальнейшее развитие азербайджано-российских торговых отношений, увеличение объемов товарообмена между двумя странами, повышение степени взаимозависимости и комплементарности в торговых отношениях на основе углубления международного разделения труда. В целом, есть основания утверждать, что продолжение внешнеполитического курса Гейдара Алиева, нацеленная на развитие торгово-экономических взаимоотношений с региональными государствами, в том числе и с Россией, является одной из фундаментальных задач внешней политики Азербайджанской Республики. А, эта внешнеполитическая линия создает для Азербайджана возможности и условия для динамичного развития и процветания в новом столетии.

Литература:

1. Навстречу к грядущему дню. «Наследие Гейдара Алиева» Международная Электронная Библиотека. – Баку, 2004.

2. Алиева, Л. Азербайджан и Россия: эффективная формула успеха. Общественная дипломатия дает импульс двусторонним отношениям 25.09 2012.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АЗЕРБАЙДЖАНО-РОССИЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

3. Нәсәнов Ә. Muasir beynəlxalq münasibətlər və Azərbaycanın xarici siyasəti. – Bakı, 2005, s. 246.
4. Гасымлы, В. Азербайджано-Российское экономическое сотрудничество Научное Общество Кавказоведов 29.11.2011 www.kavkazoved.info
5. Азербайджано-Российские отношения. Генеральное консульство Азербайджанской Республики в городе Екатеринбург. Статья взята в марте 2013 г. www.azconsulate.ural.ru
6. Мехтиев, Р. Азербайджано-Российский Межрегиональный Форум вносит вклад в развитие отношений TREND 28 июня 2012 г.
7. История российско-азербайджанских отношений (ЭКОНОМИКА) 30 Июля 2013 в 2:04 «Вестник Кавказа» www.vestikavkaza.ru
8. Блинков, В. М. Сотрудничество России и Азербайджана в энергетической сфере: состояние и перспективы. Российско-Азербайджанские основы за 20 лет. История и перспективы. – Баку, 2011, с. 124.
9. Федоренко, В. Межрегиональное сотрудничество является важным элементом российско-азербайджанских экономических связей www.eurasiancenter.ru 23 июня 2014.

Summary

Economic relations with Russia have particular importance for Azerbaijan and are promising in terms of geopolitical, social and economic interests. Russia has been one of the main trade partners of Azerbaijan for many years. In 2011, trade between the two countries broke a record high, reaching 2 billion 828 million U.S. dollars, in other words, the volume increased by 47.4 percent compared with 2010. Currently, there are 457 Russian enterprises and organizations working in Azerbaijan, out of which 219 are with a full Russian capital, 149 are joint ventures, 89 – branches & representative offices.

Улькяр АЛИЕВА,
докторант Института философии и права
Национальной Академии наук Азербайджана

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДОБЫЧИ БАКИНСКОЙ НЕФТИ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

В первые годы образования СССР и в России, и в других странах, входящих в этот союз, экономическая и социальная обстановка была очень напряженной. Для устранения этой напряженной обстановки, с одной стороны, и для перестройки и развития, с другой стороны, возникла потребность в больших суммах финансовых средств. Одним из самых хороших источников высокой прибыли в это время считалась нефть. Само собой разумеется, что основным источником нефти для СССР был Баку. Именно поэтому на начальном этапе перестройки бакинская нефть была взята за основу, и бурное развитие ее добычи означало также развитие многих других областей народного хозяйства.

Однако в период образования СССР, национализация нефтяных центров и поставка этой нефти на мировой рынок на начальном этапе были восприняты отрицательно. Западные страны не решались покупать нефть, экспортируемую им за очень низкую цену, так как они считали, что неправильно покупать эту «краденую» нефть. Так, Западные страны прекрасно знали, что СССР очень нуждается в валюте и, купив у него нефть, они окажут положительное влияние на процесс развития и укрепления СССР [1, с. 264]. Говоря здесь о «краденной» нефти, Западные страны вовсе не считали, что она украдена у Азербайджана, многие из них приобрели в Баку земельные участки с залежами нефти, особенно после крушения Азербайджанской Демократической Республики. Именно поэтому нефть, добываемую в Баку, они считали «своей».

В период проведения Генуэзской и Гаагской конференций, крупные нефтяные компании США и Европы «Единым фронтом» объединились против СССР. А с 1924 года началось официальное признание СССР странами мира. Вслед за Англией Италия, Франция и другие государства начали строить дипломатические отношения с Советской Россией. Детердинг, нарушив свои обязательства перед «Единым

фронтом», приступил к началу переговоров о покупке у них крупных поставок с советскими производителями нефти [2, с. 181-182].

Начиная с 1924 года, компании Рокфеллера в массовом порядке начала покупать советскую нефть. Американские представители даже пытались купить наперед всю нефть, которая должна была быть добыта в СССР за предстоящие несколько лет. Но им было отказано. Были расширены лишь ежегодные и регулярные соглашения. Америка еще больше активизировалась в 1927 году, когда ухудшились отношения между СССР и Англией. Именно в этот период один из авторитетных представителей фирм Рокфеллера – Айви Ли заявил, что является сторонником признания СССР Соединенными Штатами Америки, и даже совершил поездку в СССР. Он считал, что необходимо установить и развивать связи между двумя странами [2, с. 182-183].

В 1923-1924 годах Советский нефтяной синдикат имел договора о продаже нефтяных продуктов 28 торговым компаниям 20 стран. В те годы было продано нефтяных продуктов: 4327 пудов – Стандарт Ойлу, 15785 пудов – компаниям Royal Dutch-Shell и Anglo Persian Oil, а также 24043 пудов – прочим независимым торговым компаниям [цитата взята: 3, с. 111].

В 1923-1924 годах 3,8 % нефтяных продуктов, импортируемых Англией, 4,3 % – Францией, 10 % – Германией, 6,5 % – Италией, 41,1 % – Египтом, 10,3% – Бельгией, 14% – Болгарией, 24,3 % нефтяных продуктов, импортируемых Турцией, и т.д. составляла советская нефть [цитата взята там же].

Судя по цифрам, в то время, когда советская нефть легко укреплялась в странах Востока и намного превысила уровень экспорта 1913 года, она с трудом преодолевала путь в страны Европы. Так, из нефтяных продуктов, импортируемых царской Россией в 1913 году, 15,8 % приходилось на долю Турции, 12,9 % – Египта, 8,9 % – Бельгии, 17 % – Италии, 18,7 % – Германии, 11,9% – Франции, а 18,8 % – на долю Ан-

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДОБЫЧИ БАКИНСКОЙ НЕФТИ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

глии. Это объяснялось, прежде всего, тем, что в годы первой мировой войны европейские рынки были полностью в руках крупнейших мировых трестов, решительно укрепивших свои позиции на этих рынках. Наиболее отчетливо это можно проследить на примере Англии. В 1923 году тресту Стандарт Ойл принадлежало 40 % бензина и 57% белой нефти (керосина), которые были ввозены. Бензин, ввозимый компанией Royal Dutch-Shell, составлял 47 % от общего импорта Англии, белая нефть 29 % общего импорта, газولين 43 % общего импорта, другие жидкие виды топлива 81 % общего импорта Англии. Остальная же часть нефтяных продуктов приходилась на долю Anglo Persian Oil Company. Так, эта компания занимала третье место на рынке Англии [цитата взята: 3, с. 112].

В 1927 же году, после неудачного завершения переговоров Детердинга с русскими, он писал руководителю компании Standard Oil of New Jersey – Уолтеру Тиглю: «Я так рад, что из этих советских дел ничего не вышло. Я чувствую, что каждый когда-нибудь пожалеет, что мы вообще имели дело с этими разбойниками, единственная цель которых - разрушить всю цивилизацию и снова установить господство грубой силы» [1, с. 265].

Такие эмоции явно противоречили деловым расчетам Детердинга. Было похоже, что после женитьбы на русской эмигрантке Лидии Павловой он стал более убежденным и откровенным антикоммунистом. Детердинг даже телеграфировал Джону Д. Рокфеллеру-младшему, убеждая его не позволить компаниям-наследницам «Стандарт» покупать российскую нефть. Голландец сообщал, что он «молил» Рокфеллера «ради человечества». По его мнению, «всем порядочным людям» следовало воздерживаться от того, чтобы «помогать Советам получать большие деньги». Он говорил Рокфеллеру, что это «антихристов» режим. Детердинг заявлял о своей уверенности в том, что Рокфеллер не захочет, чтобы его компании получали «запачканные кровью прибыли... Кровавая советская система скоро прекратит существование, если Ваши компании не будут ее поддерживать». [См.: снова там же].

А в это время, благодаря самоотверженному труду Бакинских рабочих, уже в марте 1923 года число эксплуатируемых нефтяных скважин было доведено до 1510. Против 2,1 миллиона тонн нефти, добытой в 1920-1921 годах, в 1923-1924 хозяйственных годах было добыто 4,1 тонны нефти. Но это было лишь 56,1% нефти, добытой в 1913 году. В течение первого этапа восстановления Азербайджанской нефтяной промышленности в 1921-1923 годах прежний уровень производства не был восстановлен, однако были сделаны шаги в направлении увеличения добычи нефти. Так, для получения прибыли в валюте, хоть и не очень значительной, была создана благоприятная обстановка для экспортирования нефти. Если в 1921-

1922 годах за границу было экспортировано 6.200 тысяч пудов нефтяных продуктов, то в первой половине 1924 года было экспортировано 13.364 тысячи пудов нефтяных продуктов. Уже в 1923-1924 годах нефть, экспортируемая через Батуми, составляла 81% уровня нефти, экспортировавшейся в 1913 году [цитата: 4, с. 117].

В результате национализации хозяйство «Азербайджанской нефти» бурно развивалось, увеличивалось производство и использование природного газа. Для устранения испарения и утечки нефти началась закрытая эксплуатация нефтяных скважин. До революции природный газ добывался только из газовых скважин, в Советский же период основное место занимал газ, извергающийся из фонтанных скважин. Благодаря этому, по сравнению с 1920-1921 годами, производство газа в 1925-1926 хозяйственных годах увеличилось более, чем в семь раз. Благодаря технической перестройке, производство нефти, значительно увеличившись в 1927-1928 годах, достигло 7 миллионов 573,8 тысячи тонн, что позволило довести уровень производства до 102,6 % уровня производства 1913 года [цитата взята: 4, с. 134-135].

Восстановление нефтяной промышленности Азербайджана имело очень большое значение для народного хозяйства Закавказья и СССР в целом. В 1925 году продукция нефтяной промышленности составляла половину всей общей продукции промышленности Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики. Баку, являющийся главной топливной базой страны, давал 67 процентов нефти, добываемой во всем Союзе [цитата взята: 3, с. 135].

Возрождение бакинских нефтяных скважин не только обеспечило всю страну жидким топливом, но в то же время позволило увеличить непрерывный экспорт нефти, приносящей всей стране прибыль колоссальных размеров. В 1924-1925 годах экспорт Бакинской нефти превысил уровень экспорта 1913 года. По своему удельному весу в общем экспорте СССР экспорт нефтяных продуктов занимал второе место. Только в 1924-1925 годах 38,5 миллиона манат из 65,4 миллиона манат чистой прибыли, полученной от экспорта нефти, приходилось на долю Азербайджанской нефти [цитата взята там же].

Приобретение за границей оборудования, необходимого для восстановления нефтяной промышленности, создало почву для перестройки и развития машиностроения внутри страны. Если в 1924 году 54 % оборудования всей нефтяной промышленности Баку привозилось из-за границы, то в 1927 году этот показатель снизился до 27 %, остальные 73 % доставлялись в Баку с заводов СССР, производящих нефтяное оборудование. 33 % из них приходилось на долю нефтяных машиностроительных предприятий Баку. В результате самоотверженного труда бакинских ма-

Улькяр АЛИЕВА

шиностроителей уже в 1929 году был положен конец ввозу из-за границы глубинных насосов [цитата взята: 4, с. 148].

В пятилетнем плане, составленном в соответствии с директивами XV съезда партии и V съезда партийных организаций Закавказья, были предусмотрены высокие темпы развития Азербайджанской нефтяной промышленности. Объем капиталовложений в нефтяную промышленность был предусмотрен в размере 750 миллионов манат по сравнению с 432,5 миллионами манат в течение предыдущих пяти лет, то есть в 1,7 раза больше. Другими словами, из 1400 миллионов манат, вложенных во всю нефтяную промышленность Советского Союза, более половины приходилось на долю Азербайджанской нефтяной промышленности [цитата взята: 4, с. 275].

Но из национального богатства, добываемого благодаря тяжелому и самоотверженному труду, выделялась мизерная доля «черного золота» на нужды республики. Так, нефтяной фонд, находящийся в 1923 году в распоряжении Совета народных комиссаров (СНК) Азербайджанской ССР, и входящий в бюджет республики, составлял всего лишь десять процентов от производимой нефти. И то, что из огромной прибыли, получаемой от продажи нефтяных продуктов Азербайджана, в бюджет республики выделялась лишь малая доля, было большой несправедливостью по отношению к ее народу [4, с. 136].

В письмах и телеграммах, неоднократно отправляемых в Москву Нариманом Наримановым, он требовал изменения такого положения, всеми средствами он пытался добиться увеличения суммы, выделяемой нашей республике. Критикуя повелевающие, диктаторские действия А. П. Серебровского, Н. Нариманов указывал, что он «превратил «Азернефть» в монархию». Несмотря на то, что руководящая линия председателя «Азернефти» А. П. Серебровского и его сторонников порождала пристрастное отношение к людям и разобщала их, постоянно становясь причиной недовольства азербайджанских нефтяников, она оставалась неизменной, так как вполне устраивала Центр страны [цитата взята там же].

Для обеспечения нефтяной промышленности современным оборудованием и конструкциями был построен ряд новых заводов, а старые заводы были основательно реконструированы. Так же была укреплена энергетическая база нефтяных месторождений, в результате чего к 1926 году электрическая энергия, можно сказать, полностью заменила энергию пара [5, с. 18].

Азербайджанская нефтяная промышленность была областью народного хозяйства, которая в 1928-1929 хозяйственных годах первой в нашей стране, в основном, претворила в жизнь перестройку. В то время не было такого участка азербайджанской нефтяной промышленности, который не достиг бы уровня

довоенного периода. В 1929-1930 годах количество нефти, добываемой нефтяной промышленностью Азербайджана, превышало количество нефти, добываемой в 1913 году, на 40 %. В те годы 60 % нефти, добываемой во всем СССР, приходилось на долю Азербайджанской нефтяной промышленности [См.: там же].

Для развития Азербайджанской нефтяной промышленности был применен ряд новшеств, одними из которых стали крекинговые установки. Преимущество этого метода заключалось в том, что посредством данной установки в результате распада нефтяных продуктов становилось возможным получение большого количества бензина и других легких нефтяных продуктов [5, с. 18].

Если в 1930 году в азербайджанской нефтяной промышленности методом крекинга было получено 20,4 миллиона тонн бензина, то в 1934 году этот объем достиг уже 116 миллионов тонн. Вообще, в 1934 году 53 процента всего бензина было получено только этим методом [См.: там же].

В результате такого бурного развития азербайджанской нефтяной промышленности, по объему добываемой нефти Советский Союз в 1931 году вышел на первое место в Европе и на второе место в мировом масштабе [5, с. 18-19].

Какой бы ни была область промышленности, для ее развития недостаточно наличие одной лишь техники. Одним из главных условий развития является также наличие кадров, приводящих в движение эту технику. И поэтому предстояло решить проблему обеспечения азербайджанской нефтяной промышленности достаточным количеством рабочей силы и кадровых специалистов. Подготовка кадровых специалистов в Азербайджанской нефтяной промышленности была начата с первых дней установления Советской власти [5, с. 19].

Путем постепенного увеличения реальной заработной платы и материальной заинтересованности рабочих было достигнуто привлечение в нефтяную промышленность все новых и новых рабочих и служащих. Ряд мер, предпринятых в этой области, в скором времени дал свои положительные результаты. Старые нефтяники, имеющие опыт, но по причине экономических затруднений покинувшие нефтяную промышленность и рассыпавшиеся по другим областям народного хозяйства, вновь стали возвращаться на нефтяные месторождения [См.: там же].

По сравнению с 1920 годом, в 1923 году число рабочих, занятых в нефтяной промышленности, увеличилось: в сфере добычи – на 194 %, в сфере бурения – на 473%, в сфере нефтяных заводов – на 115,1%. Однако, несмотря на такой стремительный рост, азербайджанская нефтяная промышленность в тот период еще не достигла по количеству рабочей силы уровня 1913 года [5, с. 19].

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДОБЫЧИ БАКИНСКОЙ НЕФТИ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

Самую многочисленную часть рабочего класса Азербайджана составляли нефтяники. Если в 1920 году число рабочих, занятых в нефтяной промышленности Азербайджана, уменьшилось до 14,2 тысяч человек, то уже в 1925 году этот же показатель, увеличившись, достиг 39,5 тысячи человек. Из них всего две тысячи составляли женщины, да и те были, в основном, служащими [цитата взята: 3, с. 1280129].

Если в 1920 году удельный вес кадровых специалистов в нефтяной промышленности составлял 13 процентов, то в 1925 году этот показатель достиг 27,2 процента [цитата взята: 4, с. 129].

Однако каждому периоду времени, каждому участку производства присущи свои определенные особенности. Потребность азербайджанской нефтяной промышленности в рабочих и кадровых специалистах, существовавшая до 1928 года, никоим образом нельзя сравнивать с потребностью в них в период после 1928 года, то есть до того времени, когда перестройка азербайджанской нефтяной промышленности, в основном, была завершена. В период восстановления нефтяной промышленности еще можно было бы обходиться имеющимися в наличии кадровыми специалистами. В тот период основное внимание уделялось обеспечению нефтяной промышленности рабочими вообще [5, с. 19].

Однако в Азербайджане удельный вес национальных кадров был все еще низок, так как ради скорейшего увеличения добычи нефти рабочая сила привозилась извне, и, как и в прежние времена, в результате «правящей шовинистической политики», не уделялось существенное внимание подготовке национальных рабочих кадров. В частности, на крупных механических заводах, в производственном аппарате подготовка специализированных азербайджанских кадров была в худшем состоянии. Одной из главных причин такого положения дел стало направление Центром партии хозяйственных руководителей, которые в кадровом вопросе проводили в жизнь националистическую линию правящей партии, а также, в частности, административно-повелевающую политику начальника «Азернефти» А. П. Серебровского. Вместо того чтобы привлекать из уездов Азербайджана новых рабочих и обучать их различным специальностям, они отдавали предпочтение дешевой рабочей силе и даже Врангелевским солдатам, вернувшимся из военных ссылкок [цитата взята: 4, с. 130].

Для того чтобы обеспечить активное участие азербайджанских рабочих в новой жизни, в управлении хозяйством республики, Н. Нариманов и его единомышленники всячески старались повысить уровень их образования. Каждому высокоспециализированному рабочему Н. Нариманов поручил обучить и подготовить десять рабочих из мусульман. Перед организациями профессиональных союзов «Азернефти» была поставлена задача, чтобы в 1924 году было при-

влечено к обучению в фабрично-заводских училищах не менее одной тысячи азербайджанских учащихся, а за предстоящие три года необходимо было подготовить полторы тысячи специализированных рабочих из числа азербайджанцев [цитата взята там же].

Азербайджанская нефтяная промышленность в течение первой пятилетки дала народному хозяйству страны 54,5 миллиона тонн нефти и 1,4 миллиона тонн газа. Увеличение добычи нефти послужило мощным толчком к бурному развитию нефтеперерабатывающей промышленности республики. Были пущены в эксплуатацию 23 нефтеперерабатывающие установки, построенные на основе последних достижений техники. 95% нефти, добываемой в 1932 году, обрабатывалось на нефтеперерабатывающих заводах Азербайджана, в то время, как в 1928-1929 годах этот показатель был равен 75,9%. В течение первой пятилетки было построено и сдано в эксплуатацию 25 крупных государственных промышленных предприятий. Если в 1927-1928 годах стоимость годовой продукции «Азернефти» составляла 359,4 тысячи манат, то в 1932 году этот показатель достиг 683,8 тысяч манат, то есть, увеличившись, стал равен 190 % [цитата взята: 4, с. 304-305].

В то время, когда в США, являющейся тогда технической самой передовой капиталистической страной мира, добыча нефти в 1930 году уменьшилась на 8,3 процента по сравнению с 1929 годом, добыча нефти в СССР в тот же период увеличилась на 30 процентов [5, с. 34].

От бакинской же нефти, которая была «виновником» и «зачинщиком» такого «развития» и всех этих достижений, можно сказать, не было никакой пользы и выгоды для Азербайджана. Не только в отдаленных районах, но даже на близлежащих территориях Баку не видно было и следов от такого бурного развития и подобных новшеств. Население Азербайджана проживало в нищете и бедности. А в Баку, который к тому времени уже прославился на весь мир своей нефтью, и в окружающих районах, население лишено было возможности использовать нефтяные продукты в своих домах. Отношение Советской России к Азербайджану после падения Азербайджанской Народной Республики можно становится очевидным и понятным из писем Наримана Нариманова, адресованных Сталину. Так, в своих письмах Сталину Нариман Нариманов отмечал:

«Можно легко говорить красивые речи, но гораздо труднее творить красивые дела. Но Азербайджан сотворил именно красивое дело. Советский Азербайджан сам, добровольно и без принуждения на то, объявил, что нефть принадлежит трудящимся Советской России, но зачем же нужно было создавать в Советской республике «монархию» во главе с «королем» Серебровским, ему до сих пор кажется, что он обманывает азербайджанцев звездой и полумесяцем.

Улькяр АЛИЕВА

В первый же год Азербайджан не только давал нефть, он также выдавал из своей государственной кассы заработную плату рабочим.

Что может быть более интернациональным, чем такой поступок?

Я настаиваю на том, чтобы во время добросердечной беседы со мной не было ни одного случая, когда какой-нибудь азербайджанец выразит свое недовольство тем, что Азербайджан лишен самого прибыльного источника, однако было много разговоров, и сейчас они есть о том, что Серебровский не желает признавать Советский Азербайджан.

Вот, кто порождает тенденцию к национализму.

Если же обратить внимание на состав служащих НефтьКома и Баксовета, то тут беспристрастный наблюдатель придет в ужас. Местные мусульманские инженеры и интеллигенты вообще занимаются торговлей, а эти предприятия до отказа переполнены русскими, армянами и евреями.

Когда Азербайджанский крестьянин из-за отсутствия белой нефти (керосина) отапливает свой дом, сжигая щепки, когда азербайджанский гражданин видит, что в Тифлисе белая нефть стоит дешевле, чем в Гяндже, хочешь - не хочешь, но в адрес тех, кто это

творит, приходится слышать упреки, обвинение в колониализме и т.д.

Целый год я вел борьбу с товарищем Серебровским по поводу процентных отчислений из нефтяных продуктов в пользу Азербайджана, довел дело до сведения Политического бюро, которое своим постановлением в качестве обязательства поручило товарищу Серебровскому исполнить эти отчисления. Почему же товарищ Серебровский до сих пор не выполняет этого как следует? Почему Центральный Комитет республики не осуществляет контроль за исполнением этого постановления? А потому, что товарищи Киров, Микоян и их компания проявляют пренебрежительное отношение к этому делу? Для того, чтобы обращать на это внимание, действительно нужно иметь интернациональную душу, если можно так выразиться. Их вовсе не интересует то, что крестьяне в Азербайджане тонут и задыхаются в болоте невежества. Чем же занимаются такие ответственные мусульманские работники, как председатель ЦИК Агамалыоглу, председатель Совета Народных Комиссаров Мусабеков?

Да, эти несчастные для того и были выдвинуты на эти должности, чтобы молчать...» [цитата взята: 6, с. 27-28].

Литература:

1. Ергин, Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – Москва: Альпина Паблишер, 2012. – 944 с.
2. Фурсенко, А. А. Нефтяные войны (конец XIX – начало XX веков). – Ленинград: Наука, 1985. – 207 с.
3. Алиев Али. Азербайджанская нефть на мировом рынке (20-30-е годы XIX века). – Баку: Элм, 2011. – 360 с.
4. История Азербайджана, в семи томах, том шестой

(апрель 1920 – июнь 1940). – Баку: Элм, 2008. – 568 с.

5. Алиев Али. Развитие нефтяной промышленности Азербайджана в годы Советской власти. – Баку: Азербнэшр, 1957. – 71 с.

6. Нариманов Нариман. Об истории нашей революции на окраинах (письмо И. В. Сталину). – Баку: Азербнэшр, 1992. – 80 с.

Summary

In the early 1920s oil industry of Azerbaijan needed reconstruction. Baku oil was very important for Russian Soviet. The Soviets knew that for reconstruction economy first they have to reconstruct the oil industry. So they paid attention to the oil industry, especially the oil industry of Azerbaijan was the focus of attention. For providing oil industry with the modern equipment and designs a number of new plants were constructed and old plants were thoroughly reconstructed. One of the main conditions of development is also existence of useful personnel. So at the same time was begun training of HR specialists in the Azerbaijani oil industry. But unfortunately for Azerbaijan nothing is gained by all of this development of industry and achievements. All incomes from the oil and oil products were in the Soviet possession.

Порядок публикации и требования к оформлению статей научного журнала «Право и политология»

Для опубликования статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию журнала публикуемые материалы в электронном виде в единичном экземпляре на любом из перечисленных носителей (CD-ROM, DVD-ROM, флэш-носитель) и на бумажном носителе в двух экземплярах. В конце текста статьи необходимо указывать электронный адрес автора (авторов). Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов не должен превышать, как правило, 20 страниц (14 шрифт, 1,5 интервала) и 500 Кб.

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторах), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- основной материал (текст) статьи;
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- фотография автора размером 4х6 см в электронной версии;
- электронный адрес и телефон автора (соавторов).

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев, Н. Г. Проблемы военного права Азербайджана. – Баку: Азернешр, 1999, с. 35.
2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан – новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Mehdiyev, R. Goris-2010. Season of the theatre of the absurd. – Tbilisi: Universal, 2010. – 185 pp.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.
7. В электронных источниках является обязательным указание даты доступа (обращения). Израиль ведет кибервойну против Ирана? – http://aze.az/news_izrail_vedet_kibervoynu_57001.html (29.04.2011 16:08).

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. В качестве рецензента должен выступать как минимум один специалист, имеющий степень доктора наук по специальности данной работы. Содержание рецензии должно подтверждать, что данная статья содержит новые интересные материалы и заслуживает публикации. Решение о публикации статьи в журнале принимается сопредседателями редколлегии журнала.

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 30

Подписанно в печать: 4.06.2015
Формат 60×84 1/8
Объем 8,5 п. л.
Заказ № 122
Тираж 500

„Print-Caro” SRL, 2014
MD-2049, m. Chişinău,
str. Mirceşti 22/2
tel/fax /373 22/ 931-653